

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования**

**«Российский университет дружбы народов имени Патриса  
Лумумбы»  
(РУДН)**

*На правах рукописи*

**АКСЕНОВА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА**

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВОВОМ  
ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ  
(ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ  
ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА**

Специальность 5.1.2.

«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Российской  
Федерации

Олег Александрович Ястребов

Москва - 2026

## Оглавление

|                                                                                                                                                                                                                             |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| ВВЕДЕНИЕ .....                                                                                                                                                                                                              | 3   |
| ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА .....                                                                                                                         | 29  |
| 1.1. Искусственный интеллект как объект публично-правового регулирования: от универсальной к функциональной правовой дефиниции .....                                                                                        | 29  |
| 1.2. Искусственный интеллект как фактор трансформации административно-правовых процедур публичного управления .....                                                                                                         | 60  |
| 1.3. Пределы правовой персонализации искусственного интеллекта в публичном праве .....                                                                                                                                      | 77  |
| ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГУЛЯТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА ..... | 100 |
| 2.1. Содержательные характеристики административно-правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.....                                          | 100 |
| 2.2. Искусственный интеллект как элемент режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в зарубежных странах .....                                        | 123 |
| 2.3. Искусственный интеллект как элемент режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в Российской Федерации.....                                       | 146 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....                                                                                                                                                                                                            | 164 |
| СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ .....                                                                                                                                                                                      | 170 |

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы исследования** обусловлена тем, что рассматриваемая проблематика находится на стыке нескольких значимых направлений современной правовой науки: административно-правового регулирования публичного управления, цифровой трансформации государства и обеспечения финансовой безопасности.

Расширение сферы применения цифровых технологий, в том числе систем искусственного интеллекта, постепенно меняет содержание административной деятельности. Органы публичной власти все чаще используют технологические инструменты не только для обработки информации, но и для анализа рисков, прогнозирования правонарушений и поддержки управленческих решений. В результате перед юридической наукой возникает задача переосмысления традиционных правовых конструкций, прежде всего тех, которые связаны с пределами административного усмотрения, ответственностью уполномоченных субъектов и допустимостью использования алгоритмических выводов в публично-правовой сфере.

Особую значимость данные вопросы приобретают применительно к финансовому мониторингу. Именно в этой области обработка больших массивов сведений, выявление нетипичных операций и оценка финансового поведения участников экономического оборота имеют принципиальное значение для предупреждения легализации преступных доходов и финансирования терроризма. В этой связи искусственный интеллект может рассматриваться как один из инструментов повышения аналитических возможностей системы финансового мониторинга. На это обращает внимание и директор Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации Ю. А. Чиханчин, указывая на значение технологий машинного обучения для развития аналитической работы в данной сфере<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Глава Росфинмониторинга рассказал о применении ИИ в работе службы // Парламентская газета: официальный сайт. 2026. URL: <https://www.pnp.ru/social/glava-rosfinmonitoringa-rasskazal-o-primenenii-ii-v-rabote.html> (дата обращения: 07.03.2026).

Применение искусственного интеллекта позволяет автоматизировать обработку значительных массивов данных, выявлять рискованные модели поведения участников финансовых отношений и повышать эффективность противодействия финансовым правонарушениям.

В этой связи административно-правовое регулирование должно быть ориентировано на обеспечение законности применения интеллектуальных систем, прозрачности применения цифровых технологий и ответственности субъектов, разрабатывающих, внедряющих и эксплуатирующих такие технологии.

Актуальность темы также усиливается стратегическими ориентирами цифровой трансформации Российской Федерации, зафиксированными в Стратегии развития информационного общества (2017–2030)<sup>2</sup> и в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации<sup>3</sup>. В этих документах искусственный интеллект рассматривается как ключевая технология, определяющая вектор развития всех сфер жизнедеятельности общества, включая обеспечение национальной безопасности и правопорядка.

26 февраля 2026 года Президент Российской Федерации подписал Указ № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта»<sup>4</sup>. Данный орган осуществляет координацию деятельности по созданию, развитию и внедрению технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации и их

---

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201705100002> (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>3</sup> Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>4</sup> Указ Президента РФ от 26.02.2026 № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52999> (дата обращения: 31.05.2026).

использованию в отраслях экономики, социальной сфере, системе государственного и муниципального управления, а также обеспечивает согласованные действия федеральных и региональных органов власти, научных и иных организаций по развитию искусственного интеллекта, что подчеркивает стремление Российской Федерации укреплять институциональную и правовую основу внедрения искусственного интеллекта в различные сферы.

В международном контексте значимость рассматриваемой проблематики подтверждается подходами Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее — ФАТФ), в рамках которых подчеркивается высокий потенциал технологий машинного обучения для выявления сложных схем легализации преступных доходов и финансирования терроризма<sup>5</sup>.

С учетом участия Российской Федерации в международной системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, формируемой в рамках ФАТФ, развитие национального законодательства осуществляется с учетом вырабатываемых международных стандартов и рекомендаций.

Указанные обстоятельства требуют не только учета международных подходов, но и их содержательной адаптации к особенностям национальной правовой системы. В связи с этим особую значимость приобретает исследование административно-правовых средств регулирования использования искусственного интеллекта в финансовой сфере, в том числе в условиях трансграничного движения денежных средств и обмена финансовой информацией.

---

<sup>5</sup> Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. Возможности и проблемы новых технологий в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма: доклад // Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ): официальный сайт. Париж, 2021. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Opportunities-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

В настоящее время складывается заметное несоответствие между фактическим уровнем применения технологий искусственного интеллекта в системе финансового мониторинга и степенью их правовой регламентации. При активном использовании интеллектуальных систем для анализа операций, выявления рисков и обработки больших массивов данных вопросы правового режима таких технологий, пределов их применения, контроля за их результатами и распределения ответственности между участниками соответствующих отношений остаются разработанными не в полной мере.

Дополнительную сложность создает то, что регулирование искусственного интеллекта как на международном, так и на национальном уровне пока носит фрагментарный характер. Отсутствие целостной правовой модели способно порождать риски для законности, защиты прав граждан и организаций, а также для устойчивости публичного управления. В рассматриваемой сфере искусственный интеллект следует понимать не как самостоятельного субъекта права, а как объект государственного управления и контроля, результаты функционирования которого могут иметь юридическое значение: использоваться при классификации данных, формировании риск-профилей, подготовке аналитических выводов и поддержке решений, влияющих на правовое положение граждан и организаций.

Указанное противоречие свидетельствует о недостаточной разработке научных и правоприменительных подходов к административно-правовому регулированию использования искусственного интеллекта в сфере финансового мониторинга. В этих условиях возникает объективная необходимость комплексного научного исследования, направленного на разработку теоретических и прикладных основ правового обеспечения применения искусственного интеллекта в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

**Степень научной разработанности темы.** Проблематика правового регулирования искусственного интеллекта в настоящее время активно исследуется в отечественной и зарубежной юридической науке. Вместе с тем ее разработка носит преимущественно межотраслевой и фрагментарный характер: искусственный интеллект рассматривается в контексте цифровизации публичного управления, защиты персональных данных и применения цифровых технологий в отдельных сферах государственного управления. При этом вопросы административно-правового регулирования искусственного интеллекта именно в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма пока не получили самостоятельной комплексной научной разработки.

Теоретико-методологическую основу данного исследования составляют труды представителей общей теории государства и права, в которых раскрываются вопросы правового регулирования, правосубъектности, юридической ответственности, правовых режимов, законности, правового воздействия и пределов государственного вмешательства. Значение для настоящего исследования имеют работы С.С. Алексеева, Н.Г. Александрова, М.И. Байтина, А.Б. Венгерова, Н.А. Власенко, В.В. Лазарева, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, Т.Н. Радько, М.М. Рассолова, В.Н. Синюкова, Ю.А. Тихомирова, Т.Я. Хабриевой, О.А. Ястребова и других ученых. Сформулированные ими положения позволяют рассматривать искусственный интеллект не только как технологическое явление, но и как объект правового регулирования, включенный в систему публично-правовых отношений и подлежащий оценке с точки зрения законности и ответственности.

Значительный вклад в развитие научных представлений о цифровизации публичного управления, информационном праве, административно-правовых процедурах и правовом обеспечении новых технологий внесли А.Б. Агапов, Р.В. Амелин, И.Л. Бачило, Ю.М. Батурин, М.В. Бундин, Г.А. Грищенко, Г.Г.

Камалова, А.А. Карцхия, Н.Н. Ковалева, П.У. Кузнецов, А.В. Мартынов, А.В. Минбалеев, А.В. Морозов, В.Б. Наумов, А.В. Незнамов, Т.А. Полякова, Е.Р. Россинская, Н.Г. Салищева, А.А. Тедеев, А.И. Химченко, Е.В. Холодная, М.А. Федотов, С.Е. Чаннов, А.А. Чеботарева и другие исследователи. Их труды имеют значение для анализа искусственного интеллекта как элемента цифровой инфраструктуры публичного управления, способного изменять содержание административных процедур, формы контроля и способы обработки юридически значимой информации.

Отдельное направление научных исследований связано с правовым регулированием искусственного интеллекта, определением его правовой природы, пределов автономности и распределением ответственности. Данные вопросы получили развитие в работах В.В. Архипова, П.П. Баранова, Л.С. Болотовой, А.А. Васильева, Т.А. Гавриловой, А.В. Габова, Г.А. Грищенко, А.А. Головиной, А.А. Жданова, В.П. Куприяновского, А.В. Минбалеева, П.М. Морхата, В.Б. Наумова, А.В. Незнамова, Ю.В. Печатновой, Т.А. Поляковой, А.С. Потапова, И.В. Понкина, А.Н. Райкова, А.И. Редькиной, В.Н. Ручкина, В.С. Савина, В.Н. Синельникова, Д.В. Смолина, В.А. Фулина, И.А. Филиповой, Т.Я. Хабриевой, В.Ф. Хорошевского, В.Н. Черкасова, Л.Н. Ясницкого, О.А. Ястребова и других авторов. В указанных исследованиях искусственный интеллект анализируется как сложный объект правового воздействия, результаты функционирования которого могут иметь юридическое значение и требуют специальных механизмов контроля, верификации и ответственности.

В современной отечественной науке особую значимость приобрели попытки систематизации подходов к определению правового статуса искусственного интеллекта, включая его квалификацию в качестве объекта права, квазисубъекта, особого технологического объекта правового регулирования либо возможного «электронного лица». Данные подходы получили развитие в исследованиях Д.А. Абдиевой, В.К. Барчукова, Ю.С. Балалаевой, И.В. Балтутите, И.Ю. Богдановской, Е.В. Васякиной, А.А. Волоса,

Ю.И. Головизниной, Н.А. Данилова, Е.В. Егоровой, В.А. Калятина, О.И. Карпенко, П.А. Рустамова, Д.Р. Салихова, С.А. Соменкова, Е.С. Тютчевой, Е.О. Федорук, А.Ю. Чуриковой, А.А. Щитовой, Б.А. Шахназарова, Я.Н. Шевченко, О.А. Ястребова и других ученых. Для настоящей работы эти исследования имеют принципиальное значение, поскольку позволяют определить пределы правовой персонализации искусственного интеллекта в публичном праве и обосновать необходимость его квалификации не как самостоятельного субъекта, а как элемента цифровой инфраструктуры финансового мониторинга.

Особое значение для настоящего исследования имеют научные труды, посвященные финансовому мониторингу и правовому регулированию системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В работах М.М. Прошунина финансовый мониторинг рассматривается как самостоятельный правовой механизм, обладающий специальными целями, принципами, субъектным составом, институциональной структурой и системой правовых средств. Развитие данной проблематики получило отражение также в исследованиях М.А. Татчука, В.А. Зубкова, С.К. Осипова, Э.А. Иванова, Б.В. Волженкина, Р.В. Журбина, В.Н. Мельникова, А.Г. Мовсисяна, П.В. Ревенкова, А.Б. Дудки, А.Н. Воронина, М.В. Каратаева, А.З. Селезнева, В.З. Чаплюка, Г.Ю. Негляда, Ю.В. Лафитской, Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко, Н.Е. Анохина и других авторов. Сформулированные в указанных работах положения о правовой природе финансового мониторинга, его целях, инструментах, риск-ориентированном характере и обязанностях субъектов первичного финансового мониторинга позволяют использовать данные подходы в качестве теоретической основы для исследования трансформации указанного режима в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта.

В целях формирования целостной теоретико-методологической базы настоящего исследования представляется необходимым учитывать также

современные диссертационные работы, посвященные правовому регулированию цифровых технологий и искусственного интеллекта в публичной сфере. Так, А.Ю. Чурикова, исследуя применение информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве, раскрывает правовые риски использования алгоритмических инструментов и необходимость обеспечения прозрачности, безопасности и проверяемости таких систем<sup>6</sup>. Ю.С. Балалаева рассматривает теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере и обосновывает значение принципов предсказуемости, прозрачности и безопасности алгоритмических решений<sup>7</sup>. В.К. Барчуков анализирует организационно-правовые основы информационного обеспечения и применения искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов, что имеет значение для понимания институционализации интеллектуальных технологий в публичной сфере<sup>8</sup>.

Существенный вклад в разработку вопросов юридической ответственности в условиях цифровизации внесла Е.О. Федорук, которая рассматривает проблемы правосубъектности и квазиправосубъектности искусственного интеллекта, а также особенности распределения ответственности за действия, совершаемые с его использованием<sup>9</sup>. Ю.И. Головизнина, рассматривая противодействие коррупции в деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти, обосновывает

---

<sup>6</sup> Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 48 с. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/23-10-2024-2r.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).

<sup>7</sup> Балалаева Ю.С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. Нижний Новгород, 2024. 263 с.

<sup>8</sup> Барчуков В.К. Организационно-правовые основы информационного обеспечения и применения искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. Москва, 2025. 263 с.

<sup>9</sup> Федорук Е.О. Институт юридической ответственности в контексте развития технологий искусственного интеллекта: критический анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2024. 244 с.

значение цифровых технологий для повышения прозрачности и эффективности контрольной деятельности<sup>10</sup>. Исследования Д.А. Абдиевой, посвященные систематизации законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу<sup>11</sup>, а также работы С.В. Соловкина, раскрывающие публично-правовое регулирование процессов автоматизированного сбора данных о человеке<sup>12</sup>, позволяют выявить общие тенденции развития правового регулирования цифровых технологий в публичной сфере.

Существенное значение имеет и диссертационное исследование А.Р. Атабекова, посвященное концептуальным подходам и практике правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере<sup>13</sup>. В указанной работе анализируются вопросы алгоритмизации правоприменения, нормативного оформления правового режима искусственного интеллекта, а также необходимости соблюдения требований законности, прозрачности и внешнего контроля при использовании интеллектуальных систем. Эти положения позволяют рассматривать искусственный интеллект не только как средство технологической оптимизации, но и как объект административно-правового регулирования, требующий специальных процедур контроля и оценки последствий его применения.

Значительный вклад в разработку рассматриваемой проблематики внесли зарубежные исследователи. Вопросы правовой природы

---

<sup>10</sup> Головизнина Ю.И. Противодействие коррупции в деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2025. 232 с.

<sup>11</sup> Абдиева Д.А. Систематизация законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва, 2024. 200 с.

<sup>12</sup> Соловкин С.В. Публично-правовое регулирование процессов автоматизированного сбора данных о человеке в условиях цифровой трансформации: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Москва, 2024. 278 с.

<sup>13</sup> Атабеков А.Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.2 / Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Москва, 2024. 382 с.

искусственного интеллекта, его возможной правосубъектности, автономности, ответственности и пределов юридической персонализации получили развитие в работах Джессики Аллайн (Jessica S. Allain), Жоао Пауло де Алмейда Ленардона (João Paulo de Almeida Lenardon), Мэди Делво-Стехрес (Mady Delvaux-Stehres), Натали Невейанс (Nathalie Nevejans), Роберта Гринка (Robert Grink), Самиры Чопра (Samir Chopra), Алекса Эндрю (Alex Andrew), Патрика Генри Уинстона (Patrick Henry Winston), Джорджа Люгера (George F. Luger), Лоуренса Солума (Lawrence B. Solum), Райана Кало (Ryan Calo), Мэтью Шерера (Matthew U. Scherer), Уго Пагалло (Ugo Pagallo), Роджера Браунсворда (Roger Brownsword), Мирей Хильдебрандт (Mireille Hildebrandt), Андреа Бертолини (Andrea Bertolini), Вудро Барфилда (Woodrow Barfield), Йоанны Брысон (Joanna J. Bryson), Вирджинии Дигнум (Virginia Dignum), Пауля Немица (Paul Nemitz), Фрэнка Паскуале (Frank Pasquale), Дэвида Владека (David C. Vladeck), Даниэль Китс Ситрон (Danielle Keats Citron), Марго Камински (Margot E. Kaminski), Джошуа Кролла (Joshua A. Kroll), Лилиан Эдвардс (Lilian Edwards), Майкла Вила (Michael Veale), Кейт Кроуфорд (Kate Crawford), Джейсона Шульца (Jason Schultz), Дейдры Маллиган (Deirdre K. Mulligan), Хелен Ниссенбаум (Helen Nissenbaum), Джека Балкина (Jack M. Balkin), Тала Зарского (Tal Z. Zarsky), Николаса Пети (Nicolas Petit), Мартина Эберса (Martin Ebers), Сусаны Навас (Susana Navas), Филиппа Хакера (Philipp Hacker), Герхарда Вагнера (Gerhard Wagner), Кристофа Буша (Christoph Busch), Томаса Вишмайера (Thomas Wischmeyer), Эндрю Тутта (Andrew Tutt), Ребекки Крутоф (Rebecca Crootof), Сандры Вахтер (Sandra Wachter), Брента Миттелштадта (Brent Mittelstadt), Лучано Флориди (Luciano Floridi), Солона Барокаса (Solon Barocas), Эндрю Селбста (Andrew D. Selbst) и других авторов. Указанные исследования позволяют учитывать зарубежные доктринальные подходы к определению искусственного интеллекта, а также определению пределов допустимого применения искусственного интеллекта в публично-правовой сфере.

Для настоящего исследования значение имеют также зарубежные работы, посвященные финансовому мониторингу, риск-ориентированному подходу и деятельности финансовых разведок. Данные вопросы получили развитие в трудах Питера Олдриджа (Peter Alldridge), Николаса Райдера (Nicholas Ryder), Гая Стессенса (Guy Stessens), Уильяма Гилмора (William C. Gilmore), Бригитты Унгер (Brigitte Unger), Майкла Леви (Michael Levi), Джеки Харви (Jackie Harvey), Томаса Нейлора (R.T. Naylor), Маргарет Бир (Margaret E. Beare), Донато Машиандаро (Donato Masciandaro), Эрнесто Савоны (Ernesto U. Savona) и других исследователей.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что в юридической науке уже сформированы значимые теоретические подходы к пониманию цифровизации публичного управления, правовой природы искусственного интеллекта, его возможного статуса, требований к прозрачности, безопасности, контролю и распределению ответственности. Вместе с тем имеющиеся исследования, как правило, раскрывают отдельные аспекты данной проблематики и не образуют целостной административно-правовой модели использования искусственного интеллекта применительно к режиму противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Указанное обстоятельство подтверждает необходимость дальнейшего научного исследования, направленного на разработку специальной модели правового регулирования искусственного интеллекта в системе финансового мониторинга.

**Цель диссертационного исследования** заключается в формировании административно-правовой модели применения искусственного интеллекта в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также в разработке предложений, направленных на совершенствование правового регулирования соответствующих общественных отношений.

**Для достижения указанной цели в диссертационном исследовании поставлены следующие задачи:**

- раскрыть основные направления применения искусственного интеллекта в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;
- определить содержание и признаки искусственного интеллекта как объекта публично-правового регулирования с учетом его применения в административно-правовых процедурах финансового мониторинга;
- установить особенности и основные тенденции административно-правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации и зарубежных правовых порядках, имеющих значение для выработки правовой модели его применения в рассматриваемой сфере;
- установить пределы правовой персонализации искусственного интеллекта в публичном праве и обосновать необходимость его квалификации не как самостоятельного субъекта, а как элемента цифровой инфраструктуры режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;
- определить значение такой квалификации для распределения юридической ответственности между уполномоченными органами, организациями и иными субъектами, участвующими в реализации указанного режима;
- выявить особенности изменения административно-правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта;
- охарактеризовать публично-правовые риски, возникающие при использовании искусственного интеллекта в деятельности государственных органов и организаций, вовлеченных в систему финансового мониторинга;
- обосновать необходимость нормативного закрепления специальных требований к прозрачности, контролируемости и подотчетности систем искусственного интеллекта, применяемых в сфере противодействия

легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;

- сформулировать предложения по совершенствованию административно-правового регулирования применения искусственного интеллекта в деятельности субъектов, участвующих в реализации режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

**Объектом исследования** являются административно-правовые отношения, возникающие в процессе применения технологий искусственного интеллекта в деятельности субъектов финансового мониторинга в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

**Предмет исследования** составляют нормы права, регулирующие отношения в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма с учетом использования технологий искусственного интеллекта субъектами финансового мониторинга, практика применения указанных норм, а также научные подходы к определению административно-правового статуса искусственного интеллекта в публичном праве.

**Методология и методы исследования** определяется комплексным подходом, сочетающим общенаучные и специально-юридические методы. В числе общенаучных методов используются системный анализ, индукция и дедукция, абстрагирование, синтез и обобщение, что позволяет выявлять закономерности развития правового регулирования в условиях цифровой трансформации.

Среди специальных методов применяются сравнительно-правовой метод (для сопоставления национальных и международных моделей правового регулирования искусственного интеллекта в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма), формально-юридический метод (для

анализа нормативных конструкций и выявления их логической согласованности), метод толкования норм права, а также правовое моделирование (для разработки концептуальных подходов к формированию административно-правового режима использования технологий искусственного интеллекта).

Дополнительно в работе используются герменевтический метод (для раскрытия правовых текстов в контексте их ценностного и идеологического содержания), а также элементы социологического подхода, позволяющие учесть данные о практическом применении технологий искусственного интеллекта в финансовом мониторинге и международных стандартах.

В концептуальном отношении исследование опирается на фундаментальные правовые принципы законности, правового государства, системного соотношения публичного и частного права, а также на идею обеспечения баланса публичных и частных интересов посредством равных и справедливых правовых средств их защиты.

**Теоретическую основу диссертационного исследования** составили фундаментальные положения общей теории государства и права, а также современные доктринальные разработки в области правового регулирования цифровых технологий.

Работа опирается на труды ведущих теоретиков права С. С. Алексеева, А. Б. Венгерова, Н. А. Власенко, Е. Ю. Грачевой, А. Б. Зеленцова, А. В. Корнева, Г. И. Муромцева, М. М. Рассолова, В. Н. Синюкова, Т. Н. Радько, Ю. А. Тихомирова, О. А. Ястребова и других исследователей.

Существенное значение имели исследования в области публичного права и правового обеспечения цифровой трансформации, представленные в трудах А. Б. Агапова, Р. В. Амелина, В. В. Архипова, Ю. М. Батурина, И. Л. Бачило, Л. С. Болотовой, М. В. Бундина, Г. А. Грищенко, Г. Г. Камаловой, А. А. Карцхии, Н. Н. Ковалевой, П. У. Кузнецова, А. В. Мартынова, А. В. Минбалеева, А. В. Морозова, В. Б. Наумова, А. В. Незнамова, Т. А. Поляковой, Е. Р. Россинской, Н. Г. Салищевой, А. А. Тедеева, А. И. Химченко, Е. В.

Холодной, М. А. Федотова, С. Е. Чаннова, А. А. Чеботаревой и других специалистов. Значимыми для исследования стали также труды П. М. Морхата, И. В. Балтутите, И. И. Литвина, Б. А. Шахназарова, Я. Н. Шевченко, а также зарубежных авторов — С. Хокинга, Н. Бострома, Э. Юдковского, Э. Риссланд и др., чьи работы раскрывают правовые и этические аспекты применения искусственного интеллекта в современных условиях.

**Нормативно-правовая основа диссертационного исследования** включает международные акты и документы, определяющие подходы к защите прав человека, персональных данных, безопасности и регулированию искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации. К ним относятся Конвенция Совета Европы о защите лиц в связи с автоматизированной обработкой персональных данных<sup>14</sup>, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 68/167 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху»<sup>15</sup>, Резолюция Совета ООН по правам человека A/HRC/RES/47/23 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»<sup>16</sup>, Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта<sup>17</sup>, Рекомендация Совета ОЭСР по искусственному интеллекту<sup>18</sup>,

---

<sup>14</sup> Конвенция Совета Европы о защите лиц в связи с автоматизированной обработкой персональных данных ETS № 108 от 28.01.1981 // Совет Европы: официальный сайт. URL: <https://rm.coe.int/1680078b37> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>15</sup> Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2013 № 68/167 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» // Цифровая библиотека ООН: официальный сайт. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/764407> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>16</sup> Резолюция Совета ООН по правам человека от 13.07.2021 № A/HRC/RES/47/23 «Новые и формирующиеся цифровые технологии и права человека» // Цифровая библиотека ООН: официальный сайт. URL: [https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/07/a\\_hrc\\_res\\_20\\_8-ru.pdf?ysclid=mrd6z3hms4209430449](https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/07/a_hrc_res_20_8-ru.pdf?ysclid=mrd6z3hms4209430449) (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>17</sup> Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта]: adopted by the General Conference of UNESCO at its 41st session on 23.11.2021 // UNESCO Digital Library: официальный сайт. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>18</sup> Recommendation of the Council on Artificial Intelligence OECD/LEGAL/0449 [Рекомендация Совета ОЭСР по искусственному интеллекту OECD/LEGAL/0449]: adopted on 22.05.2019, amended on 03.05.2024 // OECD Legal Instruments: официальный сайт. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 31.05.2026).

Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым правилам о робототехнике<sup>19</sup>, а также Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права<sup>20</sup>.

Особое значение для настоящего исследования имеют акты Европейского союза, формирующие современные подходы к регулированию автоматизированной обработки данных, цифровых технологий и искусственного интеллекта. В историко-правовом аспекте учитывается Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета от 24 октября 1995 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных»<sup>21</sup>, утратившая силу, но оказавшая существенное влияние на становление европейской модели защиты персональных данных. Наряду с ней анализируется действующий Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. — Общий регламент по защите данных (GDPR)<sup>22</sup>, а также Регламент (ЕС)

---

<sup>19</sup> European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Резолюция Европейского парламента от 16.02.2017 с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым правилам о робототехнике (2015/2103(INL))] // EUR-Lex: официальный сайт. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=oj:JOC\\_2018\\_252\\_R\\_0026](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=oj:JOC_2018_252_R_0026) (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>20</sup> Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law CETS № 225 [Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права CETS № 225]: opened for signature on 05.09.2024 // Council of Europe: официальный сайт. URL: <https://www.coe.int/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=225> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>21</sup> Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24.10.1995 On the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data [Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета от 24.10.1995 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных] // EUR-Lex: официальный сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31995L0046> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>22</sup> Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27.04.2016 On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC [Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27.04.2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, отменяющий Директиву

2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта<sup>23</sup>.

Отечественную нормативно-правовую основу исследования составляют Конституция Российской Федерации<sup>24</sup>, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»<sup>25</sup>, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»<sup>26</sup>, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»<sup>27</sup>, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»<sup>28</sup>, Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»<sup>29</sup>, а также иные федеральные законы, регулирующие отношения в сфере публичного управления, финансового мониторинга, обработки информации и обеспечения безопасности.

---

95/46/EC] // EUR-Lex: официальный сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>23</sup> Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13.06.2024 Laying down harmonised rules on artificial intelligence [Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13.06.2024, устанавливающий гармонизированные правила об искусственном интеллекте] // EUR-Lex: официальный сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>24</sup> Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>25</sup> Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33, ч. I. Ст. 3418.

<sup>26</sup> Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3451.

<sup>27</sup> Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3448.

<sup>28</sup> Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

<sup>29</sup> Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

В работе также использованы акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Банка России и Федеральной службы по финансовому мониторингу, определяющие организационные, контрольные и процедурные основы функционирования системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Особое значение имеют Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»<sup>30</sup>, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года<sup>31</sup>, Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденная Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г.<sup>32</sup>, а также Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта»<sup>33</sup>.

Нормативную основу исследования дополняют акты, регламентирующие экспериментальные правовые режимы и специальные условия внедрения технологий искусственного интеллекта, включая Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении

---

<sup>30</sup> Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

<sup>31</sup> Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

<sup>32</sup> Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: утв. Президентом РФ 30.05.2018 // Гарант. URL: [Концепция развития национальной системы противодействия легализации \(отмыванию\) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма \(утв. Президентом РФ 30 мая 2018 г.\) | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ](#) (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>33</sup> Указ Президента РФ от 26.02.2026 № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52999> (дата обращения: 31.05.2026).

эксперимента по установлению специального регулирования, необходимого для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>34</sup>, а также Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ, внесший изменения в законодательство о персональных данных и экспериментальном правовом режиме внедрения технологий искусственного интеллекта<sup>35</sup>.

**Эмпирическую базу диссертационного исследования** составили официальные статистические материалы, документы стратегического планирования, результаты национальных оценок рисков, отчеты уполномоченных органов и материалы международных организаций.

В их числе — Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов в Российской Федерации 2021–2022 годов<sup>36</sup>, Национальная оценка рисков финансирования терроризма в Российской Федерации 2021–2022 годов<sup>37</sup>, официальные отчеты о деятельности

---

<sup>34</sup> Федеральный закон от 24.04.2020 №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования, необходимого для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2701.

<sup>35</sup> Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования, необходимого для создания и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве, и о внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33, ч. I. Ст. 4929.

<sup>36</sup> Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов в Российской Федерации 2021–2022 годов // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. М., 2022. URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B%20%D0%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B4-2022-6.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>37</sup> Национальная оценка рисков финансирования терроризма в Российской Федерации 2021–2022 годов // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. М., 2022. URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B%20%D0%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D1%86%D>

Федеральной службы по финансовому мониторингу за 2021, 2022, 2023 и 2024 годы<sup>38</sup>, а также аналитические материалы ФАТФ и Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ), содержащие оценку угроз, уязвимостей и тенденций применения новых технологий в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма<sup>39</sup>.

Дополнительно в исследовании использованы материалы Банка России, Росстата и иных официальных источников, отражающие процессы цифровизации финансового сектора, развитие автоматизированных систем анализа данных и внедрение риск-ориентированных подходов в сфере финансового мониторинга. Указанные материалы позволили оценить не только нормативные предпосылки применения искусственного интеллекта, но и фактические направления его использования в системе противодействия

---

[0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D1%84%D1%82.pdf](#) (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>38</sup> Отчет о работе Росфинмониторинга за 2021 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. М., 2022.  
URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2022/%D0%B0nnualreport21.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

Отчет о работе Росфинмониторинга за 2022 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. М., 2023.  
URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D1%80%D1%84%D0%BC%202022.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

Отчет о работе Росфинмониторинга за 2023 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. М., 2024.  
URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D1%80%D1%84%D0%BC%202023.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

Отчет о работе Росфинмониторинга за 2024 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. М., 2025.  
URL: [https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%B0nnual%20report\\_2024.pdf](https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%B0nnual%20report_2024.pdf) (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>39</sup> Opportunities and Challenges of New Technologies for AML/CFT [Возможности и проблемы новых технологий в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма]: FATF Report // Financial Action Task Force (FATF): официальный сайт. Paris, 2021. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Opportunities-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

**Научная новизна диссертационного исследования** заключается в разработке административно-правовой модели использования технологий искусственного интеллекта в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в Российской Федерации.

В работе сформулирован подход к определению роли искусственного интеллекта в структуре указанного режима как элемента цифровой инфраструктуры финансового мониторинга, обеспечивающего реализацию публично-правовых полномочий.

На основе анализа отечественных и зарубежных подходов к регулированию применения искусственного интеллекта в публичной сфере выявлены ключевые направления трансформации административно-правовых механизмов финансового мониторинга, включая изменение содержания контрольных процедур, расширение риск-ориентированного подхода и развитие автоматизированных систем выявления подозрительных операций.

Кроме того, обоснованы направления совершенствования правового регулирования режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в Российской Федерации с учетом внедрения технологий искусственного интеллекта, включая развитие требований к прозрачности алгоритмов, распределению административной ответственности и усилению гарантий реализации прав субъектов финансового мониторинга.

Научную новизну содержат также **положения, выносимые на защиту:**

1. Установлено, что применение технологий искусственного интеллекта в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма приводит к трансформации административно-правовых процедур финансового мониторинга, выражающейся не только в автоматизации анализа

финансовых операций, но и в изменении способов идентификации рисков, формирования риск-профилей, отбора операций для последующей проверки и подготовки аналитических выводов.

2. Доказано, что искусственный интеллект не может быть признан субъектом права в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, однако его применение требует закрепления в качестве элемента цифровой инфраструктуры финансового мониторинга, что обуславливает необходимость нормативного распределения административно-правовой ответственности между разработчиками, операторами и субъектами финансового мониторинга.

3. Обоснована необходимость закрепления функционально ориентированного определения искусственного интеллекта для целей реализации режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма применительно к деятельности Росфинмониторинга, Банка России, организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и иных субъектов, участвующих в реализации указанного режима.

4. Выявлено, что применение искусственного интеллекта в деятельности субъектов, участвующих в реализации режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, формирует особенности правового режима его использования, выражающиеся в необходимости установления обязательных требований к прозрачности, проверяемости и верификации алгоритмических результатов, документированию автоматизированной обработки данных, а также введению процедур пересмотра решений, принятых с учетом выводов интеллектуальных систем.

5. Обосновано, что режим противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию

терроризма в условиях цифровизации претерпевает институциональную трансформацию, выражающуюся в переходе к гибридной модели финансового мониторинга, основанной на взаимодействии человека и искусственного интеллекта, изменении содержания обязанностей субъектов первичного финансового мониторинга и усилении роли автоматизированных систем анализа рисков при сохранении конечной юридической ответственности уполномоченных субъектов.

**Теоретическая значимость исследования** заключается в разработке административно-правовой модели использования технологий искусственного интеллекта в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, позволяющей уточнить содержание и структуру данного режима в условиях цифровизации государственного управления.

В работе обоснованы подходы к определению роли искусственного интеллекта в системе административно-правового регулирования финансового мониторинга, включая его роль как элемента цифровой инфраструктуры, обеспечивающего реализацию публичных функций.

Сформулированные положения развивают научные представления об особенностях трансформации административных процедур финансового мониторинга под воздействием искусственного интеллекта, включая изменение содержания контрольной деятельности, перераспределение административных полномочий и формирование гибридной модели принятия решений.

Результаты исследования конкретизируют доктринальные подходы к правовому регулированию цифровизации публичного управления и могут быть использованы для дальнейшего развития теории административного права в части регулирования применения искусственного интеллекта в публично-правовых режимах.

**Практическая значимость диссертационного исследования** заключается в возможности использования его результатов в деятельности

Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации, а также кредитных организаций и иных субъектов первичного финансового мониторинга при совершенствовании процедур выявления, анализа и оценки подозрительных финансовых операций с применением искусственного интеллекта.

В прикладном аспекте результаты исследования могут быть использованы при разработке внутренних регламентов применения технологий искусственного интеллекта субъектами финансового мониторинга, определении порядка проверки и верификации алгоритмических выводов, подготовке методических рекомендаций по риск-ориентированному анализу финансовых операций, а также при формировании требований к прозрачности, проверяемости и документированию результатов автоматизированной обработки данных.

Сформулированные выводы также могут быть востребованы при разграничении автоматизированной и экспертной оценки, установлении порядка человеческого контроля и распределении ответственности между субъектами, участвующими в реализации режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

#### **Степень достоверности и апробация результатов исследования.**

Сформулированные в диссертационном исследовании основные научные положения, выводы и рекомендации автора нашли отражение в опубликованных работах по теме исследования. Три научные статьи опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и рекомендованных Ученым советом Российского университета дружбы народов, две статьи индексируются в международных наукометрических базах Scopus и Web of Science. Результаты исследования также представлены в виде монографии.

Основные идеи диссертации апробированы в выступлениях на научно-практических конференциях:

- Международного сетевого института в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма «VII ежегодная научно-практическая конференция «Угрозы и риски финансовой безопасности в контексте цифровой трансформации»»;
- Международного сетевого института в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма «VIII Международная научно-практическая конференция Международного сетевого института «Финансовая безопасность. Современное состояние и перспективы развития»»;
- Тюменского государственного университета «IV Всероссийский форум по экономической безопасности»;
- Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации «Третий Международный научно-практический форум по экономической безопасности «VIII ВСКЭБ»»;
- Международной конференции по финансовой безопасности Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
- Международного научно-практического форума «Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи» — VI Сибирские правовые чтения;
- II Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы информационного и цифрового права» — Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- секции «Право искусственного интеллекта» в рамках XII Московского инновационного юридического форума — Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;
- Международной практической конференции «Форсайт образования: портрет преподавателя будущего», в рамках которой состоялась предметная

дискуссия «Технологии искусственного интеллекта и юридическое образование в современной России» — Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

- межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право» — Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

**Структура диссертационной работы** обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

## **Глава 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

### **1.1. Искусственный интеллект как объект публично-правового регулирования: от универсальной к функциональной правовой дефиниции**

Включение искусственного интеллекта в сферу публичного управления меняет представление о цифровых технологиях как о сугубо вспомогательном инструменте. Если ранее информационные системы преимущественно обеспечивали хранение, поиск и передачу данных, то современные интеллектуальные технологии все чаще используются при анализе информации и оценке юридически значимых обстоятельств.

Это обуславливает необходимость правового осмысления искусственного интеллекта не только как технологического феномена, но и как объекта публично-правового регулирования. В отличие от частноправовой сферы, где основное значение имеют вопросы гражданского оборота, договорного использования, интеллектуальных прав и распределения имущественной ответственности, в публично-правовом измерении искусственный интеллект затрагивает вопросы законности, подотчетности, прозрачности, административного усмотрения, защиты прав граждан и обеспечения публичной безопасности.

Особую значимость в данном контексте приобретает проблема формирования правовой дефиниции искусственного интеллекта. От того, каким образом данное понятие закрепляется в нормативных правовых актах и доктринальных источниках, зависит определение границ правового регулирования, установление требований к разработчикам и операторам интеллектуальных систем, распределение ответственности за результаты их

применения, а также возможность контроля и проверки решений, сформированных с применением таких технологий.

При этом универсальное технологическое определение искусственного интеллекта не всегда возможно применить для решения задач публичного права. Характеристика искусственного интеллекта через имитацию когнитивных функций человека, способность к обучению, обработке данных, формированию прогнозов или рекомендаций позволяет описать общие признаки данной технологии. Однако для публичного права принципиальное значение приобретает не только вопрос о том, какими техническими признаками обладает система, но и вопрос о том, какие функции она выполняет, в каких процедурах используется и какие юридически значимые последствия могут быть связаны с результатами ее работы.

В связи с этим представляется необходимым переход от универсального и преимущественно технологического понимания искусственного интеллекта к функционально ориентированной правовой дефиниции. Такой подход позволяет рассматривать искусственный интеллект через призму его назначения в конкретном правовом механизме: как средство обработки данных, выявления рисков, формирования рекомендаций, прогнозов или классификационных выводов, используемых уполномоченными субъектами при осуществлении публичных полномочий. Именно функциональная дефиниция способна обеспечить более точное разграничение искусственного интеллекта и иных автоматизированных информационных систем, а также определить пределы допустимого использования интеллектуальных технологий в публично-правовой сфере.

Для настоящего исследования указанная проблема имеет особое значение, поскольку применение искусственного интеллекта в режиме противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма связано с идентификацией клиентов, мониторингом финансовых операций, выявлением подозрительных транзакций и формированием риск-профилей. Следовательно, уже на уровне

общей теоретико-правовой характеристики искусственного интеллекта необходимо определить, почему именно функциональный подход к его дефиниции является наиболее пригодным для последующего анализа его роли в системе финансового мониторинга.

Для обоснования указанного подхода необходимо обратиться к существующим определениям искусственного интеллекта, представленным в нормативных правовых актах, стратегических документах, международных источниках и научной доктрине. Их сопоставление позволяет выявить устойчивые признаки искусственного интеллекта, отделить преимущественно технические характеристики от юридически значимых и определить, какие элементы могут быть использованы при формировании функциональной правовой дефиниции, применимой в публично-правовой сфере.

Проблема отсутствия единой и общепринятой правовой дефиниции искусственного интеллекта занимает одно из центральных мест в современной юридической доктрине. Ее значение выходит за пределы сугубо терминологической дискуссии, поскольку от содержания соответствующего понятия зависит определение пределов правового регулирования, круга субъектов, ответственных за разработку, внедрение и эксплуатацию интеллектуальных систем, а также установление требований к прозрачности, проверяемости и контролю за результатами их функционирования. В публично-правовой сфере указанная проблема приобретает особое значение, поскольку использование искусственного интеллекта может быть связано с подготовкой юридически значимых решений, реализацией контрольных и надзорных полномочий, а также воздействием на права и законные интересы граждан и организаций. В связи с этим устойчивое административно-правовое регулирование невозможно без концептуальной определенности базовых категорий, обеспечивающих единообразие нормотворчества и правоприменения.

Так, авторский коллектив Е. А. Масловой, Н. А. Самойловской, Е. Д. Сороковой, А. Д. Чекова указывает на то, что неопределенность понятия «искусственный интеллект» затрудняет реализацию национальной политики в сфере цифровых технологий и подрывает согласованность регуляторных механизмов в публичном праве<sup>40</sup>.

Другие авторы, например И. А. Богдановская, М. Н. Васякина и Т. А. Волос, подчеркивают, что формулирование единого понятия необходимо для обеспечения соразмерности правового воздействия, а также для разграничения объектов регулирования в разных отраслях законодательства<sup>41</sup>. Схожей позиции придерживаются Минбалеев А. В., Добробаба М. Б., Ефремов А. А., Щитова А. А., указывая на то, что «Сложности юридического конструирования понятий «искусственный интеллект», «робот» приводят к тому, что предлагаемые определения не полностью учитывают всех особенностей данных объектов, вызывают опасность чрезвычайно широкого их толкования как в процессе реализации, так и в правоприменении»<sup>42</sup>.

В научных работах зарубежных стран авторы обращают внимание на то, что правовая неопределенность термина «искусственный интеллект» препятствует как правоприменительной, так и нормотворческой деятельности, тем самым подтверждая тезисы российских ученых.

Так, американский исследователь А. Бучер указывает, что правовое регулирование искусственного интеллекта в юридической практике

---

<sup>40</sup> Маслова Е.А., Самойловская Н.А., Сорокова Е.Д., Чеков А.Д. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. № 4. С. 65–84. URL: [https://open.mgimo.ru/bitstream/123456789/4851/1/sravpol\\_13\\_4\\_65\\_84.pdf](https://open.mgimo.ru/bitstream/123456789/4851/1/sravpol_13_4_65_84.pdf) (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>41</sup> Богдановская И.Ю., Васякина Е.В., Волос А.А., Данилов Н.А., Егорова Е.В., Калятин В.А., Карпенко О.И., Салихов Д.Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 4. С. 278–306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306.

<sup>42</sup> Минбалеев А.В., Добробаба М.Б., Ефремов А.А., Щитова А.А. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта: аналитический доклад. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. URL: [https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K\\_4-AD-\\_Pravovye-problemy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta.pdf](https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_4-AD-_Pravovye-problemy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta.pdf) (дата обращения: 31.05.2026).

невозможно без установления его нормативных пределов<sup>43</sup>. Автор подчеркивает, что без формализованного понятийного фундамента невозможно обеспечить надлежащее применение существующих юридических категорий к алгоритмическим решениям. Это особенно актуально в контексте расширения использования искусственного интеллекта в судебной практике.

Австралийские исследователи Р. Дасгупта, С. Х. Мекала и Ф. Т. Джайгирдар в статье «Использование искусственного интеллекта в правоохранительных органах Австралии с точки зрения человеческого участия» пишут, что отсутствие единообразного понимания искусственного интеллекта осложняет разработку законодательства в сфере уголовного правоприменения<sup>44</sup>.

Данное исследование указывает на прямую зависимость между понятийной определенностью и возможностью адаптации существующих норм уголовного и процессуального права к новым условиям. Недостаток правовой определенности подрывает правовую предсказуемость и снижает уровень доверия к правоприменительной системе.

В Аргентине проблема формализации определения также получила отражение в научной литературе. Согласно аналитическому обзору Международной ассоциации специалистов по вопросам конфиденциальности, национальные рекомендации по использованию искусственного интеллекта не содержат четкой дефиниции, что, по мнению авторов, «снижает

---

<sup>43</sup> Bucher A. Navigating the Power of Artificial Intelligence in the Legal Field // Houston Law Review. 2025. Vol. 62. P. 819–856. URL: <https://houstonlawreview.org/article/137782-navigating-the-power-of-artificial-intelligence-in-the-legal-field> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>44</sup> Dasgupta R., Mekala S.H., Jaigirdar F.T., Anwar A., Chang L.Y.-C. Unlocking Australia's AI usage in law enforcement from human involvement perspective: a systematic literature review // AI & Society. 2025. Vol. 40. P. 6543–6570. DOI: 10.1007/s00146-025-02350-6. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-025-02350-6> (дата обращения: 31.05.2026).

нормативную определенность и затрудняет разработку механизмов подотчетности»<sup>45</sup>.

Такой акцент на прозрачности и подотчетности свидетельствует о том, что дефиниция искусственного интеллекта должна не просто описывать технические характеристики, но и быть применимой к оценке правовых рисков, включая нарушение прав личности и несанкционированный доступ к данным.

Таким образом, анализ научных подходов показывает, что проблема правовой дефиниции искусственного интеллекта носит не только терминологический, но и содержательно-регулятивный характер. Отсутствие единого понятия затрудняет определение границ правового регулирования, распределение ответственности, установление требований к прозрачности и подотчетности, а также адаптацию действующих правовых институтов к условиям цифровизации.

В этой связи дефиниция искусственного интеллекта должна быть, с одной стороны, достаточно широкой для охвата различных видов интеллектуальных систем, а с другой — функционально определенной, чтобы не допускать чрезмерного расширения объекта регулирования и обеспечивать применение специальных правовых требований к тем системам, результаты которых способны повлечь юридически значимые последствия. Именно такой подход имеет значение для последующего анализа использования искусственного интеллекта в публично-правовых режимах, включая режим противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

---

<sup>45</sup> Guía para entidades públicas y privadas en materia de Transparencia y Protección de Datos Personales para una Inteligencia Artificial responsable [Руководство для публичных и частных организаций по вопросам прозрачности и защиты персональных данных для ответственного искусственного интеллекта] // Agencia de Acceso a la Información Pública (AAIP): официальный сайт. Buenos Aires, junio de 2024. URL: [https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/aaip-argentina-guia\\_para\\_usar\\_la\\_ia\\_de\\_manera\\_responsable.pdf](https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/aaip-argentina-guia_para_usar_la_ia_de_manera_responsable.pdf) (дата обращения: 12.10.2025).

Научная дискуссия о правовой неопределенности понятия искусственного интеллекта должна быть дополнена анализом нормативных подходов, сложившихся в зарубежных правовых порядках. Именно законодательные и программно-стратегические дефиниции позволяют определить, какие характеристики искусственного интеллекта признаются юридически значимыми на уровне позитивного права, каким образом государства очерчивают пределы регулирования интеллектуальных систем и какие критерии используются для их отграничения от иных форм автоматизированной обработки данных.

В качестве первого примера следует рассмотреть подход Китайской Народной Республики, поскольку в нем вопрос о дефиниции искусственного интеллекта непосредственно связывается с задачами стандартизации, безопасности и контроля за алгоритмическими системами.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике представляет интерес прежде всего потому, что в нем понятие искусственного интеллекта формируется не через единое универсальное определение, а посредством последовательного нормативного уточнения отдельных технологических форм и способов применения искусственного интеллекта.

Исходным документом, определившим государственное понимание искусственного интеллекта, стал План развития искусственного интеллекта нового поколения 2017 года. В нем искусственный интеллект рассматривается как стратегическая технология, связанная с развитием экономики, промышленности, государственного управления и национальной конкурентоспособности<sup>46</sup>. Хотя данный документ не содержит строгой

---

<sup>46</sup> A New Generation of Artificial Intelligence Development Plan [План развития искусственного интеллекта нового поколения]: Notice of the State Council Issuing the New Generation of Artificial Intelligence Development Plan, State Council Document [2017] No. 35, 08.07.2017 / translated by F. Sapio, W. Chen, A. Lo // The Foundation for Law and International Affairs: официальный сайт. 2017. 28 p. URL: <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

юридической дефиниции искусственного интеллекта, он задает широкую рамку его понимания: искусственный интеллект воспринимается не только как совокупность технических решений, но и как инфраструктурная технология, способная трансформировать общественные отношения, управленческие процессы и систему государственной политики. Тем самым уже на стратегическом уровне понятие искусственного интеллекта выходит за пределы сугубо технической категории и приобретает публично-правовое значение.

Дальнейшее уточнение понятия искусственного интеллекта происходит в китайских этических и программных документах. Так, в Этических нормах для искусственного интеллекта нового поколения 2021 года акцент переносится с технической природы искусственного интеллекта на требования к его безопасному, контролируемому и ответственному применению<sup>47</sup>. В этом документе искусственный интеллект раскрывается через признаки управляемости, надежности, ответственности, недискриминации и защиты персональной информации.

Особое значение для уточнения понятия имеют Положения об управлении алгоритмическими рекомендациями в интернет-информационных услугах, вступившие в силу в 2022 году. Под регулирование подпадают технологии, используемые для персонализированного отбора, ранжирования, поиска, фильтрации и распространения информации<sup>48</sup>. Тем самым китайский

---

<sup>47</sup> Ethical Norms for New Generation Artificial Intelligence [Этические нормы для искусственного интеллекта нового поколения] / Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China; translated by Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University // Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University: официальный сайт. 12.10.2021. URL: [https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0400\\_AI\\_ethical\\_norms\\_EN.pdf](https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0400_AI_ethical_norms_EN.pdf) (дата обращения: 23.05.2026).

<sup>48</sup> Internet Information Service Algorithmic Recommendation Management Provisions [Положения об управлении алгоритмическими рекомендациями в интернет-информационных сервисах]: adopted on 31.12.2021, effective on 01.03.2022 / translated by R. Creemers, G. Webster, H. Toner // DigiChina, Stanford University: официальный сайт. 10.01.2022. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-provisions-effective-march-1-2022/> (дата обращения: 23.05.2026).

законодатель фактически выделяет функциональный критерий: правовое значение приобретает не всякая автоматизированная система, а такая алгоритмическая технология, которая способна влиять на информационное поведение пользователя, структуру доступа к сведениям и формирование общественного мнения.

Такой подход важен для анализа дефиниции искусственного интеллекта, поскольку он показывает, что китайское регулирование исходит не из абстрактного описания интеллектуальной системы, а из ее конкретной функции. Алгоритмы становятся объектом специального регулирования потому, что участвуют в отборе информации и способны оказывать воздействие на поведение пользователя.

Следующим этапом стали Положения об администрировании услуг глубинного синтеза интернет-информации, вступившие в силу в 2023 году. В них объект регулирования определяется через технологии глубинного обучения, виртуальной реальности и синтетические алгоритмы, используемые для создания или изменения текста, изображения, аудио, видео и иной сетевой информации<sup>49</sup>. В данном случае понятие искусственного интеллекта уточняется через категорию синтеза информации. Если регулирование рекомендательных алгоритмов связывает искусственный интеллект с персонализацией и отбором данных, то регулирование глубинного синтеза связывает его с генерацией и модификацией содержания.

Юридически значимыми становятся такие признаки, как возможность имитации реальности, создание визуального или аудиального образа, изменение информации и потенциальное введение пользователей в заблуждение. Тем самым китайский подход постепенно дополняет понятие новыми функциональными характеристиками: не только анализ и

---

<sup>49</sup> Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services [Положения об администрировании интернет-информационных сервисов глубинного синтеза]: issued on 25.11.2022, effective on 10.01.2023 // China Law Translate: официальный сайт. 11.12.2022. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/deep-synthesis/> (дата обращения: 23.05.2026).

ранжирование данных, но и создание новых информационных объектов, способных повлиять на права личности, информационную безопасность и общественное доверие.

Наиболее существенное значение для современного понимания искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике имеют Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта 2023 года. В данном акте уже прямо используется категория генеративного искусственного интеллекта<sup>50</sup>. Под регулирование подпадают технологии, способные создавать текст, изображения, аудио, видео и иной контент. Тем самым китайский законодатель нормативно выделяет генеративный искусственный интеллект как самостоятельную разновидность интеллектуальных систем, отличающуюся способностью производить новый информационный результат.

Важность данного акта заключается в том, что он закрепляет не общее понятие искусственного интеллекта, а специальную дефиницию его функциональной разновидности. Генеративный искусственный интеллект определяется не через конкретную технологию, например, нейронные сети или машинное обучение, а через результат его функционирования: создание контента. Для целей правового регулирования имеет значение не то, каким именно методом система создает результат, а то, что она способна генерировать информационный продукт, который может использоваться в публичной коммуникации, влиять на права пользователей, создавать риски дезинформации, нарушения персональных данных или общественной безопасности.

Тем самым китайское право расширяет понятийный аппарат: оно различает не только системы искусственного интеллекта, но и результаты

---

<sup>50</sup> Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services [Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта]: issued on 13.07.2023, effective on 15.08.2023 // China Law Translate: официальный сайт. 13.07.2023. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/> (дата обращения: 23.05.2026).

искусственного интеллекта, то есть информационные объекты, происхождение которых должно быть раскрыто пользователю.

Такое разграничение имеет существенное значение для формирования правовой дефиниции искусственного интеллекта. Оно показывает, что понятие искусственного интеллекта в современном регулировании не может ограничиваться характеристикой программы или алгоритма. В этом смысле китайская модель демонстрирует переход к более широкой конструкции, включающей систему, способ ее функционирования и создаваемый ею результат.

Наряду с действующими актами в Китайской Народной Республике обсуждается проект общего Закона об искусственном интеллекте — его значение состоит в попытке перейти от фрагментарного регулирования отдельных сервисов искусственного интеллекта к более общей правовой рамке<sup>51</sup>. В проекте подчеркивается необходимость закрепления четкого и технологически нейтрального понятия искусственного интеллекта, поскольку без определения объекта регулирования затрудняется применение норм об ответственности, безопасности и контроле за алгоритмическими системами.

Таким образом, анализ китайских актов показывает, что понятие искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике формируется через постепенное нормативное уточнение отдельных признаков интеллектуальных систем. Для настоящего исследования данный опыт важен тем, что подтверждает: правовая дефиниция искусственного интеллекта должна строиться не только на технических характеристиках, но и на функциях системы, сфере ее применения и характере правовых рисков, возникающих в результате ее использования.

---

<sup>51</sup> Artificial Intelligence Law of the People's Republic of China (Draft for Suggestions from Scholars) [Закон Китайской Народной Республики об искусственном интеллекте: проект для предложений научного сообщества] / Zhang Linghan, Yang Jianjun, Cheng Ying, Zhao Jingwu, Han Xuzhi, Zheng Zhifeng, Xu Xiaoben; translated by Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University // Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University: официальный сайт. 02.05.2024. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-ai-law-draft/> (дата обращения: 23.05.2026).

Правовое регулирование в сфере искусственного интеллекта, как правило, формируется с учетом необходимости достижения нескольких взаимосвязанных целей: создания благоприятных условий для разработки, внедрения и использования интеллектуальных технологий; обеспечения защиты прав и законных интересов лиц, на которых может воздействовать функционирование таких систем; а также стимулирования научно-технологического развития при одновременном установлении правовых пределов допустимого применения искусственного интеллекта.

Различие национальных и наднациональных подходов к достижению указанных целей проявляется прежде всего в способах нормативного закрепления понятия искусственного интеллекта. Одни правовые порядки идут по пути последовательного регулирования отдельных технологических форм и сфер применения интеллектуальных систем, постепенно уточняя их юридически значимые признаки. Другие, напротив, стремятся закрепить общее понятие системы искусственного интеллекта и уже на его основе выстроить специальные требования к ее использованию с учетом уровня риска и возможного воздействия на права граждан, безопасность и публичные интересы.

В отличие от китайской модели, основанной на поэтапном регулировании отдельных технологий искусственного интеллекта и результатов их применения, Европейский союз закрепил общее понятие системы искусственного интеллекта в рамках специального риск-ориентированного регулирования. В связи с этим далее целесообразно рассмотреть эволюцию европейского подхода к нормативному закреплению понятия искусственного интеллекта.

На раннем этапе европейская модель была связана прежде всего с этическо-правовым осмыслением искусственного интеллекта. В документах экспертных групп Европейской комиссии акцент делался не столько на формальном определении технологии, сколько на необходимости обеспечения надежности, прозрачности, человеческого контроля, недискриминации и

подотчетности интеллектуальных систем<sup>52</sup>. Уже на этом этапе искусственный интеллект рассматривался не только как технологический феномен, но и как объект регулирования, способный воздействовать на права человека, безопасность и публичное управление.

Последующее развитие европейского подхода было связано с подготовкой специального регламента об искусственном интеллекте. В проекте Акта об искусственном интеллекте 2021 года Европейская комиссия предложила достаточно широкое определение системы искусственного интеллекта, основанное на перечне технологических подходов и способности системы генерировать результаты<sup>53</sup>. Однако последующее обсуждение проекта выявило существенный методологический риск, обусловленный неопределенностью границ предложенной дефиниции. Ее сохранение в первоначальном виде могло привести к распространению специального регулирования не только на интеллектуальные системы, но и на обычные программные продукты, не обладающие признаками автономного анализа данных, адаптивного функционирования и формирования прогнозов, рекомендаций или решений. В целях устранения данной неопределенности европейский законодатель уточнил понятие системы искусственного интеллекта, сместив акцент с перечня конкретных технологических методов на функциональные признаки ее работы и возможное воздействие формируемых результатов.

---

<sup>52</sup> High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics Guidelines for Trustworthy AI [Руководящие принципы этики для надежного искусственного интеллекта]. Brussels: European Commission, 2019. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 23.05.2026).

<sup>53</sup> Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending certain Union legislative acts (Artificial Intelligence Act) [Предложение о Регламенте Европейского парламента и Совета, устанавливающим гармонизированные правила об искусственном интеллекте и вносящем изменения в отдельные законодательные акты Союза]: COM(2021) 206 final, 21.04.2021 // EUR-Lex: официальный сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0206> (дата обращения: 23.05.2026).

Итоговое определение закреплено в Регламенте (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте. В соответствии со ст. 3 Регламента система искусственного интеллекта определяется как машинная система, разработанная для функционирования с различным уровнем автономности, которая может проявлять адаптивность после внедрения и для явных или неявных целей выводит из полученных входных данных, каким образом генерировать результаты: прогнозы, контент, рекомендации или решения, способные влиять на физическую или виртуальную среду<sup>54</sup>.

Данное определение имеет выраженный функциональный характер. Европейский законодатель не связывает искусственный интеллект исключительно с машинным обучением, нейронными сетями или конкретными техническими методами. Ключевое значение приобретают иные признаки: автономность, адаптивность, способность делать вывод из входных данных и формировать результат, влияющий на окружающую среду. Тем самым правовое понятие искусственного интеллекта строится не вокруг технической архитектуры системы, а вокруг ее способности участвовать в выработке прогнозов, рекомендаций или решений.

Для публичного права европейская модель особенно важна потому, что общее определение искусственного интеллекта непосредственно связано с риск-ориентированным регулированием.

Регламент не просто отвечает на вопрос, что считать системой искусственного интеллекта, но и устанавливает, какие правовые последствия влечет ее использование в определенных сферах. Если искусственный интеллект применяется в правоохранительной деятельности, миграции, правосудии, образовании, трудовых отношениях или при доступе к значимым

---

<sup>54</sup> Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13.06.2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13.06.2024, устанавливающий гармонизированные правила об искусственном интеллекте (Акт об искусственном интеллекте)]. Art. 3 // EUR-Lex: официальный сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 23.05.2026).

услугам, такая система может быть отнесена к высокорисковым. Следовательно, в европейском подходе дефиниция искусственного интеллекта выполняет не только терминологическую, но и регулятивную функцию: она служит входной точкой для применения требований к управлению рисками, прозрачности, проверяемости и ответственности.

Таким образом, эволюция европейского подхода показывает переход от этико-доктринального понимания искусственного интеллекта к юридически обязательной функциональной дефиниции. Для целей публичного права это означает, что искусственный интеллект определяется не абстрактно как «имитация человеческого интеллекта», а через способность системы формировать результаты, которые могут влиять на права, обязанности и законные интересы граждан и организаций.

Сопоставление европейского опыта с иными подходами позволяет увидеть, что функциональное понимание искусственного интеллекта может закрепляться не только в рамках единого комплексного акта, но и посредством более распределенной системы регулирования. В этом отношении показателен опыт Соединенных Штатов Америки (далее – США), где понятие искусственного интеллекта формировалось на пересечении федерального законодательства, нормативных актов органов исполнительной власти, ведомственных документов и технических стандартов.

Ключевое значение имеет Закон о национальной инициативе в области искусственного интеллекта от 2020 года, включенный в Свод законов Соединенных Штатов Америки. В соответствии с 15 U.S.C. § 9401(3) искусственный интеллект определяется как машинная система, которая для заданного набора определенных человеком целей способна формировать прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду<sup>55</sup>.

---

<sup>55</sup> National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020 [Закон о национальной инициативе в области искусственного интеллекта 2020 года] // United States Code. Title 15. § 9401.

Данная дефиниция имеет выраженный функциональный характер. Американский законодатель не связывает искусственный интеллект с конкретным технологическим методом, например, с машинным обучением, нейронными сетями или генеративными моделями. Напротив, искусственный интеллект раскрывается через последовательность выполняемых функций: восприятие среды, обработку входных данных, построение модели, формирование вывода и выработку прогноза, рекомендации либо решения. Тем самым правовое значение приобретает не техническая архитектура системы, а ее способность производить результат, который может быть использован человеком, организацией или публичным органом при принятии последующих решений.

Такой подход получил развитие и в документах Национального института стандартов и технологий США. В NIST AI Risk Management Framework 1.0 система искусственного интеллекта также описывается как инженерная или машинная система, которая для заданного набора целей способна генерировать результаты в виде прогнозов, рекомендаций или решений, влияющих на реальные или виртуальные среды, причем такие системы могут функционировать с различным уровнем автономности<sup>56</sup>.

Значение данного документа состоит в том, что определение искусственного интеллекта связывается с управлением рисками, надежностью, безопасностью, объяснимостью, прозрачностью, защитой приватности и недопущением дискриминационного воздействия. Для публичного права это особенно важно, поскольку искусственный интеллект рассматривается не как нейтральная технология, а как система, использование которой может создавать риски для граждан, организаций и общества в целом.

---

Definitions. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (дата обращения: 23.05.2026).

<sup>56</sup> National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0) [Рамочная модель управления рисками искусственного интеллекта]. NIST AI 100-1. Gaithersburg, 2023. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).

Функциональное понимание искусственного интеллекта воспроизводится и в документах федеральных органов, связанных с подотчетностью и управлением алгоритмическими системами.

Так, в глоссарии Национального управления по телекоммуникациям и информации США (NTIA) искусственный интеллект определяется через отсылку к 15 U.S.C. § 9401(3), то есть как машинная система, формирующая прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду<sup>57</sup>. Это подтверждает, что изначальная дефиниция стала базовой рамкой для различных направлений американской политики в сфере искусственного интеллекта.

Особое значение в американской модели имеет регулирование применения искусственного интеллекта непосредственно федеральными органами. В 2024 году Административно-бюджетное управление Президента США приняло меморандум OMB M-24-10, посвященный управлению, инновационному внедрению и риск-менеджменту при использовании искусственного интеллекта государственными агентствами. Данный документ исходил из того, что применение интеллектуальных систем в деятельности публичной администрации способно затрагивать права, свободы и безопасность граждан, а потому требует специальных процедур оценки рисков, организационного контроля и минимальных гарантий надежного использования<sup>58</sup>.

---

<sup>57</sup> 15 U.S.C. § 9401 “Definitions” [Раздел 15 Кодекса США § 9401 «Определения»] // Office of the Law Revision Counsel, U.S. House of Representatives: официальный сайт. URL: [https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=\(title:15%20section:9401%20edition:prelim\)](https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=(title:15%20section:9401%20edition:prelim)) (дата обращения: 23.05.2026).

<sup>58</sup> Office of Management and Budget. Memorandum M-24-10 “Advancing Governance, Innovation, and Risk Management for Agency Use of Artificial Intelligence” [Меморандум M-24-10 «Развитие управления, инноваций и риск-менеджмента при использовании искусственного интеллекта федеральными агентствами»]. Washington, D.C., 28.03.2024. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/03/M-24-10-Advancing-Governance-Innovation-and-Risk-Management-for-Agency-Use-of-Artificial-Intelligence.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).

В 2025 году указанный меморандум был заменен документом ОМВ М-25-21, направленным на ускорение внедрения искусственного интеллекта федеральными органами при сохранении гарантий гражданских прав, гражданских свобод и защиты частной жизни<sup>59</sup>. Наряду с ним был принят меморандум ОМВ М-25-22, регулирующий закупку федеральными органами систем искусственного интеллекта и сервисов искусственного интеллекта. Примечательно, что в данном документе искусственный интеллект рассматривается не как изолированная технология, а как функциональный компонент, встроенный в данные, программное обеспечение, приложения, инструменты и иные технологические системы, используемые органами публичной власти<sup>60</sup>.

Такой подход подтверждает, что в публичном управлении правовое значение имеет не само по себе наличие алгоритмической технологии, а та функция, которую она выполняет в конкретной административной или контрольной процедуре. Следовательно, дефиниция искусственного интеллекта для целей публичного права должна учитывать сферу применения системы, характер формируемых ею выводов и возможные последствия для граждан и организаций. Именно эта логика имеет значение и для настоящего исследования, поскольку в режиме противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма искусственный интеллект используется функционально, а именно:

---

<sup>59</sup> Office of Management and Budget. Memorandum M-25-21 “Accelerating Federal Use of AI through Innovation, Governance, and Public Trust” [Меморандум М-25-21 «Ускорение использования искусственного интеллекта федеральными органами через инновации, управление и общественное доверие»]. Washington, D.C., 03.04.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/02/M-25-21-Accelerating-Federal-Use-of-AI-through-Innovation-Governance-and-Public-Trust.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).

<sup>60</sup> Office of Management and Budget. Memorandum M-25-22 “Driving Efficient Acquisition of Artificial Intelligence in Government” [Меморандум М-25-22 «Обеспечение эффективного приобретения искусственного интеллекта в государственном секторе»]. Washington, D.C., 03.04.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/02/M-25-22-Driving-Efficient-Acquisition-of-Artificial-Intelligence-in-Government.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).

для идентификации клиентов, анализа финансовых операций, выявления подозрительных транзакций и формирования риск-профилей.

Вместе с тем еще более последовательно идея функционального понимания искусственного интеллекта раскрывается в подходе Великобритании, где правовое значение интеллектуальной системы определяется прежде всего сферой ее применения и характером создаваемых рисков.

Такой подход получил выражение в Белой книге, выпущенной Департаментом науки, инноваций и технологий кабинета министров Великобритании, опубликованной в 2023 году. В данном документе искусственный интеллект описывается через два ключевых признака — автономность и адаптивность<sup>61</sup>.

В рамках данного документа автономность указывает на способность системы формировать результат без прямого человеческого контроля на каждом этапе ее функционирования, а адаптивность означает способность системы изменять свое поведение на основе данных, в том числе таким образом, что логика конкретного результата не всегда может быть заранее полностью предсказана разработчиком или пользователем.

Однако значение британского подхода состоит не только в выделении этих двух признаков. Принципиально важно, что правительство Великобритании связывает регулирование искусственного интеллекта с конкретной сферой его применения. В Белой книге подчеркивается необходимость контекстного и гибкого регулирования, при котором существующие регуляторы должны оценивать системы искусственного интеллекта с учетом особенностей соответствующего сектора. Иными словами, один и тот же технологический инструмент может приобретать

---

<sup>61</sup> Department for Science, Innovation and Technology. A pro-innovation approach to AI regulation: White Paper [Проинновационный подход к регулированию искусственного интеллекта: Белая книга]. London, 2023 // GOV.UK: официальный сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper> (дата обращения: 23.05.2026).

различное правовое значение в зависимости от того, применяется ли он в здравоохранении, финансовой сфере, правоохранительной деятельности, образовании или государственном управлении.

Данный подход был развит в правительственном ответе 2024 года на консультации по регулированию искусственного интеллекта. В нем подтверждается, что Великобритания не стремится к созданию единого централизованного режима регулирования искусственного интеллекта<sup>62</sup>. Вместо этого предполагается распределенная модель, при которой общие принципы, такие как безопасность, прозрачность и объяснимость, справедливость, подотчетность, возможность оспаривания и восстановления нарушенных прав, применяются отраслевыми регуляторами в пределах их компетенции.

В публичном управлении одна система может использоваться для обработки обращений граждан, другая для анализа рисков, третья для выявления нарушений, подготовки решений или контроля за соблюдением обязательных требований. В каждом из этих случаев различаются не только технические параметры системы, но и характер ее воздействия на права граждан, обязанности организаций и деятельность органов власти. Именно поэтому обозначенный выше подход можно рассматривать как подтверждение необходимости функциональной конкретизации понятия искусственного интеллекта применительно к отдельным публично-правовым режимам.

Правовая дефиниция должна учитывать не только автономность и адаптивность системы, но и ее назначение, сферу использования, вид формируемого результата и возможность наступления юридически значимых последствий.

---

<sup>62</sup> Department for Science, Innovation and Technology. A pro-innovation approach to AI regulation: government response [Проинновационный подход к регулированию искусственного интеллекта: ответ правительства]. London, 2024 // GOV.UK: официальный сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/ai-regulation-a-pro-innovation-approach-policy-proposals/outcome/a-pro-innovation-approach-to-ai-regulation-government-response> (дата обращения: 23.05.2026).

В режиме противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма искусственный интеллект используется не абстрактно, а в строго определенных функциональных целях: для идентификации клиентов, анализа финансовых операций, выявления подозрительных транзакций, формирования риск-профилей и подготовки аналитических выводов для последующей экспертной оценки. Следовательно, применительно к данному правовому режиму требуется не универсальное технологическое описание искусственного интеллекта, а специальное функционально ориентированное понимание, позволяющее определить, какие интеллектуальные системы подлежат регулированию, какие результаты их работы требуют проверки и каким образом должно обеспечиваться разграничение автоматизированной и экспертной оценки.

Проведенный анализ зарубежных подходов показывает, что закрепление понятия искусственного интеллекта развивается по нескольким моделям, но несмотря на различие указанных моделей, их объединяет общий признак: искусственный интеллект все чаще определяется не только через техническую природу, но и через выполняемые функции, характер создаваемых рисков и возможное влияние на права граждан, публичную безопасность и деятельность органов власти. В связи с этим далее необходимо обратиться к российскому опыту, чтобы определить, в какой мере отечественные нормативные и стратегические акты закрепляют понятие искусственного интеллекта и позволяют использовать его в качестве функциональной категории для целей публично-правового регулирования.

Стратегия развития информационного общества 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, включила искусственный интеллект в перечень приоритетных технологий, указывая на

появление и доступность решений на основе искусственного интеллекта наряду с нанотехнологиями и биотехнологиями<sup>63</sup>.

Формальное определение искусственного интеллекта в этом стратегическом акте еще отсутствовало, что отражает ранний этап осознания государством значимости новой технологии без ее четкого терминологического закрепления. Тем не менее само упоминание искусственного интеллекта свидетельствовало о признании его роли в цифровой трансформации и создавало предпосылки для последующей разработки дефиниций.

Знаковым шагом стало принятие Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»<sup>64</sup>.

В пункте 5 данной Стратегии впервые содержится официальная дефиниция: под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»<sup>65</sup>.

---

<sup>63</sup> Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705090002> (дата обращения: 20.07.2025).

<sup>64</sup> Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910100003> (дата обращения: 20.07.2025).

<sup>65</sup> Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». П. 5 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 20.07.2025).

Данное определение охватывает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе с методами машинного обучения), а также связанные процессы и сервисы обработки данных. Его появление заложило основу понятийного аппарата в сфере искусственного интеллекта: законодательно подчеркнуто, что ключевой чертой искусственного интеллекта является способность машин имитировать человеческое мышление и достигать результатов анализа на уровне человеческого мышления.

Такая широкая формулировка отражает стремление охватить максимум современных подходов к искусственному интеллекту, обеспечивая гибкость для быстро развивающихся технологий. Включение указаний на самообучение и эвристический поиск решений показывает ориентацию на научное понимание искусственного интеллекта как системы, способной к самостоятельному улучшению. Однако комплексный и технический характер этой дефиниции порождает дискуссии относительно ее практической применимости: в правовом контексте столь всеобъемлющее определение может создавать неопределенность границ понятия, затрудняя разграничение систем искусственного интеллекта и традиционного программного обеспечения. Тем не менее появление дефиниции стало отправной точкой для развития законодательства, устраняя прежний пробел в терминологии.

Вскоре положения стратегии получили развитие в федеральном законодательстве. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования, необходимого для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепил аналогичное определение.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 2 данного Закона, искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, имитирующий человеческие когнитивные функции (включая способность к обучению без заданного

алгоритма) и обеспечивающий при решении конкретных задач достижение результатов, сопоставимых с интеллектуальной деятельностью человека<sup>66</sup>.

В 2024 году в Российской Федерации был принят новый Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ, направленный на обновление нормативной базы в сфере искусственного интеллекта и обработки персональных данных, что стало очередным шагом государства к формированию комплексного и опережающего правового регулирования цифровых технологий<sup>67</sup>.

Закон конкретизировал правовой статус и условия использования обезличенных данных, закрепив понятие «состав обезличенных данных» и установив требования к их обращению с целью исключения возможности повторной идентификации. Одновременно были расширены полномочия и уточнены процедуры в рамках экспериментального режима по внедрению технологий искусственного интеллекта в городе Москве, что создает правовые предпосылки для тестирования и масштабирования алгоритмических решений в государственном управлении. Внесенные изменения направлены на формирование сбалансированной модели опережающего регулирования, обеспечивающей развитие цифровых технологий при одновременном

---

<sup>66</sup> Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030> (дата обращения: 12.07.2025).

<sup>67</sup> Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных” и Федеральный закон “О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202408080031> (дата обращения: 12.07.2025).

соблюдении конституционных гарантий защиты персональных данных и прав граждан.

Закрепление дефиниции искусственного интеллекта на уровне федерального закона примечательно сразу по нескольким причинам.

Во-первых, оно знаменует первый случай законодательного определения искусственного интеллекта в России, устраняя терминологическую неопределенность в правовых актах.

Во-вторых, привязка нормы к экспериментальному правовому режиму в городе Москве подчеркивает осторожный подход законодателя: новый термин применяется в рамках пилотного проекта, что позволяет собрать практику применения.

Существенно и то, что данное определение заимствовано из стратегического документа практически дословно, что свидетельствует о преемственности подходов государства – от программно-стратегического уровня к нормативному.

Проблемным же аспектом остается то, что дефиниция рассчитана на быстро развивающуюся сферу – ее предельная широта чревата как риском избыточного охвата (под определение могут подпадать очень разные по природе системы), так и возможным устареванием, поскольку по мере развития искусственного интеллекта представление о его сущности может измениться. Тем не менее на данном этапе законодатель выбрал именно широкий подход, опасаясь искусственно сузить рамки инноваций.

Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р<sup>68</sup>, не предлагает

---

<sup>68</sup> Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008240026> (дата обращения: 20.07.2025).

собственного альтернативного определения искусственного интеллекта, но закрепляет ряд принципиальных установок для развития законодательства.

В частности, в Концепции подчеркнута необходимость формирования комфортной регуляторной среды для внедрения искусственного интеллекта при одновременном соблюдении баланса интересов личности, государства и бизнеса. Среди ключевых задач обозначены разработка гибких режимов (например, регуляторных «песочниц»), проработка вопросов ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, и адаптация нормативной базы под современные технологии.

Данный программный акт носит рекомендательный характер, но имеет значительный академический и практический вес. Он сигнализирует о признании того факта, что одной лишь дефиниции недостаточно – требуются комплексные изменения правовых механизмов с учетом природы искусственного интеллекта.

Отсутствие новой дефиниции в тексте Концепции подчеркивает приверженность уже установленному понятийному аппарату, заданному Стратегией и законом, и одновременно указывает на существующие проблемы: даже при наличии определения границы правового применения искусственного интеллекта остаются размытыми.

Концепция фактически инициирует дальнейшие исследования и стандартизацию: так, предусмотрена разработка национальных стандартов, закрепляющих термины и жизненный цикл систем искусственного интеллекта<sup>69</sup>. Это демонстрирует стремление государства использовать научную экспертизу и механизмы технического нормирования для постепенного уточнения и конкретизации дефиниции искусственного интеллекта по мере накопления практического и теоретического опыта.

---

<sup>69</sup> Программа стандартизации в сфере искусственного интеллекта // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. 2020. URL: [https://www.economy.gov.ru/material/file/0d0ff3b15fc52a093b8eaf6fc4f97c9f/programm\\_a\\_standartizacii\\_v\\_sfere\\_ii.pdf](https://www.economy.gov.ru/material/file/0d0ff3b15fc52a093b8eaf6fc4f97c9f/programm_a_standartizacii_v_sfere_ii.pdf) (дата обращения: 20.07.2025).

В данном контексте концептуальный документ играет значимую роль в развитии понимания категории «искусственный интеллект», фиксируя основные векторы ее эволюции и выделяя проблемные области, такие как вопросы этики, распределения ответственности и обеспечения безопасности, которые подлежат дальнейшему разрешению в целях формирования полноценного правового статуса искусственного интеллекта.

Дополняют картину акты программно-целевого характера, разработанные в рамках национальных проектов.

Так, в ходе реализации национальной программы «Цифровая экономика» была подготовлена «дорожная карта» развития сквозной цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» (2019 г.), где понятие искусственного интеллекта фактически описано теми же чертами. В тексте «дорожной карты» искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и позволяющий при выполнении задач достигать результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека»<sup>70</sup>.

Подобные дорожные карты играют важную роль в формировании терминологии — их язык ориентирован на научно-техническое сообщество, благодаря чему определения в них максимально учитывают современное состояние науки.

Повторение в «дорожной карте» положений президентской стратегии указывает на стремление обеспечить единообразие понятийного аппарата во всех государственных инициативах, связанных с искусственным интеллектом.

---

<sup>70</sup> Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». Раздел «Преамбула» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт. М., 2019. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019ii.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).

Интеграция научных подходов в официальные планы развития государства способствует постепенному осмыслению дефиниции искусственного интеллекта и выявлению ее слабых мест до того, как понятие получит дальнейшее законодательное развитие.

Наконец, следует отметить влияние научно-доктринальных подходов, которые хотя и не имеют обязательной силы, но публикуются в официальных источниках и тем самым влияют на правотворчество.

В специализированной литературе искусственный интеллект часто характеризуется предельно широко – например, как «интеллект, демонстрируемый машинами, особенно компьютерными системами», то есть способность систем выполнять функции, традиционно требующие человеческого интеллекта<sup>71</sup>.

Для юридической науки включение научных критериев важно, поскольку позволяет соотнести правовое понятие с фактической технологической реальностью. Однако многообразие научных трактовок порождает проблему отсутствия единого подхода: между «широким» пониманием искусственного интеллекта (как любого машинного интеллекта) и «узким» (как совокупности конкретных технологий: машинное обучение, нейронные сети и т. д.) существует разрыв.

Российский законодатель, как видно из рассмотренных источников, сделал попытку объединить ключевые научные признаки (имитация мышления, самообучение, достижение человеческого уровня результатов) в одном комплексном определении. Это свидетельствует о стремлении к универсальности дефиниции, но одновременно ставит задачу ее дальнейшего уточнения.

В юридической литературе закреплённая дефиниция искусственного интеллекта по-прежнему оценивается неоднозначно. В частности, обращается

---

<sup>71</sup> Искусственный интеллект // Большая российская энциклопедия: официальный сайт. URL: <https://bigenc.ru/technology/text/4184986> (дата обращения: 19.07.2025).

внимание на ее сложную конструкцию и возможность различного толкования при практическом применении<sup>72</sup>. Поэтому обсуждение содержания данного понятия нельзя считать завершенным: с одной стороны, определение должно быть достаточно широким, чтобы охватывать дальнейшее развитие технологий, с другой — оно не должно утрачивать необходимой для правоприменения определенности.

Сравнение зарубежных подходов показывает, что правовое определение искусственного интеллекта выполняет не только терминологическую, но и регулятивную функцию. От того, насколько точно сформулирована такая дефиниция, зависит объем действия специальных правовых требований и пределы их применения. Чрезмерно широкое понимание искусственного интеллекта может привести к тому, что под специальный режим будут подпадать обычные автоматизированные информационные системы, не обладающие признаками интеллектуальной обработки данных. Напротив, слишком узкое определение способно оставить вне правового регулирования технологии, которые формально не соответствуют отдельным признакам дефиниции, но фактически влияют на права граждан, интересы организаций, публичную безопасность и устойчивость общественных отношений.

Показательным примером является опыт Китайской Народной Республики, связанный с регулированием рекомендательных алгоритмов цифровых платформ, включая платформу Douyin<sup>73</sup>.

Такие алгоритмы не являются генеративным искусственным интеллектом, поскольку их основная функция состоит не в создании нового текста, изображения, аудио или видео, а в персонализированном отборе, ранжировании и распространении существующего контента. Между тем

---

<sup>72</sup> Романова А.В. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта: правовой анализ, проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 319–322. URL: <https://moluch.ru/archive/441/96548/> (дата обращения: 20.07.2025).

<sup>73</sup> Douyin — цифровая платформа коротких видеоматериалов, разработанная компанией ByteDance Ltd. и функционирующая преимущественно на внутреннем рынке Китайской Народной Республики; за пределами КНР сходный сервис компании известен под наименованием TikTok.

именно эти системы способны определять, какая информация будет доступна пользователю, в какой последовательности она будет отображаться, какие материалы будут продвигаться алгоритмом, а какие фактически останутся вне поля внимания пользователя.

Иными словами, правовой риск в данном случае возникает не из-за создания нового информационного объекта, а из-за функции алгоритма по управлению информационным потоком. Рекомендательная система анализирует цифровое поведение пользователя, прогнозирует его интересы, формирует персонализированную выдачу и тем самым влияет на доступ к информации, потребительское поведение, распространение социально значимого контента и состояние публичной информационной среды. До принятия Положений об управлении алгоритмическими рекомендациями КНР, вступивших в силу 1 марта 2022 г., подобные алгоритмы оставались вне специального контроля, несмотря на их очевидное публично-правовое значение.

Данный пример подтверждает, что для целей публичного права определяющим является не только технический тип системы искусственного интеллекта, но и ее функция в конкретной сфере. Рекомендательный алгоритм может не создавать новый контент, но при этом выполнять юридически значимую функцию, такую как анализ данных, прогнозирование поведения пользователей и влияние на публичную коммуникацию.

Для российского правопорядка данный вывод имеет методологическое значение. Широкое определение искусственного интеллекта как комплекса технологических решений позволяет охватить различные интеллектуальные системы, однако само по себе не определяет, какие именно функции искусственного интеллекта требуют специального правового режима в конкретной сфере. Поэтому уже на стадии формирования правового регулирования необходимо заранее учитывать возможные пробелы, связанные с тем, что разные системы искусственного интеллекта могут создавать разные виды правовых рисков: через генерацию контента,

ранжирование информации, прогнозирование поведения, классификацию лиц или оценку рисков.

В сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма аналогичная проблема может возникнуть в отношении интеллектуальных систем, которые не принимают окончательное юридическое решение, но фактически участвуют в выявлении финансовых рисков. Следовательно, если заранее не закрепить функционально ориентированное понимание искусственного интеллекта для данной сферы, может возникнуть неопределенность в вопросах разграничения автоматизированной и экспертной оценки, проверки результатов, распределения ответственности и допустимости использования таких выводов в дальнейших публично-правовых процедурах.

Для режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма это означает необходимость заранее определить, какие интеллектуальные системы и какие результаты их работы имеют значение для финансового мониторинга.

На основании изложенного представляется обоснованным вывод о необходимости закрепления специального, функционально ориентированного определения искусственного интеллекта для целей реализации правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Такое определение должно учитывать специфику деятельности Росфинмониторинга, поскольку именно в процедурах идентификации клиентов, мониторинга финансовых операций и выявления подозрительных транзакций искусственный интеллект приобретает значение элемента публично-правового механизма финансового контроля, требующего нормативного разграничения автоматизированной и экспертной оценки, а также установления процедур проверки и верификации результатов, полученных с использованием интеллектуальных систем.

## **1.2. Искусственный интеллект как фактор трансформации административно-правовых процедур публичного управления**

Искусственный интеллект становится значимым фактором цифровой трансформации публичного управления. В отличие от обычных информационных систем, предназначенных преимущественно для накопления, хранения и передачи сведений, искусственный интеллект ориентирован на более сложную обработку данных. Он позволяет сопоставлять значительные массивы информации, выявлять повторяющиеся связи и нетипичные отклонения, оценивать вероятность наступления рисков и формировать аналитическую основу для последующих управленческих решений. В связи с этим его использование затрагивает не только технологическую сторону деятельности органов публичной власти, но и само содержание административно-правовых процедур.

Наиболее отчетливо данная особенность проявляется в тех областях государственного управления, где требуется постоянная работа с большими объемами информации и оценка многофакторных рисков. К таким областям относится финансовый мониторинг, поскольку он предполагает выявление подозрительных операций, анализ финансового поведения участников экономического оборота, определение рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма, а также применение мер предупредительного административно-правового характера.

Внедрение искусственного интеллекта в систему финансового мониторинга позволяет ускорить обработку поступающих сведений, повысить качество аналитической работы и более последовательно реализовывать риск-ориентированный подход.

Вместе с тем алгоритмизация данной сферы требует правовой оценки, поскольку затрагивает пределы автоматизации, вопросы человеческого контроля, прозрачности алгоритмов, защиты персональных данных, распределения ответственности и обжалования решений.

В настоящем исследовании административно-правовые процедуры понимаются как нормативно организованная последовательность действий уполномоченных субъектов публичного управления, направленная на получение, проверку, оценку юридически значимой информации, принятие управленческого решения либо осуществление контрольного или превентивного воздействия. Внедрение искусственного интеллекта изменяет прежде всего информационно-аналитическую и оценочную стадии таких процедур, что обуславливает необходимость их специальной административно-правовой регламентации.

Искусственный интеллект здесь рассматривается не как самостоятельный участник административно-правовых отношений, а как элемент цифровой инфраструктуры публичного управления. Его значение определяется способностью изменять порядок сбора, обработки и оценки информации, влиять на административное усмотрение и использоваться при подготовке юридически значимых решений.

Рассмотрение роли искусственного интеллекта в современной правовой системе целесообразно начинать с обращения к категории цифрового права, поскольку именно она позволяет показать более широкий контекст правового осмысления новых технологий. Искусственный интеллект не возникает в правовой системе как изолированное явление, а развивается внутри общей цифровой среды, связанной с использованием автоматизированных информационных систем, цифровых платформ, алгоритмического анализа и новых форм публичного администрирования.

В этом смысле цифровое право имеет значение не как самостоятельный предмет настоящего исследования, а как исходная методологическая рамка. Внедрение искусственного интеллекта затрагивает не отдельные технологические процессы, а саму организацию правового регулирования: меняются способы сбора и обработки информации, трансформируются административные процедуры, усложняются механизмы контроля,

появляются новые требования к прозрачности и безопасности цифровых решений.

Особенно отчетливо это проявляется в публично-правовой сфере, так как в отличие от частноправового оборота, где искусственный интеллект чаще используется как инструмент оптимизации предпринимательской или иной хозяйственной деятельности, в публичном праве он включается в реализацию публично-властных полномочий. Следовательно, правовое значение искусственного интеллекта определяется не только его технологическими характеристиками, но и тем, что результаты его использования способны повлечь юридически значимые последствия.

Представляется возможным выделить несколько основных направлений воздействия искусственного интеллекта на содержание административно-правовых процедур публичного управления.

Во-первых, искусственный интеллект изменяет информационно-аналитическую основу административной деятельности, поскольку обеспечивает автоматизированный сбор, обработку, систематизацию и сопоставление значительных массивов юридически значимой информации.

Во-вторых, его использование усиливает оценочный и прогностический компоненты административных процедур, так как алгоритмические модели применяются для выявления рисков, установления закономерностей, классификации объектов контроля и прогнозирования возможного противоправного поведения.

В-третьих, искусственный интеллект влияет на организацию контрольной и надзорной деятельности, поскольку может использоваться при отборе объектов контроля, определении приоритетности проверочных мероприятий, выявлении признаков нарушений обязательных требований и подготовке оснований для последующего административного реагирования.

В-четвертых, использование искусственного интеллекта требует более внимательного отношения к административно-процедурным гарантиям. Речь идет о необходимости закрепления требований к понятности и проверяемости

алгоритмических выводов, сохранению человеческого контроля за юридически значимыми решениями, обязательной верификации результатов автоматизированной обработки информации, а также обеспечению возможности пересмотра и обжалования решений, подготовленных или принятых с применением интеллектуальных систем.

В этой связи оценка доктринальных подходов к определению места искусственного интеллекта в правовой системе не может проводиться в отрыве от конкретной сферы его использования. Для публичного права первостепенное значение имеет не абстрактный вопрос о признании искусственного интеллекта самостоятельным субъектом, а то, как его применение меняет административные процедуры, влияет на гарантии прав граждан и организаций, трансформирует содержание публичного контроля и обеспечивает устойчивость правового режима в условиях цифровизации.

В рассматриваемом контексте цифровое право выступает как комплексная регуляторная среда, в рамках которой объединяются нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие при создании, внедрении и использовании цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта. Таким образом, при анализе правовой природы и правового режима искусственного интеллекта особое значение приобретают подходы, сформированные в рамках доктрины цифрового права как новой отрасли юридического знания.

В. Д. Зорькин называет цифровое право «правом второго модерна», регулирующим экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта: «по своей природе цифровое право, так же как и информационное, носит публично-правовой характер и представляет собой правовой комплекс межотраслевого значения. Цифровая информация как объект цифровых

правоотношений может являться одновременно объектом публичных и частных правовых отношений»<sup>74</sup>.

Характерной чертой цифрового права как формирующегося комплекса правовых норм и подходов является расширенное понимание источников правового регулирования. Помимо традиционных нормативных правовых актов, значительное место в этой системе занимают стратегические документы, государственные доктрины, программно-технические акты, рекомендации, дорожные карты и иные инструменты «мягкого» регулирования, отражающие динамику развития цифровых технологий и задач цифровизации.

Понятие «мягкого права» охватывает совокупность документов, не обладающих юридически обязывающей силой в традиционном понимании, но играющих значимую роль в формировании правовых ориентиров и стандартов поведения. К «мягкому праву» относятся международные декларации, кодексы, принципы добросовестного использования технологий, межведомственные рекомендации и иные акты, отражающие согласованные позиции государств, международных организаций или экспертных сообществ.

А.В. Попова отмечает, что «Мягкое право может рассматриваться в качестве структурного элемента комплексной отрасли законодательства, регулирующей сферу применения искусственного интеллекта, поскольку оно позволяет оперативно реагировать на вызовы технологического развития, формируя ценностные и поведенческие ориентиры в условиях правовой неопределенности»<sup>75</sup>.

Именно в сфере регулирования искусственного интеллекта «мягкое право» становится важнейшим инструментом согласования национальных

---

<sup>74</sup> Зорькин В.Д. Право в цифровом мире: размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая. № 115 (7578).

<sup>75</sup> Попова А.В. Мягкое право как структурная часть комплексной отрасли российского законодательства в сфере правовой регламентации искусственного интеллекта // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 4 (44). С. 86–93. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.09. URL: <https://lawbulletin.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/4/2022/01/popova-a-v.pdf> (дата обращения: 17.07.2025).

стратегий и формирования основ глобального правопорядка, учитывающего этические, технологические и правовые риски.

В настоящее время подавляющее большинство государств приняли национальные стратегии<sup>76</sup>, концепции или программы<sup>77</sup>, направленные на развитие передовых цифровых технологий, включая искусственный интеллект. Эти документы содержат институциональные и регуляторные ориентиры по цифровой трансформации публичного управления, внедрению алгоритмических решений в деятельность органов власти, а также формированию соответствующей нормативной среды.

В то же время наличие стратегий, концепций и программ, ориентированных на развитие искусственного интеллекта, еще не означает разрешения вопроса о том, в каких пределах такие технологии могут использоваться в публичном управлении.

В первую очередь это касается административно-правовых условий использования алгоритмических систем: их места в механизме осуществления публичных полномочий, соответствия требованиям законности, обоснованности, соразмерности и подконтрольности, а также сохранения гарантий прав граждан при автоматизации управленческих процедур.

В связи с этим рассмотрение программных документов в сфере искусственного интеллекта логически приводит к анализу более конкретной проблемы, а именно: влияния алгоритмических решений на содержание административной деятельности. Особое значение в этой связи приобретает вопрос о соотношении алгоритмического управления с базовыми принципами

---

<sup>76</sup> Galindo L., Perset K., Sheeka F. An overview of national AI strategies and policies [Обзор национальных стратегий и политик в области искусственного интеллекта] // OECD Going Digital Toolkit Notes. 2021. No. 14. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/c05140d9-en. URL: [https://www.oecd.org/en/publications/an-overview-of-national-ai-strategies-and-policies\\_c05140d9-en.html](https://www.oecd.org/en/publications/an-overview-of-national-ai-strategies-and-policies_c05140d9-en.html) (дата обращения: 10.10.2025).

<sup>77</sup> 50 National AI Strategies: the 2020 AI Strategy Landscape [50 национальных стратегий искусственного интеллекта: ландшафт стратегий ИИ 2020 года] // HolonIQ: официальный сайт. 20.02.2020. URL: <https://www.holoniq.com/notes/50-national-ai-strategies-the-2020-ai-strategy-landscape> (дата обращения: 12.07.2025).

административного права, прежде всего с дискреционными полномочиями должностных лиц.

Автоматизация управленческих решений неизбежно ставит вопрос о пределах человеческого усмотрения. Если юридически значимый вывод формируется преимущественно на основе алгоритма, необходимо определить, сохраняется ли за должностным лицом реальная возможность оценки обстоятельств дела и отступления от автоматизированной рекомендации.

В научной литературе справедливо отмечается, что в условиях становления «цифрового государства» административное усмотрение меняет свое содержание. С одной стороны, алгоритмические инструменты способны снизить влияние субъективного фактора, обеспечить единообразие обработки данных и уменьшить риск произвольных решений. С другой стороны, чрезмерная автоматизация может привести к утрате гибкости публичного управления, особенно в ситуациях, требующих учета индивидуальных обстоятельств. Российские исследователи в этой связи подчеркивают необходимость сохранения адаптивности правовой системы, поскольку жесткая формализация управленческих решений не всегда позволяет получить справедливый и точный результат в конкретном случае.

Поэтому внедрение искусственного интеллекта в публичное управление не должно означать отказ от человеческого контроля. Напротив, при использовании интеллектуальных систем необходимо закреплять механизмы проверки и корректировки алгоритмических выводов, особенно тогда, когда такие выводы могут повлечь неблагоприятные последствия для граждан или организаций.

В условиях цифровой трансформации административное усмотрение не исчезает, а приобретает иное содержание. Оно становится связанным не только с оценкой фактических обстоятельств и применением правовой нормы, но и с анализом результатов, сформированных цифровыми системами. Т. В. Щукина обращает внимание на то, что цифровизация требует пересмотра форм реализации дискреционных полномочий и выработки новых подходов к

сочетанию алгоритмической обработки данных с деятельностью должностных лиц<sup>78</sup>. В этом смысле административное усмотрение должно сохранять способность корректировать выводы автоматизированных систем, прежде всего в нестандартных и социально чувствительных ситуациях, где требуется индивидуальная правовая оценка.

Близкая позиция представлена в исследовании Д. И. Зайцева, который использует категорию «цифрового административного усмотрения»<sup>79</sup>. Данный подход отражает необходимость сохранения человеческого участия в принятии управленческих решений даже при высокой степени автоматизации. Эффективность искусственного интеллекта при решении типовых и рутинных задач не устраняет потребности в правовой оценке, профессиональном суждении и этической ответственности правоприменителя. В связи с этим должностное лицо должно не только понимать логику работы рекомендательных алгоритмов, но и иметь возможность отступить от их вывода, если этого требуют принципы законности, справедливости и соразмерности административного вмешательства.

Одним из правовых инструментов снижения рисков алгоритмизации является создание процедур пересмотра и обжалования решений, подготовленных или принятых с использованием искусственного интеллекта. Однако такой механизм сам по себе не является достаточным. Обжалование, как правило, действует уже после наступления правовых последствий и потому не всегда способно предотвратить нарушение на стадии принятия решения.

В условиях высокой скорости автоматизированной обработки данных ошибочный алгоритмический вывод может повлечь последствия практически

---

<sup>78</sup> Щукина Т.В. Административное усмотрение и его проявление в административных процедурах: новые трансформации в условиях цифрового государства и информационного общества // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 137–144.

<sup>79</sup> Зайцев Д.И. Административное усмотрение в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11 (99). С. 199–208. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.99.11.199-208.

немедленно. Это особенно заметно в ситуациях автоматического отказа в предоставлении социальной услуги, начисления административного штрафа, ограничения доступа к государственному сервису либо блокировки финансовой операции. Поэтому правовое регулирование должно включать не только последующий пересмотр, но и превентивные гарантии: предварительную проверку алгоритмических решений, участие уполномоченного лица в критически значимых случаях, возможность приостановления автоматического результата и обязательную верификацию выводов системы.

В действующем правовом регулировании уже прослеживается общий подход, согласно которому применение автоматизированных технических средств не освобождает уполномоченного субъекта от ответственности за последствия их использования. В административно-правовой доктрине при этом обсуждается возможность установления специальных составов правонарушений, связанных с ненадлежащей эксплуатацией систем искусственного интеллекта. Вместе с тем и при отсутствии специальных норм операторы таких систем могут нести ответственность по общим основаниям, например за нарушение правил обработки персональных данных, несоблюдение требований информационной безопасности либо неправомерное использование автоматизированных инструментов при принятии юридически значимых решений.

Показательным в этом отношении является опыт Нидерландов, где применялась система Сири, предназначенная для выявления рисков мошенничества при получении социальных выплат. Данная система обрабатывала различные массивы сведений о гражданах и формировала риск-сигналы для органов публичной власти. В 2020 г. Окружной суд Гааги признал использование этой системы несоответствующим статье 8 Европейской конвенции о защите прав человека, указав на недостаточную прозрачность обработки данных и отсутствие надлежащих гарантий от непропорционального вмешательства в частную жизнь.

Сходные проблемы проявились и в Великобритании, где в 2020 г. Министерство внутренних дел отказалось от использования алгоритма, применявшегося для сортировки визовых заявок, после критики, связанной с непрозрачностью его работы и риском дискриминационного подхода по национальному признаку. Эти примеры показывают, что применение искусственного интеллекта в публичном управлении требует четкой правовой рамки, включающей порядок принятия автоматизированных решений, требования к прозрачности алгоритмов, механизмы человеческого контроля, процедуры обжалования и правила распределения ответственности.

Следовательно, основная задача правового регулирования состоит не в сдерживании технологического развития, а в обеспечении баланса между инновациями и защитой прав граждан. Для этого могут использоваться правовые эксперименты под контролем государства, методические рекомендации по внедрению искусственного интеллекта в деятельность органов публичной власти, процедуры независимой оценки алгоритмов, а также специальные экспертные центры, способные проверять качество, безопасность и правомерность работы интеллектуальных систем. Таким образом, административное право постепенно адаптируется к применению искусственного интеллекта.

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта ставит под вопрос традиционные гарантии конституционных прав и свобод. В первую очередь это касается принципа равенства и недискриминации, права на неприкосновенность частной жизни, а также права на справедливый судебный процесс и эффективные средства правовой защиты.

Алгоритмы, обрабатывающие данные о гражданах и принимающие решения, могут неосознанно воспроизводить существующие предубеждения, что ведет к дискриминации отдельных групп.

Современные системы искусственного интеллекта способны собирать и интерпретировать огромные объемы персональных данных – от геолокации и переписки в интернете до биометрической информации. Государства все

активнее используют эти технологии для обеспечения безопасности и порядка, однако их применение связано с рисками несоразмерного вмешательства в частную жизнь.

Так, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 68/167 отмечено, что стремительное развитие технологий повышает возможности правительств по перехвату и сбору информации, что может нарушать права человека, особенно право на неприкосновенность частной жизни.

Показательным примером является использование в Москве систем городского видеонаблюдения и технологий распознавания лиц в рамках инфраструктуры «Безопасный город». Несмотря на то что использование подобных инструментов обычно связывается с задачами поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности, их внедрение не является бесспорным с правовой точки зрения. На первый план выходят вопросы о допустимых пределах вмешательства в частную жизнь, порядке обработки биометрических данных, открытости применяемых процедур, а также необходимости судебного и иного независимого контроля за использованием алгоритмических технологий наблюдения<sup>80</sup>.

Особое место среди рисков занимают системы прогнозирования противоправного поведения, которые в ряде зарубежных государств используются для оценки вероятности совершения лицом правонарушения. Применение таких алгоритмов является особенно чувствительным с позиции конституционно-правовых гарантий, поскольку сформированные ими выводы способны повлиять на правовое положение человека еще до совершения конкретного деяния. Дополнительную проблему создает непрозрачность критериев, на основании которых система относит лицо к группе повышенного риска.

---

<sup>80</sup> Суд в Москве признал законной систему распознавания лиц // Право.ru: официальный сайт. 26.11.2019. URL: <https://pravo.ru/news/216384/> (дата обращения: 08.08.2025).

Данная проблема получила отражение, в частности, в деле Штат против Лумиса, где оспаривалось использование алгоритмической оценки риска рецидива при назначении наказания<sup>81</sup>. Верховный суд штата признал использование искусственного интеллекта допустимым только при соблюдении ряда условий – в частности, судьи должны предупреждать обвиняемых об ограничениях и возможной погрешности алгоритма, а алгоритмический анализ не может быть единственным основанием решения.

В ряде стран уже закреплены нормы об алгоритмической прозрачности. Например, во Франции Закон о цифровой республике 2016 г. закрепил обязанность администрации информировать лицо о том, что индивидуальное административное решение принято на основании алгоритмической обработки, а также предоставлять по запросу правила такой обработки и основные характеристики ее реализации<sup>82</sup>.

Подобные требования отражают более общее право на объяснение, обсуждаемое в доктрине и частично закрепленное в законодательстве, например, в ст. 22 Общего регламента Европейского Союза по защите данных предусмотрено право субъекта требовать разъяснения логики автоматизированного решения.

В российском законодательстве сходный подход выражен в положениях Федерального закона «О персональных данных», согласно которым принятие решений, порождающих юридические последствия для субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, на основании исключительно автоматизированной обработки

---

<sup>81</sup> State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016) [Дело «Штат Висконсин против Лумиса»] // Supreme Court of Wisconsin: официальный сайт. 13.07.2016. URL: <https://www.wicourts.gov/sc/opinion/DisplayDocument.pdf?content=pdf&seqNo=171690> (дата обращения: 30.05.2026).

<sup>82</sup> Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique [Закон Французской Республики от 07.10.2016 № 2016-1321 «О цифровой республике»] // Journal officiel de la République française. 08.10.2016. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746/> (дата обращения: 22.06.2026).

допускается только при наличии письменного согласия субъекта либо в случаях, предусмотренных федеральным законом. При этом оператор обязан разъяснить субъекту порядок принятия такого решения и возможные юридические последствия, а также обеспечить возможность заявления возражений против такого решения<sup>83</sup>.

Данные положения имеют значение не только для регулирования обработки персональных данных, но и для более широкого осмысления допустимых пределов автоматизированного принятия решений в публичной сфере. Они закрепляют минимальные процессуальные гарантии лица в ситуации, когда юридически значимый результат формируется не непосредственно должностным лицом, а посредством алгоритмической обработки данных.

При этом административно-правовой анализ использования искусственного интеллекта в публичном управлении неизбежно требует обращения к конституционно-правовым гарантиям. Это обусловлено тем, что административные процедуры являются формой реализации публичной власти и непосредственно затрагивают права, свободы и законные интересы граждан. Следовательно, автоматизация таких процедур не может оцениваться исключительно с позиции управленческой эффективности: она должна соотноситься с требованиями законности, равенства, пропорциональности, недискриминации, права на защиту и возможности обжалования решений.

В данном контексте конституционные принципы выступают не самостоятельным предметом исследования, а нормативными пределами административного усмотрения и алгоритмического управления. Иными словами, обращение к ним позволяет определить, в каких границах использование искусственного интеллекта допустимо при осуществлении

---

<sup>83</sup> Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» в ред. от 01.03.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3451.

публичных полномочий и какие гарантии должны сопровождать автоматизированное принятие юридически значимых решений.

Поэтому правовые системы государств стоят перед задачей не только внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов публичной власти, но и формирования административно-правовых механизмов, обеспечивающих защиту прав граждан при использовании алгоритмических систем.

Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта также оказывает влияние на формирование административно-правовых подходов к его использованию в публичном управлении. Первоначально соответствующие ориентиры складывались преимущественно в актах «мягкого права», включая Рекомендацию Совета ОЭСР по искусственному интеллекту 2019 г. и Рекомендацию ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 г.<sup>84</sup>.

Указанные документы не устанавливают непосредственно обязательных правил поведения, однако закрепляют базовые принципы ответственного использования искусственного интеллекта: прозрачность, справедливость, подотчетность, безопасность, недискриминацию и сохранение человеческого контроля за функционированием интеллектуальных систем.

Для административного права значение данных актов состоит в том, что они формируют общие требования к цифровым административным процедурам. Использование искусственного интеллекта органами публичной власти должно сопровождаться не только технологической надежностью, но и юридической проверяемостью алгоритмических решений, возможностью их объяснения, пересмотра и соотнесения с правами граждан и организаций. Тем самым международные стандарты постепенно трансформируются из

---

<sup>84</sup> Recommendation of the Council on Artificial Intelligence OECD/LEGAL/0449 [Рекомендация Совета ОЭСР по искусственному интеллекту OECD/LEGAL/0449]: adopted on 22.05.2019, amended on 03.05.2024 // OECD Legal Instruments: официальный сайт. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 19.07.2025).

этических ориентиров в основу для выработки конкретных административно-правовых требований к применению искусственного интеллекта в публичной сфере.

Наиболее последовательно данный подход получил развитие в праве Европейского союза. Европейский акт об искусственном интеллекте закрепляет риск-ориентированную модель регулирования, в рамках которой требования к системам искусственного интеллекта зависят от степени потенциального воздействия на права человека, безопасность и публичные интересы.

Особое значение имеют положения о высокорисковых системах, применяемых в чувствительных сферах, включая правоохранительную деятельность, доступ к социальным и финансовым услугам, а также иные области, где алгоритмическое решение может повлиять на правовое положение лица. Для таких систем предусматриваются требования к оценке рисков, качеству данных, прозрачности, человеческому надзору, надежности и кибербезопасности.

Сходная логика прослеживается и в Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права<sup>85</sup>. Данный документ носит рамочный характер и ориентирован не на унификацию всех технических правил, а на закрепление общих обязанностей государств по обеспечению прав человека и верховенства права на всем жизненном цикле систем искусственного интеллекта. Для публичного управления особенно значимы положения о необходимости оценки возможных негативных последствий применения искусственного

---

<sup>85</sup> Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law CETS № 225 [Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права CETS № 225]: opened for signature on 05.09.2024 // Council of Europe: официальный сайт. URL: <https://www.coe.int/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=225> (дата обращения: 19.07.2025).

интеллекта, обеспечении прозрачности, независимого контроля, ответственности и эффективных средств правовой защиты.

В контексте настоящего исследования примечательно, что формирующаяся международная модель регулирования искусственного интеллекта во многом строится по логике, близкой к международным режимам комплаенса. Она предполагает установление рамочных стандартов, их последующую имплементацию в национальное законодательство, риск-ориентированную оценку, институциональный надзор и контроль за соблюдением установленных требований. В этом смысле регулирование искусственного интеллекта имеет определенное сходство с международной архитектурой противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, где также используются наднациональные стандарты, оценка рисков, национальные механизмы имплементации норм и последующий мониторинг исполнения стандартов.

Следовательно, международные подходы к регулированию искусственного интеллекта имеют значение не только как внешние ориентиры, но и как методологическая основа для развития административно-правовых механизмов в национальном праве.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в публичном управлении приводит к трансформации административно-правовых процедур, поскольку изменяет порядок сбора, обработки, анализа и оценки юридически значимой информации. Алгоритмические системы все чаще включаются в процедуры подготовки управленческих решений, выявления рисков, отбора объектов контроля и формирования оснований для последующего административного реагирования. В этих условиях искусственный интеллект выступает не самостоятельным субъектом административно-правовых отношений, а функциональным элементом цифровой инфраструктуры публичного управления, обеспечивающим реализацию отдельных аналитических, контрольных и превентивных функций.

Особенно значимо указанное обстоятельство проявляется в сфере финансового мониторинга, где применение искусственного интеллекта связано с автоматизацией анализа финансовых операций, выявлением подозрительных транзакций и развитием риск-ориентированного подхода. В данной сфере искусственный интеллект способен повысить эффективность публичного контроля, однако одновременно требует установления специальных административно-правовых гарантий: прозрачности алгоритмических решений, проверяемости результатов автоматизированной обработки данных, человеческого контроля, возможности пересмотра решений, а также распределения ответственности между разработчиками, операторами и уполномоченными субъектами финансового мониторинга.

Следовательно, административно-правовое значение искусственного интеллекта состоит не в признании за ним самостоятельной правосубъектности, а в необходимости нормативного определения его роли в механизме публичного управления. Искусственный интеллект должен рассматриваться как элемент цифровой инфраструктуры, использование которого допустимо лишь при наличии правовых оснований, процедур верификации и контроля, а также гарантий защиты прав граждан и организаций. Именно такой подход позволяет обеспечить баланс между технологической эффективностью государственного управления и требованиями законности, пропорциональности, подотчетности и защиты прав участников административных отношений.

Вместе с тем возрастание автономности искусственного интеллекта, его способность формировать выводы, влияющие на юридически значимые решения, и участие в реализации публичных функций неизбежно актуализируют более общий теоретико-правовой вопрос о правовом статусе искусственного интеллекта. Несмотря на то что в публичном праве искусственный интеллект не может рассматриваться как самостоятельный субъект права, его функциональная активность и способность порождать правовые последствия требуют обращения к доктринальным конструкциям

правовой персонализации, квазисубъектности и концепции «электронного лица». Указанные вопросы требуют самостоятельного анализа, поскольку именно через определение пределов правовой персонализации искусственного интеллекта возможно установить допустимые границы его участия в публично-правовых отношениях.

### **1.3. Пределы правовой персонализации искусственного интеллекта в публичном праве**

Возрастание роли искусственного интеллекта в публичном управлении и его участие в подготовке юридически значимых решений неизбежно актуализируют вопрос о его правовом статусе. Однако для публичного права данный вопрос имеет иной смысл, чем для гражданско-правового оборота или сферы интеллектуальной собственности.

В условиях цифровизации искусственный интеллект способен выполнять аналитические, прогностические и рекомендательные функции, участвовать в выявлении рисков и подготовке управленческих решений. Тем не менее такая функциональная активность не тождественна правосубъектности. Отсутствие единого подхода к квалификации искусственного интеллекта в рамках правовой системы порождает глубокие теоретико-правовые дискуссии о допустимости его субъектной идентификации.

В современной юридической доктрине можно выделить несколько подходов к определению правового статуса искусственного интеллекта. Первый подход исходит из квалификации искусственного интеллекта как объекта права, то есть сложного технологического средства, результаты функционирования которого должны связываться с деятельностью разработчика, владельца, оператора или пользователя. Данный подход сохраняет значение для действующего правового регулирования, поскольку

позволяет не разрывать связь между использованием технологии и ответственностью реального субъекта права.

Второй подход связан с концепцией квазисубъектности искусственного интеллекта. В рамках данного подхода признается, что интеллектуальные системы не могут быть отнесены к пассивным объектам, поскольку способны автономно обрабатывать данные, формировать выводы и участвовать в юридически значимых процессах. Однако такая функциональная активность не означает полного признания искусственного интеллекта субъектом права, а лишь указывает на необходимость специального режима его использования.

Третий подход исходит из автономии искусственного интеллекта и выражен в концепции «электронного лица», предполагающей возможность нормативного закрепления особого правового статуса с включением отдельных элементов правоспособности, обязанностей и ответственности. Данная концепция имеет значение для теоретического осмысления субъектности, однако ее применение в публично-правовой сфере представляется ограниченной, поскольку публичное право связано не только с участием в правоотношениях, но и с наличием компетенции, легитимности, подотчетности и юридической ответственности.

Указанные подходы отражают различные варианты правовой квалификации искусственного интеллекта и по-разному решают вопрос о соотношении технологической автономности с юридической ответственностью реальных субъектов права.

В связи с этим представляется необходимым подробнее рассмотреть каждую из обозначенных концепций, определить их теоретическое значение и выявить пределы их применимости в публично-правовой сфере.

Первоначально вопрос о правовом статусе искусственного интеллекта получил наиболее последовательное развитие в гражданско-правовой плоскости, где интеллектуальные системы рассматриваются преимущественно как объект права. Вместе с тем анализ данного подхода необходим и для административно-правового исследования, поскольку

именно он позволяет сохранить связь между функционированием искусственного интеллекта и ответственностью конкретных субъектов публичного управления.

Авторы, придерживающиеся данного подхода, подчеркивают, что все вопросы правового положения искусственного интеллекта и распределения ответственности за его действия могут решаться средствами традиционных правовых институтов<sup>86</sup>.

Так, предлагается использовать существующие механизмы привлечения к ответственности разработчиков, операторов искусственного интеллекта за вред, причиненный функционированием автономных систем, вместо введения новых категорий права.

Как отмечает С.А. Соменков, на сегодняшний день с точки зрения гражданского права система, работающая на базе искусственного интеллекта, рассматривается как объект вещного права. В то же время законодательство не устанавливает специфических правовых особенностей для таких объектов и не ограничивает их оборот. Однако существует ряд особенностей, связанных с возможностью автономного функционирования искусственного интеллекта. В связи с этим деятельность, связанная с использованием искусственного интеллекта, требует специального правового регулирования<sup>87</sup>.

Как справедливо подчеркивает С.А. Соменков, действующее законодательство не предусматривает каких-либо специфических норм, дифференцирующих искусственный интеллект от иных объектов гражданского оборота, что создает нормативный пробел. Иными словами,

---

<sup>86</sup> Иванов С.П. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма // Инновации в науке и образовании: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет, 2024. С. 352–357. URL: [https://kuzstu.ru/dmdocuments/INPK/13INPK\\_Sbornic2024/pages/Секция%203/352.pdf](https://kuzstu.ru/dmdocuments/INPK/13INPK_Sbornic2024/pages/Секция%203/352.pdf) (дата обращения: 08.08.2025).

<sup>87</sup> Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 75–85. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085.

правовой режим искусственного интеллекта в настоящее время идентичен, например, правовому режиму иного программного обеспечения, оборудования или иного имущества, используемого в цифровой экономике.

Приведенная позиция заслуживает особого внимания, поскольку отражает актуальную доктринальную установку, согласно которой искусственный интеллект, несмотря на его технологическую сложность и автономность, по-прежнему квалифицируется в гражданском праве как объект вещного права. Такая правовая квалификация соответствует традиционному подходу, основанному на антропоцентрической модели правопонимания, в которой способность быть субъектом права ограничивается принадлежностью к человеческой природе либо к юридическим лицам, создаваемым волей человека.

С точки зрения сторонников данного подхода, в том числе А.А. Васильева и Ю.В. Печатновой, искусственный интеллект, несмотря на его сложность и способность к автономному функционированию, представляет собой результат деятельности человека и потому должен рассматриваться как объект, находящийся в распоряжении собственника<sup>88</sup>.

Соответственно, все последствия использования систем искусственного интеллекта должны ложиться на их владельцев, разработчиков или операторов, в соответствии с общими положениями Гражданского кодекса Российской Федерации.

Применительно к режиму противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма объектный подход к искусственному интеллекту имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Его использование позволяет сохранить юридическую связь между результатами функционирования

---

<sup>88</sup> Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83. DOI: 10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83. URL: <https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/34> (дата обращения: 23.06.2026).

интеллектуальной системы и деятельностью конкретных субъектов, на которых Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ возложены обязанности по выявлению операций, подлежащих обязательному контролю, идентификации клиентов, представителей клиентов, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев, документальному фиксированию и хранению информации, а также направлению соответствующих сведений в уполномоченный орган.

В данном контексте искусственный интеллект не может рассматриваться как самостоятельный участник отношений, возникающих в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Он выступает технологическим инструментом, используемым Росфинмониторингом, организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, кредитными организациями, операторами информационных систем, разработчиками программного обеспечения и иными лицами, обеспечивающими функционирование цифровой инфраструктуры финансового мониторинга.

Такое понимание правовой природы искусственного интеллекта не допускает возложения юридической ответственности на саму технологию. Ответственность в этом случае сохраняется за теми субъектами, которые в силу закона обладают соответствующими обязанностями, полномочиями и компетенцией, а также принимают решения о разработке, внедрении и использовании интеллектуальных систем.

Вместе с тем в научной литературе высказывается и иная позиция. В частности, П. М. Морхат обращает внимание на то, что по мере развития систем искусственного интеллекта, способных к самообучению, автономному выбору вариантов поведения и воздействию на юридически значимые отношения, традиционное представление об искусственном интеллекте

исключительно как об объекте права становится недостаточным<sup>89</sup>. По мнению автора, интеллектуальные алгоритмы все чаще выходят за пределы роли обычного технического инструмента и начинают проявляться в информационных, договорных и деликтных связях как относительно самостоятельный фактор, влияющий на возникновение, изменение или прекращение правовых последствий. Это, в свою очередь, ставит вопрос о необходимости дальнейшего уточнения их правового статуса.

Особенность искусственного интеллекта состоит в том, что он способен функционировать с определенной степенью автономности, обрабатывать информацию без постоянного участия человека, изменять параметры своей работы и формировать выводы на основе ранее полученных данных. Именно поэтому последствия его применения не всегда могут быть заранее полностью предсказаны пользователем или оператором системы. Данное обстоятельство обуславливает потребность в специальном правовом регулировании, которое учитывало бы не только технические характеристики искусственного интеллекта, но и возможное влияние результатов его функционирования на юридически значимые отношения.

Учитывая обозначенные ограничения объектного подхода, становится очевидной необходимость перехода к более гибким и комплексным моделям правового осмысления искусственного интеллекта.

Одной из таких моделей является концепция квазисубъектности, предполагающая промежуточный статус, при котором искусственный интеллект не признается полноправным субъектом, но и не сводится к пассивному объекту. Данный подход позволяет учитывать особенности автономного поведения интеллектуальных систем, их функциональную

---

<sup>89</sup> Морхат П.М. Право и искусственный интеллект: тезаурус. М.: Буки Веди, 2019. 52 с.

активность в правовом поле, а также потребности правоприменительной практики в справедливом распределении ответственности.

В диссертационном исследовании Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения» представлено комплексное исследование феномена квазисубъектов права. Автор вводит в научный оборот четкое разграничение между субъектами и квазисубъектами, обосновывая необходимость признания последнего как самостоятельной категории, обладающей определенной юридической значимостью, но лишенной полного объема правоспособности.

На основе теоретического анализа, охватывающего позитивистские, естественно-правовые и постмодернистские подходы, в работе выделяются восемь методологических критериев разграничения этих категорий. Особую значимость исследование приобретает в контексте цифровизации, поскольку в нем рассматриваются такие потенциальные квазисубъекты, как искусственный интеллект и автономные робототехнические системы, которым, по мнению автора, нельзя придавать полноценную правосубъектность.

Кроме того, Е. В. Пономарева предлагает классификацию квазисубъектов на основе их институциональной оформленности, правовой роли и степени самостоятельности, иллюстрируя ее на примерах наций, трудовых коллективов и семей<sup>90</sup>.

Многие российские ученые поддерживают дискуссию о необходимости определенной гибкости правовой системы и ее способности адаптироваться к сложным, нестандартным правовым феноменам современности.

В контексте развития теории правоотношений особое значение имеет позиция А. А. Головиной, рассматривающей квазисубъекта права как самостоятельную правовую категорию, позволяющую описать участие в

---

<sup>90</sup> Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 228 с.

правовых связях таких образований, которые не обладают полноценной правосубъектностью, но при этом не могут быть полностью сведены к пассивным объектам правового воздействия<sup>91</sup>.

Данный подход имеет значение для анализа искусственного интеллекта, поскольку позволяет зафиксировать промежуточный характер его правового положения: интеллектуальная система способна автономно обрабатывать данные, формировать выводы и участвовать в юридически значимых процессах, однако такая функциональная активность сама по себе не образует полноценной правосубъектности.

Ценность конструкции квазисубъекта состоит в том, что она позволяет уйти от жесткого противопоставления субъекта и объекта права и описать новые правовые явления, возникающие в условиях цифровизации. Вместе с тем данная конструкция сохраняет условный и вспомогательный характер: она не предполагает автоматического признания за искусственным интеллектом самостоятельной воли, дееспособности или способности к юридической ответственности, а лишь обозначает необходимость специального правового учета его автономного функционирования.

Следовательно, обращение к категории квазисубъектности позволяет более точно описать правовую природу искусственного интеллекта на теоретическом уровне, не прибегая к преждевременному признанию его субъектом права. В этом смысле квазисубъектность выступает переходной юридической конструкцией, отражающей усложнение традиционной субъектно-объектной модели права под влиянием автономных цифровых систем.

---

<sup>91</sup> Головина А.А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI веке // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 3 (75). С. 45–53. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.75.3.045-053.

Так, Е. С. Тютчева справедливо указывает, что даже при условии *ex post* реакции на технологические изменения, право не может игнорировать факт участия искусственного интеллекта в гражданском обороте<sup>92</sup>.

Искусственный интеллект уже *de facto* функционирует в правовой плоскости — в сфере электронной торговли, авторского права, систем автоматического принятия решений и т.п. Следовательно, с нормативной точки зрения он должен быть зафиксирован как квазисубъект, то есть структура, обладающая ограниченными, но юридически значимыми признаками субъектности.

Развивая этот тезис, Ю. В. Васильева предлагает признать за искусственным интеллектом особую категорию — «квазисубъект права», имеющий ограниченную правоспособность в той мере, в какой это необходимо для наделения его действия юридическим значением<sup>93</sup>.

Обращение к конструкции квазисубъектности не является абсолютно новым для правовой науки, поскольку право исторически использовало юридико-технические приемы, позволявшие придавать самостоятельное правовое значение образованиям, не обладающим естественной человеческой волей.

Теоретическую основу такого подхода заложил Фридрих Карл фон Савиньи, один из основоположников исторической школы права, рассматривавший юридическое лицо как продукт правового конструирования. В рамках его концепции реальными носителями воли признавались

---

<sup>92</sup> Тютчева Е.В. Искусственный интеллект как субъект права: современные дискуссии // Theoretical and Applied Law. 2022. № 2. С. 80–92. DOI: 10.24158/tal.2022.2.9. URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/103523/ssoar-theorapplaw-2022-2-tiutcheva-.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 11.09.2025).

<sup>93</sup> Васильева Ю.В. Квазиправосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 2. С. 45–56. URL: <https://lawbulletin.mgpu.ru/2022/06/27/kvazipravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-teoretiko-pravovye-aspekty> (дата обращения: 11.09.2025).

физические лица, тогда как юридическое лицо существовало «в мысли закона» и представляло собой искусственную конструкцию, созданную для упорядочения имущественных и организационных отношений<sup>94</sup>.

В диссертации «Юридические фикции: логико-доктринальный анализ»<sup>95</sup> Л. Р. Саркисян проводит исследование юридических фикций в качестве специфического инструмента правового регулирования. Данное исследование представляет юридическую фикцию как универсальный логический прием, применимый в различных сферах познания и деятельности.

Интересной для науки представляется обозначенная в работе «Значение фикции в римском праве»<sup>96</sup> А. М. Ширвиндтом позиция о природе юридической фикции. Проведя анализ аргументации, возможно сделать ряд выводов, имеющих значимость в контексте исследования субъектности искусственного интеллекта.

Фикция в юридическом контексте не предполагает прямого применения определенного правила к новой фактической ситуации, а скорее описывает, служит инструментом юридической терминологии и технической формой выражения норм позитивного права.

Фикция опосредует процесс распространения по аналогии существующего права на новые отношения, что позволяет закрепить норму, действовавшую в одной сфере, для нового конкретного явления.

Квазисубъектность искусственного интеллекта может быть охарактеризована как юридико-техническая конструкция, близкая к юридической фикции. Ее назначение состоит в том, чтобы отразить фактическую автономность интеллектуальных систем и их участие в

---

<sup>94</sup> Савиньи Ф.К. фон. Обязательственное право / пер. с нем.; науч. ред. В.С. Нерсесянц. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 112–115.

<sup>95</sup> Саркисян Л.Р. Юридические фикции: логико-доктринальный анализ: дис. ... канд. юрид. наук / Саркисян Лала Рубиковна; место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». Москва, 2018. 226 с.

<sup>96</sup> Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве. М.: Статут, 2013. С. 51.

юридически значимых процессах без признания за ними полноценной правосубъектности.

Конструкция квазисубъектности применительно к сфере финансового мониторинга может рассматриваться исключительно как доктринальная категория, позволяющая описать повышенную функциональную активность искусственного интеллекта в процедурах анализа финансовых операций и оценки рисков. Ее значение состоит в том, что она фиксирует промежуточное положение искусственного интеллекта: с одной стороны, он не сводится к полностью пассивному техническому средству, поскольку способен автономно обрабатывать значительные массивы данных, выявлять устойчивые закономерности, классифицировать операции и формировать аналитические выводы; с другой стороны, такая технологическая автономность не образует самостоятельной административно-правовой субъектности.

В рамках режима финансового мониторинга алгоритмическая система может выявлять признаки риска, формировать предупреждения, предлагать классификацию операции, сопоставлять сведения с установленными критериями и подготавливать аналитические материалы для последующей оценки. Однако указанные действия имеют информационно-аналитический, а не властно-распорядительный характер. Искусственный интеллект не обладает публичной компетенцией, не осуществляет административное усмотрение и не может быть самостоятельным носителем юридической ответственности за последствия решений, принимаемых с использованием результатов его функционирования.

Следовательно, категория квазисубъектности применительно к искусственному интеллекту имеет преимущественно описательное и методологическое значение. Она может использоваться для теоретического объяснения усложнения традиционной субъектно-объектной модели права в условиях цифровизации. В сфере финансового мониторинга юридически значимая оценка и ответственность за последующее решение должны

сохраняться за уполномоченным субъектом, использующим результаты алгоритмического анализа.

Логическим продолжением концепции квазисубъектности является теория «электронного лица», поскольку она предлагает более радикальный вариант правовой персонализации искусственного интеллекта. Если конструкция квазисубъектности позволяет лишь условно учитывать автономность интеллектуальных систем без признания за ними полноценной правосубъектности, то теория «электронного лица» исходит из возможности нормативного закрепления за высокоавтономными системами искусственного интеллекта специального правового статуса, включающего отдельные права, обязанности и элементы самостоятельной ответственности.

Обращение к данной теории в рамках настоящего диссертационного исследования является необходимым не в целях обоснования признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом публичного права, а, напротив, для определения пределов такой правовой персонализации.

В публично-правовой сфере вопрос об электронном лице имеет особое значение, поскольку признание за искусственным интеллектом элементов субъектности может изменить представление о том, за каким субъектом сохраняется реализация публичных полномочий, каким образом обеспечивается человеческое участие в принятии управленческого решения, кто осуществляет контроль за алгоритмическими выводами и кто несет ответственность за юридические последствия использования интеллектуальной системы.

Для режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма данная проблема приобретает прикладное значение.

Искусственный интеллект может использоваться при анализе операций с денежными средствами или иным имуществом, выявлении подозрительных операций, формировании риск-профилей и подготовке аналитических

выводов. Однако такие функции не должны приводить к подмене решений уполномоченных органов и организаций алгоритмическими выводами.

Особое значение для настоящего исследования имеют научные работы О. А. Ястребова, в которых последовательно разрабатываются вопросы правосубъектности «электронного лица», правовой природы искусственного интеллекта и пределов применения традиционных юридических категорий к подобным системам. В отечественной юридической науке данные исследования представляют собой одну из наиболее системных попыток осмысления искусственного интеллекта не только как технологического объекта, но и как явления, способного изменить традиционное представление о субъектах права<sup>97</sup>.

В указанных работах обосновывается, что развитие интеллектуальных систем ставит перед правом задачу переоценки классического деления правовых явлений на субъектов и объектов. Искусственный интеллект, обладающий способностью к автономному функционированию, обработке информации и формированию результатов, имеющих юридическое значение, не всегда может быть адекватно описан исключительно как пассивный объект права. В связи с этим концепция «электронного лица» приобретает значение методологического инструмента, позволяющего определить, в каких пределах технологическая автономность может учитываться правом при конструировании специального правового статуса<sup>98</sup>.

Вместе с тем для целей настоящего исследования значение данной концепции состоит не в подтверждении необходимости придания искусственному интеллекту самостоятельной публично-правовой

---

<sup>97</sup> Ястребов О.А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоуедения. 2017. № 1 (39). С. 189–202. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30383205> (дата обращения: 31.05.2026).

<sup>98</sup> Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnogo-litsa-teoretiko-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 31.05.2026).

субъектности, а в выявлении границ допустимой правовой персонализации искусственного интеллекта.

В общей теории права правосубъектность традиционно рассматривается как юридически признанная способность лица быть участником правовых отношений, обладать правами, исполнять обязанности и нести ответственность за свое поведение. Ее содержание раскрывается через взаимосвязь правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, то есть способности иметь права и обязанности, самостоятельно реализовывать их посредством юридически значимого поведения и отвечать за последствия такого поведения.

Применительно к публичному праву данная конструкция приобретает дополнительное содержание. Субъект публично-правовых отношений должен не только обладать общей способностью участвовать в правовых связях, но и иметь нормативно закрепленную компетенцию, публичную легитимацию, процедурную обязанность действовать в пределах закона, а также способность нести юридическую ответственность за результаты реализации публичных полномочий. Публично-правовая субъектность предполагает связь субъекта с государственно-властной организацией правового регулирования и с установленными законом пределами осуществления публичных функций.

Искусственный интеллект указанными признаками не обладает. Он не имеет собственной правовой воли, не способен самостоятельно осознавать юридическое значение совершаемых действий, не обладает компетенцией, предоставленной законом, и не может быть самостоятельным адресатом мер юридической ответственности. Его автономность имеет технологический, а не юридический характер: интеллектуальная система может обрабатывать данные, выявлять закономерности, формировать прогнозы или рекомендации, но такие результаты не являются самостоятельным выражением публичной воли и не могут подменять решение уполномоченного субъекта.

Следовательно, теория «электронного лица» имеет значение прежде всего как доктринальная конструкция, позволяющая обозначить проблему

усложнения традиционной субъектно-объектной модели права под влиянием искусственного интеллекта. Однако в публично-правовой сфере ее применение должно быть ограничено требованиями законности, подотчетности и ответственности реальных субъектов права.

Для режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма данный вывод особенно важен, поскольку юридически значимые последствия в этой сфере могут быть связаны с ограничением операций, усилением контроля, передачей сведений уполномоченным органам и применением иных мер публично-правового характера. Поэтому алгоритмический вывод о рисковом характере операции или клиента не может рассматриваться как самостоятельное властное решение искусственного интеллекта. Он должен выступать лишь информационно-аналитическим основанием для последующей оценки со стороны уполномоченного субъекта, на котором сохраняется юридическая ответственность за принятое решение.

Вместе с тем вывод о невозможности признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом публичного права не означает, что его правовое положение может оставаться неопределенным или полностью сводиться к режиму обычного технического средства.

Развитие искусственного интеллекта не позволяет ограничиваться единым и неизменным подходом к его правовой характеристике. Напротив, правовая оценка таких систем должна учитывать уровень их автономности, область использования, характер выполняемых задач, степень влияния на участников общественных отношений и возможные юридические последствия результатов их функционирования.

В этом отношении заслуживает внимания позиция И. А. Алешковой, которая указывает на необходимость дифференцированного подхода к

определению правового статуса искусственного интеллекта<sup>99</sup>. Автор связывает трансформацию правового статуса личности в цифровую эпоху с одновременным развитием новых представлений о правовом положении интеллектуальных систем, что предполагает обновление юридических конструкций, изменение методов правового регулирования и разграничение правовых режимов в зависимости от особенностей конкретной технологии.

Для настоящего исследования данный подход имеет принципиальное значение, поскольку позволяет избежать крайних оценок правовой природы искусственного интеллекта. С одной стороны, искусственный интеллект не следует сводить исключительно к обычному объекту права, поскольку результаты его функционирования способны оказывать влияние на юридически значимые отношения. С другой стороны, отсутствуют достаточные основания для признания его самостоятельным субъектом публично-правовых отношений. В связи с этим наиболее обоснованным представляется промежуточный подход, при котором искусственный интеллект рассматривается как особый технологический объект правового регулирования, требующий специального режима контроля, ответственности и оценки последствий его применения.

Применительно к публичному праву дифференцированный подход означает, что правовой режим искусственного интеллекта должен определяться не абстрактно, а с учетом конкретной сферы его использования и характера выполняемых функций.

В режиме противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма искусственный интеллект используется прежде всего как средство анализа данных, выявления рисков, формирования риск-профилей и подготовки аналитических выводов. Следовательно, его правовое положение должно

---

<sup>99</sup> Алешкова И.А. Цифровой статус личности и правовой статус искусственного интеллекта: новое в юридических конструкциях // Политика, государство и право. 2021. № 12. DOI: 10.31249/pctii/2021.00.12.

определяться не через категорию самостоятельной субъектности, а через специальный административно-правовой режим использования интеллектуальных систем в финансовом мониторинге.

Особого внимания заслуживает также обозначенная тенденция появления новых видов правового статуса личности в условиях цифровизации. Для настоящего исследования данный тезис имеет значение не в общетеоретическом, а в административно-правовом аспекте. Использование искусственного интеллекта в публичном управлении изменяет не только правовое положение самой интеллектуальной системы, но и положение лица, в отношении которого применяются алгоритмические механизмы анализа, классификации, оценки риска или принятия юридически значимого решения.

В административно-правовой сфере это проявляется в формировании особого положения лица как участника цифровой административной процедуры. Такое лицо может становиться объектом автоматизированной обработки данных, алгоритмической оценки, риск-профилирования и последующего административного реагирования. Следовательно, цифровизация публичного управления требует уточнения гарантий его правового статуса: права знать об использовании автоматизированной обработки, права на проверку и объяснение алгоритмического вывода, права на человеческое участие в принятии решения, а также права на пересмотр и обжалование решения, основанного на результатах функционирования интеллектуальной системы.

Для целей данного исследования это означает, что клиент, представитель организации или иной участник финансовых операций может быть подвергнут автоматизированной оценке риска, включению в определенный риск-профиль, усиленному мониторингу либо иным мерам, затрагивающим его права и законные интересы. Поэтому вопрос о правовом статусе личности в цифровую эпоху непосредственно связан с пределами использования искусственного интеллекта в финансовом мониторинге и

необходимостью закрепления административно-правовых гарантий при применении интеллектуальных систем.

Данный подход позволяет уточнить анализ правового положения искусственного интеллекта в публично-правовой сфере. Значение имеет не только место интеллектуальной системы в механизме публичного управления, но и изменение положения граждан и организаций, в отношении которых применяются алгоритмические инструменты. Поэтому в рассматриваемой сфере основной акцент должен быть сделан не на признании искусственного интеллекта самостоятельным субъектом права, а на создании специальных гарантий для лиц, чьи права, обязанности или законные интересы могут быть затронуты результатами его использования.

Особенно отчетливо это проявляется в сфере противодействия финансированию терроризма. Искусственный интеллект, как правило, не устанавливает противоправный характер конкретной операции в юридическом смысле, а выявляет совокупность признаков, указывающих на возможный риск. К таким признакам могут относиться регулярные переводы небольших сумм нескольким получателям, участие посредников, отсутствие очевидного экономического смысла операции, совпадение отдельных сведений с информационными массивами повышенного риска, а также связь получателей с юрисдикциями, организациями или лицами, находящимися в зоне особого внимания. Следовательно, результат работы искусственного интеллекта должен рассматриваться как аналитический сигнал, требующий последующей правовой оценки со стороны уполномоченного субъекта, а не как самостоятельное юридически значимое решение.

Сам по себе такой алгоритмический вывод не означает доказанности финансирования терроризма и не может автоматически влечь применение ограничительных мер. Однако он может выступать основанием для усиленной проверки, дополнительной идентификации клиента, анализа экономического смысла операции, сопоставления сведений с перечнями лиц и организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской

деятельности или терроризму, а также последующего направления информации в уполномоченный орган.

Данный пример показывает, что в части противодействия финансированию терроризма в рамках правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма искусственный интеллект выполняет не властно-распорядительную, а информационно-аналитическую функцию. Он способен выявить риск, сформировать сигнал или подготовить риск-профиль, однако правовая оценка выявленных обстоятельств, принятие решения о применении мер внутреннего контроля, приостановлении операции, замораживании денежных средств или иного имущества либо направлении сведений в Росфинмониторинг должны оставаться за субъектом, на которого Федеральным законом № 115-ФЗ возложены соответствующие обязанности и ответственность.

Поэтому концепция «электронного лица» не может быть положена в основу административно-правового регулирования использования искусственного интеллекта в рамках правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В рассматриваемой сфере искусственный интеллект должен квалифицироваться не как самостоятельный носитель прав и обязанностей, а как функциональный элемент цифровой инфраструктуры финансового мониторинга, используемый Росфинмониторингом, организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, и иными субъектами, на которых Федеральным законом № 115-ФЗ возложены обязанности по идентификации клиентов, выявлению операций, подлежащих обязательному контролю, документальному фиксированию и хранению информации, применению мер внутреннего контроля и направлению сведений в уполномоченный орган.

Вместе с тем критическое отношение к концепции «электронного лица» применительно к публично-правовой сфере не означает отрицания самой

возможности правового конструирования новых форм субъектности. Напротив, история права показывает, что субъект права не всегда совпадает с естественным человеком и может выступать результатом юридической техники. Именно поэтому обращение к теоретико-правовым подходам, допускающим нормативное конструирование субъектности, имеет значение для более точного определения пределов правовой персонализации искусственного интеллекта.

В данном контексте особое значение имеет нормативистский подход Г. Кельзена, в рамках которого субъект права рассматривается не как естественная или онтологически заданная сущность, а как результат правового конструирования<sup>100</sup>. В этой логике правосубъектность представляет собой способ персонификации комплекса прав и обязанностей, закрепленных правопорядком. Следовательно, право в принципе способно создавать новые юридические конструкции субъектности, если это необходимо для упорядочения общественных отношений.

В этом контексте в доктрине цифровизации публичного управления теоретически может быть поставлен вопрос о возможности описания высокоавтоматизированных управленческих систем искусственного интеллекта через условные категории «электронного государственного органа» или «электронного должностного лица». Однако такие категории могут иметь лишь метафорическое либо эвристическое значение, поскольку они позволяют зафиксировать степень технологического участия искусственного интеллекта в подготовке управленческих решений, но не свидетельствуют о возникновении самостоятельной публично-правовой субъектности.

---

<sup>100</sup> Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.  
 URL: [https://rusneb.ru/catalog/000200\\_000018\\_RU\\_NLR\\_BIBL\\_A\\_011211195/](https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011211195/) (дата обращения: 31.05.2026).

Возможность нормативного конструирования субъектности не означает ее произвольного распространения на любые технологические системы. В публично-правовой сфере пределы такого конструирования являются существенно более жесткими, поскольку субъектность здесь связана не только с формальным наличием прав и обязанностей, но и с публичной компетенцией, легитимацией, процедурной связанностью законом, подотчетностью и юридической ответственностью. Именно эти признаки позволяют отличить участника публично-правовых отношений от искусственного интеллекта, применяемого при реализации публичных функций.

С этих позиций искусственный интеллект не может быть признан самостоятельным субъектом публичного права, даже если его функциональная активность требует специального правового учета. Он не обладает собственной публичной компетенцией, не выражает государственную волю, не осуществляет административное усмотрение в юридическом смысле и не способен нести юридическую ответственность за последствия решений, принимаемых с использованием результатов его функционирования.

Практические примеры внешнего признания за интеллектуальными системами отдельных элементов правового статуса подтверждают скорее не возможность их полноценной публично-правовой субъектности, а условность и ограниченность подобных конструкций. Они демонстрируют, что формальное присвоение искусственному интеллекту определенного статуса не решает ключевых для публичного права вопросов: наличия компетенции, способности самостоятельно исполнять обязанности, подотчетности и ответственности за юридически значимые последствия.

В частности, в научной и экспертной литературе получили распространение примеры предоставления чат-боту Сибуя Мира статуса

резидента в Японии<sup>101</sup> и человекоподобному роботу Софии гражданства Саудовской Аравии<sup>102</sup>.

С административно-правовой точки зрения данные примеры важны прежде всего тем, что резидентский или гражданско-правовой статус предполагает наличие признаков, которыми интеллектуальная система не обладает. Искусственный интеллект не имеет собственной воли, дееспособности, способности самостоятельно инициировать административную процедуру, исполнять публично-правовые обязанности и нести юридическую ответственность за их нарушение. Следовательно, формальное присвоение ему определенного статуса само по себе не образует публично-правовой субъектности и не решает вопрос о том, какой реальный субъект отвечает за последствия функционирования такой системы.

В публичном праве правовой статус субъекта не может быть сведен к внешнему признанию, поскольку он связан с компетенцией, административной правоспособностью, процедурной обязанностью действовать в пределах закона, подотчетностью и ответственностью. Преждевременное наделение искусственного интеллекта признаками субъектности способно привести к размыванию компетенции уполномоченных органов, неопределенности субъекта ответственности и ослаблению административно-правовых гарантий защиты прав граждан и организаций.

Применительно к режиму противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма это означает, что искусственный интеллект может использоваться в процедурах анализа операций с денежными средствами или иным имуществом, выявления

---

<sup>101</sup> Cuthbertson A. Tokyo: Artificial Intelligence 'Boy' Shibuya Mirai Becomes World's First AI Bot to Be Granted Residency // Newsweek: официальный сайт. 06.11.2017. URL: <https://www.newsweek.com/tokyo-residency-artificial-intelligence-boy-shibuya-mirai-702382> (дата обращения: 15.04.2026).

<sup>102</sup> Weller C. Sophia Robot Citizenship in Saudi Arabia Is the First of Its Kind // Business Insider: Официальный сайт. 26.10.2017. URL: <https://www.businessinsider.com/sophia-robot-citizenship-in-saudi-arabia-the-first-of-its-kind-2017-10> (дата обращения: 31.05.2026).

подозрительных операций, формирования риск-профилей и подготовки аналитических выводов. Однако юридически значимое решение должно оставаться за уполномоченным субъектом, на котором сохраняется обязанность обеспечить законность, проверяемость и ответственность за последствия применения интеллектуальной системы.

Таким образом, правовая персонализация искусственного интеллекта в публичном праве имеет объективные пределы. Несмотря на способность интеллектуальных систем автономно обрабатывать данные, выявлять закономерности, формировать прогнозы и рекомендации, такая функциональная активность не образует публично-правовой субъектности. Искусственный интеллект не обладает собственной правовой волей, публичной компетенцией, административным усмотрением, подотчетностью и способностью нести юридическую ответственность.

## **Глава 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГУЛЯТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА**

### **2.1. Содержательные характеристики административно-правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма**

Административно-правовой режим противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма представляет собой особую публично-правовую конструкцию, направленную на защиту финансовой системы, обеспечение экономической и национальной безопасности, а также предупреждение использования финансового сектора в преступных целях.

Данный режим носит комплексный характер, поскольку объединяет нормативные предписания, организационные процедуры, контрольные полномочия уполномоченных органов, обязанности субъектов финансового мониторинга, меры внутреннего контроля и механизмы публично-правового реагирования. Его содержание определяется не только нормами национального законодательства, но и международными стандартами, формируемыми, в частности, ФАТФ и ЕАГ, что обуславливает высокую степень процедурной регламентации и необходимость постоянной адаптации правового регулирования к новым финансовым рискам.

Специфика указанного режима состоит в его превентивной и риск-ориентированной направленности. Его основное назначение заключается не только в последующем выявлении фактов легализации преступных доходов или финансирования терроризма, но и в своевременном обнаружении подозрительных операций, нетипичных финансовых связей и признаков

противоправного использования финансовой системы до наступления необратимых правовых и экономических последствий. Достижение указанной цели объективно требует применения современных информационно-аналитических инструментов, включая технологии обработки больших данных и искусственный интеллект.

В отличие от легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, где ключевое значение имеет установление связи имущества с предикатным преступлением, противодействие финансированию терроризма ориентировано прежде всего на предупреждение использования денежных средств или иного имущества для поддержки террористической деятельности. Это усиливает превентивный характер рассматриваемого режима и объясняет особое значение риск-ориентированных процедур, перечней лиц и организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, механизмов замораживания денежных средств или иного имущества, а также информационного обмена между субъектами финансового мониторинга и уполномоченными органами.

Вместе с тем характеристика режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма как административно-правового требует предварительного обращения к исходным теоретическим категориям — «режим», «правовой режим» и «административно-правовой режим». Их последовательное рассмотрение позволяет выявить признаки, благодаря которым исследуемая сфера выступает не совокупностью отдельных мер финансового контроля, а целостным публично-правовым режимом, включающим специальные административные процедуры, контрольные полномочия уполномоченных органов, обязанности субъектов финансового мониторинга и информационно-аналитические механизмы выявления рисков.

Исходным для рассматриваемых категорий является понятие «режим». Как справедливо отмечает Р. А. Марченко, данный термин вошел в активный

научный оборот отечественной юридической науки лишь в начале 1960-х гг. XX века<sup>103</sup>. При этом анализ юридической литературы указанного периода свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к его содержанию: понятие «режим» нередко использовалось в различных смысловых значениях и соотносилось с такими категориями, как «законность», «порядок», «социальный режим».

Многозначность данной категории подтверждается и ее общеязыковым содержанием. В словарном значении термин «режим» раскрывается через такие смысловые элементы, как установленный порядок, условия деятельности, функционирования или существования определенного объекта<sup>104</sup>. Следовательно, уже на уровне общего языкового значения категория «режим» содержит указание не только на состояние определенной системы, но и на организованный порядок ее функционирования.

В юридической литературе указанное значение получает специальное нормативное наполнение. Так, О. А. Ястребов обращает внимание на то, что термин «режим» в юридической и общественно-научной литературе преимущественно используется для обозначения определенного распорядка дел и действий, а также условий функционирования того или иного объекта<sup>105</sup>. Данный подход позволяет рассматривать режим не как статичную характеристику, а как особый порядок организации деятельности, имеющий значение для правового регулирования.

Более широкий подход предлагает В. А. Якушев, который указывает на многоаспектность категории «режим» и выделяет несколько ее смысловых значений: как определенную систему дел и действий, систему правил, норм, принципов и мероприятий, совокупность средств и методов осуществления

---

<sup>103</sup> Марченко Р.А. Административно-правовые режимы: понятие и система // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 23–32.

<sup>104</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Русский язык, 1990. С. 676.

<sup>105</sup> Ястребов О.А. Государственное унитарное предприятие как субъект административного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Российский университет дружбы народов. Москва, 2007. 187 с.

власти, установленный порядок жизни и деятельности, состояние или статус объекта либо субъекта, а также систему мер, используемых для достижения поставленной цели<sup>106</sup>.

Таким образом, в доктрине категория «режим» раскрывается через несколько взаимосвязанных признаков: наличие установленного порядка, нормативной или организационной упорядоченности, целевой направленности, особых условий функционирования и системы средств, обеспечивающих достижение соответствующего результата. Именно указанные признаки обусловили последующее формирование категории «правовой режим» как самостоятельной теоретико-правовой конструкции, используемой для характеристики особого порядка правовой организации общественных отношений.

Правовой режим, в отличие от общего понятия режима, выражает не просто фактический порядок функционирования определенной сферы, а нормативно установленную систему правовых средств, способов регулирования, дозволений, запретов, обязанностей, ограничений и гарантий, посредством которых обеспечивается достижение определенной юридически значимой цели. Тем самым категория «правовой режим» позволяет раскрыть не только содержание правового воздействия, но и его внутреннюю организацию: субъектный состав, характер правовых средств, пределы допустимого поведения, порядок реализации прав и обязанностей, а также последствия нарушения установленных требований.

Для настоящего исследования обращение к категории правового режима имеет принципиальное значение. Режим противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма не может быть сведен ни к совокупности отдельных норм Федерального закона № 115-ФЗ, ни к деятельности одного уполномоченного

---

<sup>106</sup> Якушев В.А. Правовые режимы в сфере управления государством // Оценка правовых режимов: подходы и методы: сб. науч. тр. / отв. за вып. Н.А. Фролова, В.Ю. Панченко. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. С. 166.

органа. Он представляет собой целостную систему публично-правового регулирования, в рамках которой объединяются нормативные предписания, контрольные полномочия, обязанности субъектов финансового мониторинга, процедуры идентификации и внутреннего контроля, механизмы информационного взаимодействия и меры публично-правового реагирования.

Именно поэтому дальнейший анализ указанного режима требует его рассмотрения не только как правового, но и как административно-правового режима. В науке категория административно-правового режима обычно раскрывается через особый порядок организации общественных отношений, устанавливаемый государством для охраны наиболее значимых публичных интересов.

В этом отношении показательна позиция И. С. Розанова, который определяет административно-правовой режим как «установленную в законодательном порядке совокупность правил деятельности, действий или поведения граждан и юридических лиц, а также реализации ими своих прав в определенных условиях (ситуациях) обеспечения и поддержания суверенитета и обороны государства, интересов безопасности и охраны общественного порядка специально созданными для этих целей службами государственного управления»<sup>107</sup>.

Данное определение важно тем, что позволяет выделить несколько признаков административно-правового режима: его закрепление в законодательстве, связь с задачами обеспечения безопасности, установление специальных правил поведения для граждан и организаций, а также участие органов публичного управления, наделенных соответствующими полномочиями. Через эти признаки административно-правовой режим предстает не как абстрактная теоретическая категория, а как способ

---

<sup>107</sup> Розанов И.С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Государство и право. 1996. № 9. С. 85.

юридической организации тех сфер, где обычных средств правового регулирования недостаточно для защиты публичных интересов.

Такой подход применим и к режиму противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Его содержание определяется специальным законодательством, направлено на защиту финансовой системы и безопасности государства, а реализация связана с деятельностью Росфинмониторинга, Банка России, иных уполномоченных органов и организаций, участвующих в системе финансового мониторинга.

Вместе с тем современная характеристика административно-правового режима не может ограничиваться только деятельностью государственных органов.

Ю. Н. Сосновская и Э. В. Маркина, рассматривая административно-правовой режим в сфере национальной безопасности, обращают внимание на его нормативную закреплённость, организационное обеспечение, регулирование поведения граждан, деятельности государственных и негосударственных организаций, а также возможность применения специальных мер противодействия реальным и потенциальным угрозам безопасности<sup>108</sup>. Такая позиция особенно значима для анализа финансового мониторинга, поскольку обязанности по выявлению и предупреждению рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма возлагаются не только на государственные органы, но и на широкий круг организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом.

В результате режим противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма может быть охарактеризован как административно-правовой режим особого типа. Его специфика состоит в том,

---

<sup>108</sup> Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В. Административно-правовые режимы как элемент обеспечения национальной безопасности // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 220–223. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10041.

что воздействие реализуется не только через прямой государственный контроль, но и через систему специальных обязанностей субъектов финансового мониторинга: идентификацию клиентов, анализ операций, внутренний контроль, документальное фиксирование информации и передачу сведений в уполномоченный орган.

Именно эта особенность позволяет рассматривать данный режим как сложную публично-правовую конструкцию, в которой государственное управление, контроль, информационный обмен и деятельность негосударственных участников образуют единый механизм предупреждения угроз в финансовой системе.

В доктрине административного права административно-правовой режим, как правило, рассматривается как особый порядок публично-правового регулирования, устанавливаемый для обеспечения публичной безопасности, охраны общественного порядка, защиты государственных интересов либо достижения иных публично значимых целей. Его содержание образуют специальные правила поведения участников регулируемых отношений, полномочия уполномоченных органов, административные процедуры, ограничения, запреты, обязанности, меры контроля и юридической ответственности.

Применительно к исследуемой сфере административно-правовая природа режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма проявляется в нескольких взаимосвязанных признаках.

Во-первых, данный режим имеет выраженную публично-правовую направленность. Его назначение состоит в защите финансовой системы, обеспечении экономической и национальной безопасности, предупреждении использования финансового сектора для легализации преступных доходов, финансирования терроризма и иных противоправных целей.

Во-вторых, режим характеризуется императивным методом правового регулирования. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ и принятые

в его развитие нормативные правовые акты возлагают на субъектов финансового мониторинга специальные обязанности.

Административно-правовое содержание рассматриваемого режима проявляется через совокупность специальных процедур, каждая из которых имеет самостоятельное публично-правовое значение.

Так, идентификация клиента, его представителя, выгодоприобретателя и бенефициарного владельца выступает не только элементом внутренней деятельности организации, но и административно значимой процедурой получения, проверки и актуализации сведений, необходимых для оценки правомерности финансового поведения.

Обязательный контроль представляет собой процедуру юридической квалификации операции по установленным законом формальным критериям, в результате которой определяется необходимость последующей передачи информации в уполномоченный орган.

Внутренний контроль, осуществляемый организациями, совершающими операции с денежными средствами или иным имуществом, имеет характер делегированной публично значимой обязанности негосударственного субъекта, поскольку направлен на выявление и предупреждение угроз легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Направление сведений в Росфинмониторинг образует элемент информационного взаимодействия, обеспечивающего включение результатов первичного финансового мониторинга в единую систему публичного контроля.

В свою очередь, приостановление операций и замораживание денежных средств или иного имущества выступают мерами публично-правового реагирования, применяемыми в целях предупреждения дальнейшего использования финансовой системы в противоправных целях.

Информационно-аналитическая природа рассматриваемого режима проявляется в том, что его эффективность определяется не только

формальным исполнением обязанностей субъектами финансового мониторинга, но и качеством сбора, сопоставления, систематизации и оценки сведений о клиентах, совершаемых операциях, источниках происхождения денежных средств, деловой репутации и характере финансового поведения. В этих условиях искусственный интеллект приобретает значение функционального элемента цифровой инфраструктуры финансового мониторинга, обеспечивающего автоматизированную обработку значительных массивов данных, выявление нетипичных связей и формирование риск-ориентированных выводов, которые не подменяют правовую оценку, но служат информационно-аналитической основой для последующего решения уполномоченного субъекта.

В-третьих, указанный режим обладает специальным субъектным составом. С одной стороны, его реализация обеспечивается Росфинмониторингом, Банком России, иными государственными органами и организациями, участвующими в межведомственном информационном взаимодействии. С другой стороны, значительный объем публично значимых обязанностей возлагается на организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, что придает данному режиму смешанный институциональный характер.

В-четвертых, рассматриваемый режим имеет превентивную и риск-ориентированную природу. Его цель состоит не только в реагировании на уже совершенные нарушения, но и в предупреждении противоправного использования финансовой системы посредством выявления подозрительных операций, нетипичных финансовых связей, признаков повышенного риска и обстоятельств, требующих дополнительной проверки.

В-пятых, данный режим является информационно-аналитическим по своему содержанию. Его реализация невозможна без постоянного сбора, обработки, сопоставления, хранения и передачи юридически значимой информации о клиентах, операциях, источниках происхождения денежных

средств, бенефициарных владельцев, выгодоприобретателях, а также о признаках подозрительного финансового поведения.

Административно-правовая природа рассматриваемого режима дополнительно подтверждается наличием специального административного механизма его обеспечения. Обязанности субъектов финансового мониторинга, связанные с идентификацией клиентов, реализацией правил внутреннего контроля, выявлением операций, подлежащих обязательному контролю, документальным фиксированием информации и направлением сведений в Росфинмониторинг, выходят за пределы внутрикорпоративных процедур. Они имеют публично значимый характер, поскольку направлены на защиту финансовой системы и обеспечение национальной безопасности, а их ненадлежащее исполнение влечет применение мер административной ответственности<sup>109</sup>. Тем самым административная ответственность выступает одним из юридических средств, обеспечивающих обязательность исполнения требований режима.

Указанные признаки позволяют рассматривать режим противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма как особый административно-правовой режим, в котором публично-правовые цели достигаются посредством сочетания государственного контроля, специальных обязанностей субъектов финансового мониторинга, процедур внутреннего контроля, информационного взаимодействия и мер публично-правового реагирования.

Именно информационно-аналитическая и риск-ориентированная природа рассматриваемого режима создает объективные предпосылки для использования искусственного интеллекта.

---

<sup>109</sup> Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Ст. 15.27 «Неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I. Ст. 1.

При этом использование искусственного интеллекта не отменяет административно-правовую природу рассматриваемого режима, а трансформирует способы реализации публично-властных полномочий внутри него.

Такая трансформация проявляется в том, что выявление рисков, первичная аналитическая обработка информации, сопоставление данных о клиентах и операциях, а также формирование риск-профилей все в большей степени осуществляются искусственным интеллектом. В результате меняется не публично-правовая природа режима как таковая, а механизм осуществления административных процедур финансового мониторинга.

Следовательно, анализ содержательных характеристик административно-правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма позволяет выявить те элементы, которые в условиях цифровизации подвергаются наибольшей трансформации: процедуры идентификации, выявления подозрительных операций, оценки риска, документального фиксирования информации, межведомственного обмена сведениями и последующего контроля. Именно эти элементы требуют дальнейшего исследования в контексте использования искусственного интеллекта в зарубежных правовых порядках и в Российской Федерации.

Сопоставление доктринальных подходов позволяет выделить устойчивые признаки административно-правового режима: нормативное закрепление, публичную цель, специальный субъектный состав, особый порядок поведения участников регулируемых отношений, организационное обеспечение, а также наличие мер контроля и реагирования.

Применительно к режиму противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма данные признаки получают самостоятельное значение. Этот режим не сводится к отдельным мерам финансового контроля. Он объединяет полномочия Росфинмониторинга, Банка России и иных уполномоченных

органов со специальными обязанностями субъектов финансового мониторинга.

Понимание административно-правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма требует обращения к историко-правовым предпосылкам его формирования. Это необходимо для выявления тех характеристик, которые определяют современное содержание исследуемого режима: его привязка к международным стандартам, превентивную направленность, риск-ориентированный подход, смешанный субъектный состав и информационно-аналитический характер.

Становление данного режима происходило постепенно: от международно-правового закрепления обязанности государств противодействовать легализации преступных доходов к созданию национальной системы финансового мониторинга, формированию специального уполномоченного органа, возложению публично значимых обязанностей на организации финансового сектора и последующему развитию риск-ориентированных механизмов контроля.

Отправной точкой формирования международных предпосылок национальной системы противодействия легализации преступных доходов можно считать Венскую конвенцию Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., ратифицированную Верховным Советом СССР в 1990 г. В указанной Конвенции на международно-правовом уровне была закреплена необходимость криминализации действий, связанных с конверсией, переводом, сокрытием или утаиванием имущества, полученного в результате преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ<sup>110</sup>. Тем самым были заложены основы последующего

---

<sup>110</sup> конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 // Управление ООН по

формирования правовых механизмов противодействия легализации преступных доходов.

В результате принятия международных обязательств государства начали формировать национальные правовые механизмы, предусматривающие криминализацию деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. Первоначально соответствующее регулирование было ориентировано преимущественно на доходы, полученные от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Однако дальнейшее развитие международных стандартов привело к расширению предметной сферы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и распространению соответствующих правовых механизмов на доходы, полученные от иных преступлений.

Тем самым государства, адаптируя первоначальные уголовно-правовые конструкции к более широкому кругу предикатных преступлений, заложили основу для формирования национальных систем противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Данный этап имел значение не только для развития уголовно-правового запрета, но и для последующего становления превентивных механизмов финансового мониторинга, основанных на выявлении подозрительных операций, контроле финансовых потоков и взаимодействии уполномоченных органов с организациями финансового сектора.

На национальном уровне первоначальное закрепление противодействия легализации преступных доходов было связано прежде всего с уголовно-правовыми средствами. Введение в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 174, устанавливающей ответственность за легализацию (отмывание)

денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, обозначило переход от общего признания общественной опасности соответствующих деяний к их самостоятельной уголовно-правовой оценке. Вместе с тем данный этап еще не означал формирования целостной системы финансового мониторинга, поскольку речь шла преимущественно о последующем реагировании на уже совершенное преступное поведение.

Дальнейшее развитие национального регулирования происходило под влиянием международных стандартов. В 1997 г. Российская Федерация присоединилась к Комитету экспертов Совета Европы по оценке мер противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (МАНИВЭЛ), что стало одним из этапов включения национальной правовой системы в международную систему оценки и координации мер в рассматриваемой сфере<sup>111</sup>.

В 1999 г. Российская Федерация подписала Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.<sup>112</sup>, ратифицированную в 2001 г.<sup>113</sup>. Указанные акты способствовали расширению подхода к противодействию легализации преступных доходов: от уголовно-правового запрета к созданию системы выявления, анализа и передачи информации о подозрительных финансовых операциях.

Существенным шагом в институционализации рассматриваемого направления стало создание в 1999 г. Межведомственного центра по

---

<sup>111</sup> Бюллетень ЕАГ. 2011. № 8, январь. Россия: достижения национальной системы ПОД/ФТ и сотрудничество с ЕАГ. С. 1. URL: <https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Bulletens/en/8bulletinjan2011en1.pdf> (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>112</sup> Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 08.11.1990 // Банк России: официальный сайт. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/124076/strasburg\\_1990.pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/124076/strasburg_1990.pdf) (дата обращения: 10.11.2022).

<sup>113</sup> Федеральный закон от 28.05.2001 № 62-ФЗ «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2284.

противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем<sup>114</sup>. Его учреждение на основании совместных приказов ряда федеральных органов исполнительной власти свидетельствовало о переходе к межведомственной модели организации противодействия легализации преступных доходов. Задачи указанной структуры включали сбор, анализ и предварительную проверку сведений о финансово-экономических операциях с денежными средствами или иным имуществом, информационно-аналитическое и организационно-методическое обеспечение мероприятий по выявлению и пресечению легализации доходов, полученных незаконным путем, а также координацию взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и сотрудничество с иностранными и международными структурами.

Именно на данном этапе проявились признаки будущего административно-правового режима финансового мониторинга: межведомственный характер, информационно-аналитическая направленность, ориентация на выявление подозрительных операций и необходимость постоянного обмена сведениями между уполномоченными органами. Тем самым противодействие легализации преступных доходов начало выходить за рамки исключительно уголовно-правового реагирования и приобретать черты специальной превентивной системы публичного контроля.

Законодательное оформление указанного процесса было связано с принятием Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ, который в действующей редакции именуется Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных

---

<sup>114</sup> Приказ МВД России от 28.02.2000 № 221 «О создании Межведомственного центра при МВД России по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737972> (дата обращения: 10.12.2023).

преступным путем, и финансированию терроризма»<sup>115</sup>. Принятие данного закона создало правовую основу национальной системы финансового мониторинга, определило круг субъектов, на которых возлагаются специальные обязанности, закрепило процедуры обязательного контроля, идентификации, внутреннего контроля, документального фиксирования и представления сведений в уполномоченный орган.

Значение Федерального закона № 115-ФЗ состоит в том, что он оформил переход от отдельных уголовно-правовых и межведомственных мер к построению специального административно-правового режима. Его содержание стало определяться не только запретом легализации преступных доходов, но и системой превентивных обязанностей, процедур анализа операций и контроля.

В дальнейшем развитие данного режима происходило под влиянием международных стандартов, формируемых, в частности, ФАТФ, Базельским комитетом по банковскому надзору, Вольфсбергской группой, а также ЕАГ.

Как отмечают В. А. Зубков и С. К. Осипов, цель формирования международной системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма заключалась не только в пресечении соответствующих преступлений<sup>116</sup>. Она понималась значительно шире, а именно как подрыв финансовой основы транснациональной организованной преступности, коррупции и международного терроризма.

Особую роль в становлении такой модели в Российской Федерации сыграл В. А. Зубков, деятельность которого была связана с институциональным оформлением национальной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Именно в

---

<sup>115</sup> Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33, ч. I. Ст. 3418.

<sup>116</sup> Зубков В.А., Осипов С.К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007. 752 с.

этот период стала очевидной необходимость создания не временного межведомственного механизма, а самостоятельной структуры, способной обеспечивать сбор, обработку, анализ и передачу значительных массивов финансовой информации, координировать взаимодействие государственных органов и организаций финансового сектора, а также представлять Российскую Федерацию в международной системе финансового мониторинга.

Расширение задач в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма объективно потребовало перехода от межведомственной координации к формированию специализированного уполномоченного органа. Такой орган должен был обладать не только контрольными и координационными полномочиями, но и выраженной информационно-аналитической функцией, поскольку выявление подозрительных операций и финансовых связей невозможно без системной обработки юридически значимой информации. Именно эта логика предопределила дальнейшее развитие административно-правового режима финансового мониторинга.

Следующим этапом институционального оформления национальной системы финансового мониторинга стало создание специального уполномоченного органа. Указом Президента Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» таким органом был определен Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу, находившийся в ведении Министерства финансов Российской Федерации<sup>117</sup>.

---

<sup>117</sup> Указ Президента РФ от 01.11.2001 № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 45. Ст. 4291.

Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу получил статус федерального органа исполнительной власти, уполномоченного принимать меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, а также координировать деятельность иных федеральных органов исполнительной власти в данной сфере. Создание указанного органа имело существенное значение для формирования административно-правового режима финансового мониторинга, поскольку позволило перейти от межведомственного взаимодействия к специализированной модели государственного управления, основанной на сборе, анализе и использовании финансовой информации в целях выявления признаков легализации преступных доходов.

Именно на данном этапе информационно-аналитическая функция стала одним из ключевых элементов модели противодействия легализации преступных доходов. Уполномоченный орган был призван не только координировать деятельность иных органов исполнительной власти, но и обеспечивать обработку сведений о финансовых операциях, выявление подозрительных связей и подготовку информации, необходимой для последующего публично-правового реагирования. Это обстоятельство имеет значение для настоящего исследования, поскольку показывает, что последующее использование искусственного интеллекта в финансовом мониторинге является продолжением уже заложенной информационно-аналитической логики данного административно-правового режима.

Дальнейшие изменения были связаны со статусом уполномоченного органа. Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу был

преобразован в Федеральную службу по финансовому мониторингу, находившуюся в ведении Министерства финансов Российской Федерации<sup>118</sup>.

Последующий этап был связан с принятием Указа Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу», которым был закреплён самостоятельный статус Федеральной службы по финансовому мониторингу и её подведомственность Президенту Российской Федерации<sup>119</sup>. Данное решение имело не только организационное, но и содержательное значение: оно подтвердило особое место Росфинмониторинга в системе федеральных органов исполнительной власти и закрепило его роль как уполномоченного органа, обеспечивающего реализацию государственной политики в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Формирование и последующее развитие Росфинмониторинга сопровождалось созданием механизмов межведомственного взаимодействия, необходимых для реализации функций подразделения финансовой разведки Российской Федерации. В рамках соответствующих соглашений были сформированы коллегиальные и координационные механизмы, обеспечивающие обмен сведениями, согласование действий уполномоченных органов, аналитическую обработку поступающей информации и подготовку материалов для последующего реагирования в пределах установленной компетенции.

Указанная эволюция показывает, что административно-правовой режим противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма с самого начала формировался как

---

<sup>118</sup> Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 11. Ст. 945.

<sup>119</sup> Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 25. — Ст. 3341.

сложная система. Его ядром выступает не только нормативное регулирование обязанностей субъектов финансового мониторинга, но и деятельность специализированного уполномоченного органа, осуществляющего координационные, контрольные и информационно-аналитические функции.

Деятельность Росфинмониторинга охватывает как базовое направление, непосредственно связанное с противодействием легализации преступных доходов и финансированию терроризма, так и смежные направления, в которых финансовый мониторинг используется для выявления преступлений коррупционной, бюджетной, кредитно-финансовой и иной экономической направленности.

Широкий круг полномочий свидетельствует о комплексном характере исследуемого режима. В его рамках государственное управление реализуется через сочетание нормативного регулирования, межведомственной координации, контроля, анализа финансовой информации и взаимодействия с субъектами финансового мониторинга.

Данный режим предполагает устойчивое взаимодействие Росфинмониторинга, Банка России, правоохранительных, контрольных, надзорных и иных государственных органов, а также субъектов финансового мониторинга. Такая модель обусловлена самой природой финансового мониторинга, поскольку выявление подозрительных операций, установление финансовых связей, проверка происхождения денежных средств и оценка риска требуют сопоставления значительных массивов информации, находящейся в распоряжении различных участников.

Целевое назначение рассматриваемого режима состоит в защите финансовой системы, прав и законных интересов граждан, общества и государства от использования финансового оборота в целях легализации преступных доходов и финансирования терроризма. При этом данный режим ориентирован не только на последующее реагирование на выявленные нарушения, но и на их предупреждение посредством создания правовых,

организационных и информационно-аналитических барьеров для совершения противоправных финансовых операций.

Содержание административно-правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма раскрывается через совокупность общих и специальных принципов. К общим принципам относятся законность, соблюдение и защита прав участников финансового оборота, соразмерность государственного вмешательства, ответственность уполномоченных органов и должностных лиц, а также обеспечение гарантий при осуществлении контроля и надзора. Специальное значение для данного режима имеют принципы превентивности, риск-ориентированного подхода, межведомственного информационного обмена, сохранения конфиденциальности охраняемой законом информации и последующей проверяемости принимаемых решений.

Административно-правовое воздействие в рассматриваемой сфере реализуется посредством различных правовых средств. К ним относятся установление обязательных требований к субъектам финансового мониторинга, предписание правил идентификации клиентов и бенефициарных владельцев, закрепление обязанностей по внутреннему контролю, документированию и хранению информации, направление сведений в уполномоченный орган, применение мер надзорного реагирования, информационно-разъяснительное и методическое сопровождение, а также привлечение к ответственности за нарушение установленных требований. В совокупности эти средства формируют не разрозненный набор контрольных полномочий, а специальный административно-правовой механизм предупреждения и выявления финансовых угроз.

Предметом административно-правового регулирования в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма выступают общественные отношения, складывающиеся при организации и осуществлении финансового

мониторинга, государственном контроле и надзоре, исполнении субъектами финансового мониторинга специальных публично значимых обязанностей, а также при информационном взаимодействии уполномоченных органов, организаций финансового сектора и иных участников соответствующих отношений. Данные отношения связаны с идентификацией клиентов, выявлением операций, подлежащих обязательному контролю или имеющих признаки подозрительности, оценкой рисков, документальным фиксированием информации, передачей сведений в уполномоченный орган и последующим публично-правовым реагированием.

Метод административно-правового регулирования в указанной сфере характеризуется преобладанием императивных предписаний. Государство устанавливает обязательные правила поведения для субъектов финансового мониторинга, определяет порядок контроля за их исполнением и закрепляет меры ответственности за нарушение установленных требований. Вместе с тем специфика данного режима состоит в сочетании императивного регулирования с элементами профессионального усмотрения субъектов финансового мониторинга при оценке риска клиента, операции или финансового поведения. Такое усмотрение не является свободой поведения в частноправовом смысле, поскольку осуществляется в пределах требований законодательства, правил внутреннего контроля и надзорных ориентиров уполномоченных органов.

Особенность данного режима заключается в его превентивной, риск-ориентированной и информационно-аналитической природе. Именно поэтому его дальнейшее развитие связано не только с изменением законодательства и расширением полномочий уполномоченных органов, но и с усложнением способов обработки юридически значимой информации. В этом контексте использование искусственного интеллекта в финансовом мониторинге следует рассматривать как фактор трансформации административных процедур выявления рисков, формирования аналитических выводов и

подготовки информации для последующего принятия решений уполномоченными субъектами.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что режим противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма обладает всеми признаками административно-правового режима. Его содержание определяется публично-правовой целью защиты финансовой системы и безопасности государства, императивными обязанностями субъектов финансового мониторинга, полномочиями Росфинмониторинга, Банка России и иных уполномоченных органов, специальными административными процедурами, механизмами внутреннего контроля, информационного взаимодействия и мерами публично-правового реагирования.

Особенность данного режима состоит в его смешанной субъектной конструкции. Публично значимые задачи по выявлению и предупреждению легализации преступных доходов и финансирования терроризма реализуются не только государственными органами, но и организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом. На указанных субъектов возлагаются обязанности по идентификации клиентов, анализу операций, оценке рисков, документальному фиксированию информации и направлению сведений в уполномоченный орган. В результате административно-правовой режим финансового мониторинга сочетает публично-властное регулирование, государственный контроль и исполнение специальных обязанностей негосударственными участниками.

Для целей настоящего исследования принципиальное значение имеет то, что режим противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма обладает выраженным информационно-аналитическим и риск-ориентированным характером.

Его реализация предполагает постоянный сбор, обработку, сопоставление и оценку значительных массивов сведений о клиентах, операциях с денежными средствами или иным имуществом, источниках

происхождения активов, характере финансового поведения и возможных рисках противоправного использования финансовой системы.

В связи с этим применение технологий искусственного интеллекта в данной сфере не может рассматриваться как внешнее по отношению к указанному режиму техническое средство. Напротив, искусственный интеллект способен встраиваться в процедуры идентификации клиентов, анализа операций, оценки рисков и формирования аналитических выводов. Вместе с тем результаты функционирования искусственного интеллекта не должны подменять правовую оценку обстоятельств и принятие юридически значимых решений. Такие решения должны оставаться за субъектами, на которых Федеральным законом № 115-ФЗ возложены соответствующие обязанности, полномочия и ответственность в рамках реализации режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

## **2.2. Искусственный интеллект как элемент режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в зарубежных странах**

Использование искусственного интеллекта в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма постепенно приобретает значение одного из факторов трансформации соответствующего административно-правового режима, что подтверждается практикой зарубежных государств и международных организаций.

Усложнение финансовых операций, развитие цифровых платежных инструментов и трансграничный характер финансовых потоков объективно снижают эффективность исключительно традиционных методов выявления подозрительных операций. В этих условиях технологии искусственного интеллекта используются как информационно-аналитический инструмент

финансового мониторинга, обеспечивающий автоматизированную обработку значительных массивов данных.

В целях настоящего исследования зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в обозначенной сфере целесообразно анализировать не как совокупность отдельных технологических решений, а через систему юридически значимых критериев. К их числу относятся: субъект, применяющий интеллектуальную систему; функциональное назначение искусственного интеллекта в механизме финансового мониторинга; степень нормативного закрепления его использования; наличие процедур контроля, прозрачности, проверки и верификации алгоритмических результатов; а также значение соответствующей модели для возможного совершенствования российского административно-правового регулирования.

Такой подход позволяет сопоставить зарубежные практики не только с точки зрения технологической эффективности, но и с позиции распределения ответственности, обеспечения человеческого контроля и сохранения юридически значимой оценки за уполномоченным субъектом.

В зарубежных правовых порядках искусственный интеллект рассматривается не только как технологический инструмент повышения эффективности финансового мониторинга, но и как элемент трансформации административно-правовых механизмов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Это проявляется в постепенном закреплении требований к использованию интеллектуальных систем, развитию риск-ориентированного подхода, формировании процедур контроля, прозрачности и проверки алгоритмических результатов, а также в адаптации национального регулирования к стандартам ФАТФ. В этом смысле зарубежный опыт демонстрирует общую тенденцию к включению цифровых и интеллектуальных технологий в публично-правовые механизмы финансового контроля при сохранении юридически значимой оценки и ответственности за уполномоченными субъектами.

В международной практике данное направление рассматривается как приоритетное: в рекомендациях ФАТФ подчеркивается, что интеграция искусственного интеллекта и технологий анализа больших данных в систему противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма уже сегодня позволяет более оперативно выявлять подозрительные операции и повышать результативность финансового мониторинга<sup>120</sup>.

Одновременно цифровая трансформация финансового сектора обуславливает появление новых угроз. Развитие искусственного интеллекта, технологий распределенного реестра, цифровых платежных инструментов и иных инновационных финансовых технологий сопровождается не только расширением возможностей публичного контроля, но и усложнением способов совершения правонарушений. Преступные группы все чаще используют новые технологические инструменты для сокрытия происхождения денежных средств, маскировки финансовых потоков, обхода контрольных процедур и повышения анонимности операций. В этих условиях применение искусственного интеллекта в финансовом мониторинге приобретает особое значение как средство обработки больших массивов данных, выявления нетипичных финансовых связей и формирования риск-ориентированных выводов, требующих последующей проверки и правовой оценки уполномоченными субъектами.

Формирование сложных многоуровневых транзакционных схем, осуществляемых в режиме реального времени, существенно усложняет деятельность подразделений финансовой разведки и иных уполномоченных органов, осуществляющих анализ движения денежных средств и выявление признаков их противоправного использования. Высокая скорость совершения

---

<sup>120</sup> Opportunities and Challenges of New Technologies for AML/CFT [Возможности и проблемы новых технологий в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма]: report // Financial Action Task Force (FATF): официальный сайт. Paris, 2021. 56 p. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Opportunities-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

операций, трансграничный характер финансовых потоков, использование посредников и цифровых финансовых инструментов затрудняют своевременное обнаружение подозрительных связей с применением исключительно традиционных методов контроля. В этих условиях возрастает значение интеллектуальных систем, способных обрабатывать значительные массивы данных, выявлять нетипичные модели финансового поведения и формировать риск-ориентированные сигналы для последующей экспертной оценки.

В связи с этим в современных условиях возрастает необходимость постоянного совершенствования методов финансового мониторинга операций, а также расширения технологических возможностей информационно-аналитических систем, используемых для выявления, оценки и предупреждения рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

На современном этапе легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма относятся к числу наиболее значимых угроз устойчивости национальных финансовых систем и стабильности международных финансовых институтов. Обеспечение финансовой безопасности в этих условиях выступает одним из приоритетных направлений финансовой деятельности государства и требует применения не только традиционных контрольных механизмов, но и риск-ориентированных подходов, позволяющих своевременно выявлять, оценивать и предупреждать возможные угрозы.

В условиях усложнения финансовых потоков и роста объема обрабатываемой информации обеспечение устойчивости экономической системы, эффективности государственного управления и стабильности финансового сектора становится невозможным без применения современных информационно-аналитических технологий. Ключевым инструментом противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма выступает финансовый мониторинг, направленный на выявление

подозрительных операций, анализ рисков и предупреждение противоправного использования финансовой системы. В зарубежных правовых порядках центральное место в реализации данных задач занимают подразделения финансовой разведки, осуществляющие получение, обработку, аналитическую оценку и передачу финансовой информации компетентным государственным органам.

Подразделения финансовых разведок в рамках осуществления своей деятельности должны иметь возможность получать информацию, которая требуется для надлежащего выполнения его функций, от подотчетных организаций, а также своевременный доступ к финансовым, административным и правоохранным сведениям.

Международными стандартами закреплена обязанность государств соответствовать определенным требованиям и периодически проходить процедуры оценки соответствия государственной системы стандартам.

Отличия подразделений финансовых разведок в правовом статусе, месте в системе органов власти, объеме полномочий позволяют определить модель подразделения финансовых разведок в той или иной стране.

В современной практике принято выделять четыре модели подразделений финансовых разведок — административная, судебная, правоохранный, смешанная<sup>121</sup>.

Административная модель функционирования подразделения финансовой разведки отличается наличием центрального административного органа, который взаимодействует с финансовым сектором и получает необходимую информацию о подозрительной финансовой деятельности, анализирует ее и передает в правоохранные органы для применения мер правоохранный реагирования. Далее информация передается в судебные органы.

---

<sup>121</sup> Подразделения финансовой разведки // The Egmont Group: официальный сайт. URL: <https://egmontgroup.org/about/financial-intelligence-units/> (дата обращения: 22.06.2026).

В отличие от административной модели, судебная модель функционирования подразделения финансовой разведки преимущественно существует в рамках судебной ветви власти, что включает такие полномочия при проведении мер реагирования, как изъятие средств, замораживание счетов, проведение допросов, задержание людей, проведение обысков. При такой модели сообщения о подозрительной финансовой деятельности получают следственные органы государства из ее финансового сектора.

При правоохранительной модели подразделения финансовой разведки реализует меры по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма наряду с существующими в государстве правоохранительными органами. При такой модели подразделения может выступать координатором режима, однако работает совместно с иными правоохранительными или судебными органами и имеет схожие полномочия по расследованию преступлений, связанных с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Смешанная модель содержит элементы правоохранительной, административной, судебной моделей подразделения финансовых разведок. В смешанной модели могут превалировать те или иные особенности конкретной модели.

Для настоящего исследования указанная классификация имеет значение не столько с точки зрения формального разграничения моделей подразделений финансовой разведки, сколько в контексте определения правовых пределов применения искусственного интеллекта. Статус подразделения финансовой разведки непосредственно влияет на характер задач, решаемых с использованием интеллектуальных систем, и на степень юридической значимости результатов их функционирования. В административной модели такие системы преимущественно используются для аналитической обработки сообщений о подозрительных операциях, выявления рисков и подготовки материалов, которые в дальнейшем могут быть переданы компетентным органам. В правоохранительной и смешанной моделях требования к проверяемости, обоснованности и процедурной прозрачности

алгоритмических выводов приобретают особое значение, поскольку результаты интеллектуального анализа могут учитываться при подготовке или инициировании мер публично-правового реагирования.

Независимо от организационно-правовой модели подразделения финансовой разведки ключевая роль в выявлении новых схем легализации преступных доходов и финансирования терроризма принадлежит аналитикам, осуществляющим обработку и оценку информации с использованием специализированных программных продуктов, цифровых технологий и, в том числе, систем искусственного интеллекта.

В своей деятельности подразделения финансовой разведки применяют различные технологические инструменты, предназначенные для проведения аналитической работы и финансовых расследований. Часть таких инструментов представляет собой готовые программные решения, адаптированные к задачам финансового мониторинга; иные разрабатываются специально для потребностей подразделений финансовой разведки; отдельные решения создаются непосредственно самими подразделениями с учетом специфики поступающей информации, национальной правовой системы и практики выявления подозрительных операций.

Аналитическая работа подразделений финансовой разведки предполагает обработку значительных массивов данных, накопленных за продолжительный период функционирования системы финансового мониторинга. Такие данные используются для установления взаимосвязей между транзакциями, участниками финансовых операций, юридическими лицами, их бенефициарными владельцами, акционерами, руководителями, а также иными связанными субъектами. Применение технологических инструментов позволяет визуализировать финансовые потоки, связи между счетами, движение денежных средств, имущественные активы, договорные отношения, сведения из государственных и иных реестров, а также иные данные, имеющие значение для выявления подозрительной активности и распознавания типовых либо новых схем противоправного поведения.

Применение искусственного интеллекта в аналитике данных изменяет содержание профессиональных функций сотрудников государственных органов, правоохранительных структур, подразделений финансовой разведки и банковского сектора. Их деятельность все в большей степени смещается от первичной обработки массивов информации к проверке, интерпретации и правовой оценке алгоритмических выводов, формируемых интеллектуальными системами. В результате искусственный интеллект выступает не заменой уполномоченного субъекта, а информационно-аналитическим инструментом, обеспечивающим выявление сложных финансовых связей и подготовку риск-ориентированных выводов для последующего принятия юридически значимых решений.

Применение искусственного интеллекта в финансовом мониторинге приводит к изменению содержания аналитической деятельности. Если традиционно аналитик самостоятельно осуществлял первичную обработку информации, выявление связей между участниками операций, сопоставление транзакций и формирование выводов о возможных рисках, то в условиях использования искусственного интеллекта значительная часть указанных действий может быть автоматизирована. Искусственный интеллект способен обрабатывать большие массивы данных, осуществлять их систематизацию, выявлять статистически значимые закономерности, устанавливать связи между фигурантами и операциями, а также формировать риск-ориентированные сигналы для последующей оценки.

В результате роль аналитика не устраняется, а трансформируется: его деятельность смещается от ручной обработки данных к проверке, интерпретации, верификации и правовой оценке результатов, полученных с использованием искусственного интеллекта.

В настоящее время практика применения искусственного интеллекта в деятельности государственных органов свидетельствует о постепенном переходе от экспериментального использования интеллектуальных технологий к их включению в отдельные административные процедуры,

связанные с обработкой значительных массивов данных, выявлением рисков и информационно-аналитическим обеспечением публичного управления.

Показательным примером использования методов машинного обучения в риск-ориентированном надзоре является опыт Центрального банка Бразилии. Как отмечается в докладе Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, в 2019 году Центральный банк Бразилии разработал матрицу приоритетов, основанную на совокупности объективных показателей и предназначенную для определения поднадзорных организаций, требующих первоочередного внимания при ежегодном планировании надзорных мероприятий. При этом указанная матрица не сводилась к обычному перечню формальных критериев: ее развитие было связано с применением методов машинного обучения, позволявших рассчитывать риск-оценку поднадзорных организаций и тем самым повышать обоснованность распределения надзорных ресурсов. В 2020 году данная матрица впервые была использована в прототипном режиме как информационно-аналитическая основа для планирования надзора на 2021 год. Указанный пример демонстрирует включение интеллектуальных технологий в механизм риск-ориентированного надзора, при котором искусственный интеллект не заменяет уполномоченный орган, а используется для выявления наиболее уязвимых участников финансового сектора и последующей концентрации контрольных мероприятий.

Еще одним примером применения искусственного интеллекта в сфере финансового мониторинга является опыт подразделения финансовой разведки Италии, которое совместно с Генеральным управлением финансового надзора и регулирования Банка Италии разработало инструмент, основанный на методах нечеткой логики, для формирования индикаторов риска в отношении небанковских финансовых посредников<sup>122</sup>.

---

Использование нечеткой логики позволяет учитывать количественные и качественные параметры финансовой деятельности, в том числе сведения о трансграничных платежах, направляемых в юрисдикции с повышенным уровнем риска. На основе таких данных формируются показатели, применяемые при периодической оценке рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма. Данный пример показывает, что зарубежные подразделения финансовой разведки используют интеллектуальные методы не для самостоятельного принятия юридически значимых решений, а для аналитического обеспечения риск-ориентированного подхода и повышения обоснованности последующего надзорного реагирования.

Иной аспект использования интеллектуальных и цифровых решений в зарубежной практике связан с контролем трансграничного движения денежных средств. Если опыт Италии показывает значение таких технологий для формирования риск-индикаторов в отношении финансовых посредников, то пример Туниса демонстрирует их применение в целях постоянного мониторинга физических трансграничных перемещений валюты и организации межведомственного информационного взаимодействия.

В 2021 году подразделение финансовой разведки Туниса, Тунисский комитет по финансовому анализу, внедрило систему «Ганнибал», предназначенную для постоянного мониторинга физических трансграничных перемещений наличной валюты<sup>123</sup>. Данный проект был реализован на основе межведомственного взаимодействия: в его функционировании участвуют правоохранительные органы, Министерство

---

<sup>123</sup> Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Возможности и вызовы новых технологий для противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма: доклад. Париж: ФАТФ/ОЭСР, 2021. С. 33–34. URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/Opportunities-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf.coredownload.pdf> (дата обращения: 22.06.2026).

внутренних дел, таможенная служба, банковские организации, почтовые отделения и обменные пункты при координирующей роли Комитета.

Основное назначение указанной платформы состоит в выявлении и оценке рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма, возникающих при перемещении наличных денежных средств через государственную границу. При разработке системы была использована технология распределенного реестра, обеспечивающая повышенный уровень прозрачности, защищенности и неизменности передаваемых данных, а также снижающая риски их фальсификации или несанкционированного изменения. Значение данного примера состоит в том, что цифровые технологии применяются не изолированно, а в рамках межведомственного механизма финансового мониторинга, обеспечивая оперативный обмен информацией и формирование более полной аналитической базы для последующей оценки уполномоченными субъектами.

Внедрение указанной технологии позволило компетентным органам Туниса осуществлять более последовательное отслеживание конечного пункта назначения наличной валюты, декларируемой при ее ввозе или вывозе через таможенную границу. Тем самым был расширен инструментарий финансового контроля за трансграничным перемещением денежных средств, имеющим повышенное значение для выявления рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Великобритания демонстрирует один из наиболее интересных подходов к стимулированию использования инновационных технологий в целях выполнения обязательств в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Управление по финансовому регулированию и надзору Великобритании внедрило инструмент регулятивной «песочницы», который предоставляет возможность поднадзорным организациям тестировать новые продукты,

сервисы и бизнес-модели в условиях функционирующего рынка при обязательном соблюдении установленных мер контроля<sup>124</sup>.

В рамках данного механизма было определено шесть ключевых направлений, в которых осуществлялось апробирование технологических решений, включая системы мониторинга транзакций и средства идентификации клиентов. Роль Управления в этом процессе заключается не только в создании институциональной среды для испытаний, но и в предоставлении регулируемым субъектам методических ориентиров по применению законодательства в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, оказании содействия при интеграции инновационных бизнес-моделей, а также в разъяснении особенностей надзорных процедур, что имеет принципиальное значение для запуска новых форм деятельности и продуктов финансового сектора.

Сравнительный анализ зарубежной практики, включая деятельность подразделений финансовой разведки и иных уполномоченных государственных органов, использующих технологии искусственного интеллекта в сфере финансового мониторинга, позволяет выделить Соединенные Штаты Америки как один из наиболее показательных примеров институционального внедрения интеллектуальных технологий в механизм противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Значимость данного опыта обусловлена не только активным применением алгоритмических инструментов для анализа данных и выявления подозрительных финансовых связей, но и постепенным формированием организационных и регулятивных подходов к их использованию в деятельности государственных органов и субъектов

---

<sup>124</sup> Управление по финансовому регулированию и надзору Великобритании. Регулятивная «песочница» // Официальный сайт Управления по финансовому регулированию и надзору Великобритании. Впервые опубликовано: 27 марта 2022 г. Обновлено: 6 марта 2026 г. URL: <https://www.fca.org.uk/firms/innovation/regulatory-sandbox> (дата обращения: 22.06.2026).

финансового сектора.

В Соединенных Штатах Америки функции подразделения финансовой разведки осуществляет Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями, действующая в структуре Министерства финансов США. Руководитель указанного органа назначается министром финансов США и находится в подчинении заместителя министра финансов по вопросам терроризма и финансовой разведки<sup>125</sup>.

К числу основных задач Сети по борьбе с финансовыми преступлениями США относится защита финансовой системы от противоправного использования, противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма, а также содействие обеспечению национальной безопасности. Реализация данных задач осуществляется посредством сбора, анализа, систематизации и распространения финансово-разведывательной информации, а также стратегического использования сведений, поступающих от финансовых организаций и иных субъектов, на которых возложены обязанности в сфере финансового мониторинга.

Кроме того, Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями США активно вовлечена в международное сотрудничество: она является членом Группы «Эгмонт», объединяющей подразделения финансовой разведки различных государств, что обеспечивает обмен информацией и координацию усилий в борьбе с транснациональными финансовыми преступлениями.

Одним из проявлений регулятивного подхода США к внедрению инновационных технологий в сферу финансового мониторинга стала программа «Инновационные часы», реализуемая Министерством финансов США и Сетью по борьбе с финансовыми преступлениями. Ее содержание заключается в организации консультационного взаимодействия с участниками финансового рынка, технологическими компаниями и разработчиками

---

<sup>125</sup> Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями. О FinCEN // Официальный сайт Сети по борьбе с финансовыми преступлениями Министерства финансов США. URL: <https://www.fincen.gov/about-fincen> (дата обращения: 22.06.2026).

цифровых решений по вопросам применения новых технологий для выполнения требований в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма<sup>126</sup>.

В ходе таких консультационных сессий анализируются различные инновационные решения, включая технологии, основанные на машинном обучении, обработке больших данных, защите конфиденциальной информации, биометрической идентификации и распределенных реестрах. Практическая ценность данной программы состоит в том, что Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями получает возможность заранее оценить, насколько подобные инструменты могут быть использованы в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, еще до их масштабного внедрения в деятельность финансовых организаций.

Такой формат взаимодействия позволяет регулятору не только отслеживать перспективные технологические разработки, но и заблаговременно выявлять связанные с ними правовые, организационные и надзорные риски. В этом проявляется характерная черта американского подхода: государство действует не только как орган контроля, но и как участник диалога между технологическим сектором и финансовыми организациями. Благодаря этому создаются условия для одновременного развития инноваций и соблюдения требований финансовой безопасности.

Кроме того, в 2024 году Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями вынесла на обсуждение проект нормативных изменений, направленных на обновление программ противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма. В рамках данной инициативы отдельное внимание уделяется применению искусственного интеллекта и технологий

---

<sup>126</sup> Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями. FinCEN объявляет о запуске программы «Инновационные часы» // Официальный сайт Сети по борьбе с финансовыми преступлениями Министерства финансов США. 24 мая 2019 г. URL: <https://www.fincen.gov/news/news-releases/fincen-announces-its-innovation-hours-program> (дата обращения: 22.06.2026).

машинного обучения в деятельности финансовых организаций<sup>127</sup>.

В документах указывается, что использование интеллектуальных технологий рекомендуется в качестве одного из способов повышения эффективности выявления подозрительных операций, минимизации числа ошибочных срабатываний и совершенствования риск-ориентированного подхода<sup>128</sup>.

Данный шаг демонстрирует стремление американского регулятора превратить искусственный интеллект в структурный элемент административно-правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, закрепив его использование не только как факультативное средство, но и как компонент нормативных требований.

Таким образом, США формируют модель, при которой внедрение искусственного интеллекта в сферу финансового мониторинга рассматривается как необходимое условие повышения результативности национальной системы финансового мониторинга.

Согласно «Распоряжению о сохранении Американского лидерства в области искусственного интеллекта» выделяют пять основополагающих принципов развития искусственного интеллекта в США<sup>129</sup>.

В американском подходе к регулированию искусственного интеллекта

---

<sup>127</sup> Financial Crimes Enforcement Network. FinCEN Issues Proposed Rule to Strengthen and Modernize Financial Institutions' AML/CFT Programs [FinCEN выпустила предлагаемое правило по укреплению и модернизации программ ПОД/ФТ финансовых организаций]: press release // Financial Crimes Enforcement Network: официальный сайт. Washington, D.C., 28.06.2024. URL: <https://www.fincen.gov/news/news-releases/fincen-issues-proposed-rule-strengthen-and-modernize-financial-institutions> (дата обращения: 11.09.2025).

<sup>128</sup> Program NPRM Fact Sheet [Информационная справка о проекте правила по программам ПОД/ФТ] // Financial Crimes Enforcement Network: официальный сайт. Washington, D.C., 2024. 5 p. URL: <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/Program-NPRM-FactSheet-508.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

<sup>129</sup> Executive Order № 13859 of 11.02.2019 "Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence" [Исполнительный указ № 13859 от 11.02.2019 «О сохранении американского лидерства в области искусственного интеллекта»] // Federal Register: официальный сайт. 14.02.2019. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (дата обращения: 20.02.2023).

особое значение придается созданию условий для технологического лидерства. Развитие интеллектуальных систем рассматривается не только как направление научно-технической политики, но и как фактор укрепления экономической конкурентоспособности, промышленного потенциала и национальной безопасности. В связи с этим поддержка исследований и внедрения искусственного интеллекта предполагается на уровне федеральных органов власти, научных организаций и частного сектора.

Одним из ключевых направлений такой политики является формирование технических стандартов и устранение избыточных административных и правовых барьеров, препятствующих безопасному тестированию и практическому применению интеллектуальных технологий. Подобный подход ориентирован не только на появление новых высокотехнологичных отраслей, но и на обновление уже существующих сфер экономики, в которых использование искусственного интеллекта способно повысить эффективность производственных, управленческих и аналитических процессов.

Отдельное внимание в американской стратегии уделяется кадровому обеспечению цифровой трансформации. Подготовка специалистов должна быть направлена на формирование компетенций, необходимых для разработки, внедрения и оценки интеллектуальных систем. Тем самым развитие искусственного интеллекта связывается не только с технологической инфраструктурой, но и с адаптацией рынка труда к новым требованиям цифровой экономики.

Важным элементом данного подхода выступает также укрепление общественного доверия к искусственному интеллекту. Законодатель и регуляторы исходят из того, что раскрытие потенциала интеллектуальных технологий возможно лишь при условии соблюдения гражданских свобод, защиты частной жизни и сохранения фундаментальных правовых ценностей. Поэтому развитие искусственного интеллекта в США рассматривается в неразрывной связи с вопросами безопасности, прозрачности и общественной

приемлемости таких технологий.

Наряду с внутренними задачами американская стратегия ориентирована и на внешнее измерение. Речь идет о формировании международной среды, благоприятной для национальных исследований и инноваций, расширении доступа американских компаний к зарубежным рынкам, а также защите технологических преимуществ США от утраты в условиях конкуренции с иными государствами.

Таким образом, опыт США показывает, что искусственный интеллект постепенно становится не только элементом организационной практики отдельных сфер, включая финансовый мониторинг, но и самостоятельным объектом нормативного внимания. Примечательно, что еще до появления специальных требований к применению интеллектуальных систем в финансовом секторе американские законодатели начали регулировать отдельные сферы, связанные с автономным принятием решений.

Одним из первых примеров такого подхода стало законодательство штата Невада. В 2011 году именно этот штат принял нормативный акт, посвященный испытаниям автономных транспортных средств. В нем автономное транспортное средство определялось как механизм, способный осуществлять движение без непосредственного управления или постоянного наблюдения со стороны человека-оператора<sup>130</sup>. Закон закрепил базовые условия проведения испытаний и предусмотрел необходимость дальнейшей разработки подзаконных правил, регулирующих эксплуатацию таких транспортных средств.

Вслед за Невадой аналогичные инициативы были реализованы и в других юрисдикциях: в 2012 году — во Флориде, где был принят закон,

---

<sup>130</sup> Nevada Revised Statutes. § 482A.025 “Autonomous vehicle” defined [Свод пересмотренных законов штата Невада. § 482A.025 «Автономное транспортное средство»: определение] // Nevada Legislature: официальный сайт. URL: <https://www.leg.state.nv.us/NRS/NRS-482A.html> (дата обращения: 12.04.2022).

допускающий тестирование и использование автономных автомобилей<sup>131</sup>, а в 2014 году соответствующие правила регулирования были введены в Калифорнии<sup>132</sup>. В ряде случаев правовое регулирование осуществлялось на уровне исполнительной власти. Так, в Аризоне порядок испытаний автономного транспорта был определен губернаторскими распоряжениями, предусматривающими разработку специальных правил государственными органами<sup>133</sup>. В 2018 году эти нормы подверглись корректировке после инцидента, связанного с причинением тяжкого вреда здоровью пешеходу в результате наезда автономного автомобиля<sup>134</sup>.

На сегодняшний день законодательные акты, регулирующие вопросы испытаний и эксплуатации автономных транспортных средств, действуют в двадцати девяти штатах США. Кроме того, нормативное регулирование автономных транспортных средств действует в федеральном округе Колумбия.

Опыт США показывает, что применение искусственного интеллекта и технологий машинного обучения постепенно выходит за пределы отдельных

---

<sup>131</sup> Florida Statutes. § 316.85 “Autonomous vehicles; operation; compliance with traffic and motor vehicle laws; testing” [Законы штата Флорида. § 316.85 «Автономные транспортные средства: эксплуатация, соблюдение правил дорожного движения и законодательства о транспортных средствах, испытания»] // The Florida Legislature: официальный сайт. URL: [https://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App\\_mode=Display\\_Statute&URL=0300-0399/0316/Sections/0316.85.html](https://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0300-0399/0316/Sections/0316.85.html) (дата обращения: 10.04.2022).

<sup>132</sup> California Code of Regulations. Title 13. Article 3.7 “Testing of Autonomous Vehicles” [Кодекс нормативных актов штата Калифорния. Разд. 13. Ст. 3.7 «Испытания автономных транспортных средств»] // California Department of Motor Vehicles: официальный сайт. URL: <https://www.dmv.ca.gov/portal/uploads/2020/06/Adopted-Regulatory-Text-2019.pdf> (дата обращения: 09.04.2025).

<sup>133</sup> Executive Order No. 2015-09 of 25.08.2015 “Self-Driving Vehicle Testing and Piloting in the State of Arizona; Self-Driving Vehicle Oversight Committee” [Исполнительный указ № 2015-09 от 25.08.2015 «Испытания и пилотирование самоуправляемых транспортных средств в штате Аризона; Наблюдательный комитет по самоуправляемым транспортным средствам»] // Office of the Governor of Arizona: официальный сайт. URL: <https://azgovernor.gov/file/2660/download?token=nLkPLRi1> (дата обращения: 09.04.2025).

<sup>134</sup> Randazzo R. Arizona Governor Doug Ducey suspends testing of Uber self-driving cars [Губернатор Аризоны Даг Дьюси приостановил испытания самоуправляемых автомобилей Uber] // AZCentral: официальный сайт. URL: <https://perma.cc/25-XDY8> (дата обращения: 09.04.2025).

инициатив финансовых организаций и технологических компаний. Такие инструменты начинают восприниматься как часть формирующейся нормативной и институциональной среды, в которой автономные и интеллектуальные системы получают правовое значение. В этом смысле регулирование искусственного интеллекта в сфере финансового мониторинга соответствует более общей тенденции: по мере включения автономных технологий в общественные отношения возникает потребность в установлении правил их использования, контроля и оценки последствий.

Данная логика прослеживается и в позиции Министерства финансов США. В частности, заместитель министра финансов США Сигал Манделькер обращала внимание на необходимость адаптации профессионального сообщества к изменяющимся способам легализации преступных доходов и иным противоправным финансовым практикам<sup>135</sup>. Такой подход исходит из того, что усложнение преступных схем требует не только усиления контрольных процедур, но и постоянного обновления аналитических, технологических и организационных инструментов, применяемых субъектами, ответственными за соблюдение требований законодательства в финансовой сфере.

Вместе с тем американский подход не исчерпывает зарубежный опыт институционального применения интеллектуальных технологий в целях обеспечения финансовой безопасности. Для настоящего исследования особый интерес представляет также практика Сингапура, где искусственный интеллект и иные цифровые инструменты активно используются в деятельности государственных органов и регуляторов, осуществляющих

---

<sup>135</sup> Treasury's FinCEN and Federal Banking Agencies Issue Joint Statement Encouraging Innovative Industry Approaches to AML Compliance [FinCEN Министерства финансов США и федеральные банковские регуляторы выпустили совместное заявление, поощряющее инновационные подходы отрасли к соблюдению требований ПОД/ФТ] // Financial Crimes Enforcement Network: официальный сайт. Washington, D.C., 03.12.2018. URL: <https://www.fincen.gov/news/news-releases/treasurys-fincen-and-federal-banking-agencies-issue-joint-statement-encouraging> (дата обращения: 11.09.2025).

полномочия в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Сингапур также демонстрирует последовательный подход к повышению эффективности режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма посредством внедрения цифровых решений и передовых аналитических технологий. Данный подход основан на сочетании деятельности подразделения финансовой разведки, финансового регулятора и иных государственных органов, участвующих в выявлении, анализе и предупреждении рисков использования финансовой системы в целях легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Функции подразделения финансовой разведки в Сингапуре осуществляет Бюро по сообщениям о подозрительных операциях, действующее в системе правоохранительных органов<sup>136</sup>. Наряду с ним значительную роль в обеспечении режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма играет Денежно-кредитное управление Сингапура, выполняющее функции центрального банка, финансового регулятора и надзорного органа в отношении финансовых организаций<sup>137</sup>. Такое распределение полномочий позволяет сочетать финансово-разведывательный анализ, надзор за соблюдением требований финансовыми институтами и развитие технологических инструментов выявления рисков.

Согласно информации, опубликованной государственными органами Сингапура и представленным на официальном портале проектом AI Singapore, стратегической целью государства является консолидация научно-

---

<sup>136</sup> Suspicious Transaction Reporting Office [Бюро по сообщениям о подозрительных операциях] // Singapore Police Force: официальный сайт. Updated 20.08.2025. URL: <https://www.police.gov.sg/Advisories/Commercial-Crimes/Suspicious-Transaction-Reporting-Office> (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>137</sup> О деятельности Денежно-кредитного управления Сингапура // Денежно-кредитное управление Сингапура: официальный сайт. 11.04.2024. URL: <https://www.mas.gov.sg/who-we-are/what-we-do> (дата обращения: 22.06.2026).

исследовательских институтов, стартапов в области искусственного интеллекта и компаний, создающих соответствующие технологические решения, в единую экосистему. Ключевыми институциональными участниками выступают Национальный исследовательский фонд, Управление «Умной нации» и цифрового правительства, Совет по экономическому развитию и Управление по развитию медиа. Одной из приоритетных задач программы определена разработка интеллектуальных систем, способных за счет анализа больших массивов данных отслеживать движение денежных потоков через финансовые учреждения, что прямо соотносится с задачами противодействия финансовым преступлениям и обеспечения прозрачности финансового сектора.

Важным элементом сингапурского подхода является формирование правовых и этических ориентиров применения искусственного интеллекта, в том числе в сферах, связанных с обработкой персональных данных и использованием автоматизированных аналитических систем. Комиссия по защите персональных данных Сингапура опубликовала дискуссионный документ, посвященный вопросам искусственного интеллекта и обработки персональных данных, в котором предложена концептуальная рамка, основанная на принципе подотчетности. Данная рамка направлена на обсуждение правовых, этических и управленческих аспектов применения искусственного интеллекта, а также на обеспечение баланса между развитием инновационных технологий, защитой интересов потребителей и соблюдением требований к обработке персональных данных.

Для целей настоящего исследования данный подход представляет интерес, поскольку показывает, что внедрение искусственного интеллекта в финансовый сектор и сферу противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма требует не только технологической модернизации, но и закрепления

дополнительных гарантий подотчетности, прозрачности и ответственного использования данных<sup>138</sup>.

Кроме того, в Сингапуре был создан Консультативный совет по вопросам этического использования искусственного интеллекта, призванный обеспечить экспертное сопровождение внедрения интеллектуальных технологий в различные сферы общественных отношений и экономической деятельности. В состав указанного органа вошли одиннадцать экспертов, представляющих различные профессиональные области, включая международные компании в сфере информационных технологий, организации, ориентированные на защиту социальных и потребительских интересов, а также представителей национального бизнеса, заинтересованных в применении искусственного интеллекта в управленческих и производственных процессах.

Значение данного института состоит в том, что вопросы применения искусственного интеллекта рассматриваются не только с технологической, но и с правовой, этической и управленческой позиций. Для сферы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма такой подход представляет интерес, поскольку использование интеллектуальных систем в финансовом мониторинге требует учета не только эффективности анализа данных, но и требований подотчетности, прозрачности, защиты прав граждан и контроля за результатами алгоритмической обработки информации<sup>139</sup>.

---

<sup>138</sup> Discussion Paper on Artificial Intelligence (AI) and Personal Data — Fostering Responsible Development and Adoption of AI [Дискуссионный документ об искусственном интеллекте и персональных данных: содействие ответственному развитию и внедрению ИИ] // Personal Data Protection Commission Singapore: официальный сайт. 05.06.2018. URL: <https://www.pdpc.gov.sg/-/media/files/pdpc/pdf-files/resource-for-organisation/ai/discussion-paper-on-ai-and-pd---050618.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).

<sup>139</sup> Composition of the Advisory Council on the Ethical Use of Artificial Intelligence (AI) and Data [Состав Консультативного совета по этическому использованию искусственного интеллекта (ИИ) и данных]: press release // Infocomm Media Development Authority: официальный сайт. 05.06.2018. URL: <https://www.imda.gov.sg/about/newsroom/media-releases/2018/composition-of-the-advisory-council-on-the-ethical-use-of-ai-and-data> (дата обращения: 05.03.2022).

Подводя итог, следует отметить, что в условиях стремительного развития технологий искусственный интеллект становится неотъемлемым элементом административно-правовых режимов противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма в зарубежных странах.

Опыт государств, таких как Великобритания, США, Италия, Тунис и Сингапур, показывает, что, несмотря на различия в уровнях технологического развития, интеграция искусственного интеллекта в процессы финансового мониторинга и государственного управления становится общемировой тенденцией.

Тем самым зарубежный опыт подтверждает один из ключевых выводов настоящего исследования: искусственный интеллект в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма не приобретает значения самостоятельного субъекта публично-правовых отношений, а выступает функциональным элементом цифровой инфраструктуры финансового мониторинга.

Его применение изменяет способы реализации обязанностей уполномоченных органов и субъектов финансового мониторинга, усиливая информационно-аналитическую, прогностическую и риск-ориентированную составляющие указанного режима. Однако правовая оценка результатов алгоритмической обработки данных, принятие юридически значимых решений и ответственность за их последствия сохраняются за уполномоченными субъектами. Именно поэтому развитие российского административно-правового регулирования в данной сфере должно быть направлено не на признание искусственного интеллекта самостоятельным носителем прав и обязанностей, а на закрепление специальных требований к прозрачности, проверяемости, контролируемости, подотчетности и человеческому участию при его применении в финансовом мониторинге.

### **2.3. Искусственный интеллект как элемент режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в Российской Федерации**

На современном этапе развития российской системы финансового мониторинга особое значение приобретает административно-правовая оценка пределов и условий применения искусственного интеллекта в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Это обусловлено тем, что интеллектуальные системы могут использоваться при обработке значительных массивов финансовой информации, выявлении операций с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих обязательному контролю, оценке уровня риска клиента, установлении взаимосвязей между участниками финансового оборота и формировании аналитических выводов. Вместе с тем результаты такой обработки не имеют самостоятельного юридического значения и должны рассматриваться как информационно-аналитическая основа для последующей проверки, верификации и правовой оценки уполномоченным субъектом.

Федеральный закон № 115-ФЗ закрепляет систему обязанностей организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, включая идентификацию клиентов, их представителей, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев, выявление операций, подлежащих обязательному контролю, документальное фиксирование и хранение информации, разработку и реализацию правил внутреннего контроля, применение мер по замораживанию денежных средств или иного имущества, приостановление отдельных операций, а также направление сведений в уполномоченный орган. Указанные обязанности образуют нормативную основу функционирования режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и предполагают постоянную работу с большими массивами финансовой, клиентской и иной юридически значимой

информации.

Вместе с тем действующее законодательство не содержит специальных положений, определяющих правовую природу, пределы и порядок использования систем искусственного интеллекта при реализации данных обязанностей. В результате возникает несоответствие между фактической цифровизацией финансового мониторинга и степенью ее нормативного закрепления в Федеральном законе № 115-ФЗ. Искусственный интеллект способен выполнять значимую информационно-аналитическую функцию при выявлении рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма, однако законодательство пока не устанавливает специальных требований к проверяемости алгоритмических выводов, документированию результатов автоматизированного анализа, разграничению автоматизированной и экспертной оценки, а также распределению ответственности между разработчиками, операторами, организациями, применяющими такие системы, и уполномоченными государственными органами.

Указанные пробелы особенно отчетливо проявляются применительно к противодействию финансированию терроризма, поскольку данное направление финансового мониторинга связано не только с установлением происхождения денежных средств или иного имущества, но и с оценкой цели их возможного использования, характера связей между участниками операций, повторяемости финансового поведения и иных косвенных признаков риска. Именно поэтому вопрос о правовых пределах применения искусственного интеллекта в данной сфере приобретает самостоятельное значение.

Специфика противодействия финансированию терроризма состоит в том, что соответствующие операции не всегда связаны с преступным происхождением денежных средств или иного имущества. В отличие от легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, общественная опасность финансирования терроризма определяется прежде

всего целевым назначением ресурсов, то есть их использованием либо потенциальной возможностью использования для финансового обеспечения террористической деятельности.

В связи с этим выявление операций, которые могут быть связаны с финансированием терроризма, требует комплексного анализа не только конкретного финансового действия, но и совокупности юридически значимых обстоятельств. К их числу относятся сведения о клиенте, его представителе, выгодоприобретателе и бенефициарном владельце, характер операции, ее сумма, периодичность, назначение платежа, маршрут движения денежных средств или иного имущества, связи между участниками операции, а также возможное совпадение соответствующих сведений с перечнями лиц и организаций, в отношении которых имеются данные об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Именно в указанном аспекте искусственный интеллект обладает значительным информационно-аналитическим потенциалом. Интеллектуальные системы способны сопоставлять сведения из различных информационных массивов, выявлять неочевидные взаимосвязи между участниками финансового оборота, анализировать повторяемость и нетипичность операций, определять поведенческие модели, указывающие на риск финансирования террористической деятельности, а также формировать риск-профили клиентов и операций. Вместе с тем результаты такой алгоритмической обработки не могут рассматриваться как самостоятельное основание для принятия юридически значимых решений. Они подлежат последующей проверке, верификации и правовой оценке уполномоченным субъектом, поскольку их использование может затрагивать права и законные интересы граждан и организаций.

В связи с этим искусственный интеллект в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма должен рассматриваться не как самостоятельный субъект публично-правовых отношений, а как

функциональный элемент цифровой инфраструктуры финансового мониторинга. Его назначение состоит в информационно-аналитическом обеспечении деятельности Росфинмониторинга, кредитных организаций и иных организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, при реализации возложенных на них законом обязанностей по выявлению, оценке и передаче сведений об операциях, имеющих значение для противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

При этом юридически значимое решение, принятое с учетом результатов алгоритмического анализа, должно оставаться решением уполномоченного субъекта, на которого Федеральным законом № 115-ФЗ возложены соответствующие обязанности, полномочия и ответственность. Искусственный интеллект может использоваться для предварительного выявления риска, подготовки аналитического вывода, сопоставления сведений и формирования риск-профиля, однако он не должен подменять правовую оценку, осуществляемую субъектом финансового мониторинга либо уполномоченным государственным органом.

Следовательно, основная задача административно-правового регулирования заключается не в признании искусственного интеллекта самостоятельным участником отношений, а в нормативном закреплении порядка его использования.

Такое регулирование должно включать определение допустимых сфер применения интеллектуальных систем, требования к верификации алгоритмических выводов, документированию результатов автоматизированной обработки данных, обеспечению человеческого контроля, разграничению автоматизированной и экспертной оценки, а также распределению ответственности между разработчиками, операторами информационных систем, организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, и уполномоченным органом.

Росфинмониторинг и кредитные организации последовательно

развивают цифровые и аналитические инструменты, используемые для обработки значительных массивов транзакционных данных, выявления нетипичных операций, установления финансовых связей и построения риск-ориентированных моделей. В данном контексте технологии искусственного интеллекта и машинного обучения приобретают значение функционального элемента информационно-аналитического обеспечения финансового мониторинга.

Такая практика свидетельствует о фактическом включении интеллектуальных технологий в механизм реализации режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Вместе с тем специальное правовое оформление их применения в рамках Федерального закона № 115-ФЗ пока отсутствует. Данное обстоятельство обуславливает необходимость доктринального осмысления и последующего нормативного закрепления требований к использованию искусственного интеллекта в финансовом мониторинге, включая требования к проверяемости алгоритмических выводов, документированию результатов автоматизированного анализа, сохранению человеческого контроля и распределению ответственности между субъектами, участвующими в разработке, внедрении и эксплуатации таких систем.

Международный контекст усиливает необходимость правовой интеграции искусственного интеллекта. Российская Федерация, участвуя в деятельности ЕАГ, сохраняет связь с международной системой стандартов ФАТФ, ориентированной на развитие эффективных национальных режимов противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма. В документах ФАТФ последовательно обращается внимание на значение инновационных цифровых решений для повышения результативности финансового мониторинга. В частности, отмечается потенциал технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и анализа больших данных для более точного выявления подозрительных операций, совершенствования

риск-ориентированного подхода и снижения издержек, связанных с выполнением комплаенс-процедур<sup>140</sup>.

Аналогичным образом ЕАГ в своих аналитических материалах подчеркивает необходимость развития цифровых решений для эффективной оценки рисков и повышения прозрачности финансовых потоков<sup>141</sup>. Отсутствие специальных правил применения искусственного интеллекта в финансовом мониторинге может повлечь риски несоответствия современным международным подходам к развитию риск-ориентированных и технологически обеспеченных систем финансового мониторинга.

Таким образом, применение искусственного интеллекта в рамках административно-правового режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в Российской Федерации имеет не только внутригосударственное, но и международное значение. Это обусловлено тем, что эффективность национальной системы финансового мониторинга оценивается в контексте выполнения международных стандартов, развития информационного обмена и способности государства своевременно выявлять риски трансграничного использования финансовой системы в противоправных целях. В связи с этим правовое регулирование применения искусственного интеллекта должно рассматриваться как один из факторов повышения устойчивости, прозрачности и доверия к российской системе финансового мониторинга.

Новые технологические инструменты используются не только уполномоченными органами и субъектами финансового мониторинга для

---

<sup>140</sup> Opportunities and Challenges of New Technologies for AML/CFT [Возможности и проблемы новых технологий в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма]: report // Financial Action Task Force (FATF): официальный сайт. Paris, 2021. 56 p. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Opportunities-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

<sup>141</sup> Обзор рисков и тенденций в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма: официальный сайт. М., 2023. 112 с. URL: <https://eurasiangroup.org> (дата обращения: 12.09.2025).

обработки значительных массивов данных, анализа транзакций, выявления нетипичных финансовых связей и формирования риск-ориентированных выводов, но и лицами, осуществляющими противоправную деятельность, для усложнения финансовых схем, сокрытия происхождения денежных средств или иного имущества, повышения анонимности операций и обхода контрольных процедур.

В связи с этим применение искусственного интеллекта и иных цифровых инструментов в финансовом мониторинге следует рассматривать как объективно обусловленный ответ на трансформацию способов легализации преступных доходов и финансирования терроризма в условиях цифровизации финансового оборота.

В отчете Росфинмониторинга за 2024 год обозначен широкий круг угроз, связанных с использованием цифровых и финансовых инструментов в противоправных целях<sup>142</sup>. К числу таких угроз относятся применение криптовалют, наличных денежных средств и драгоценных металлов в преступных схемах, хищение бюджетных средств, деятельность псевдоброкеров и финансовых пирамид, вовлечение граждан, включая несовершеннолетних и иностранных граждан, в качестве подставных лиц, использование интернет-сервисов, мессенджеров, чат-ботов и иных цифровых инструментов для легализации преступных доходов, а также вовлечение молодежи в диверсионно-террористическую деятельность.

Указанные угрозы свидетельствуют о том, что цифровизация финансового оборота не только расширяет возможности законного экономического взаимодействия, но и усложняет способы сокрытия происхождения денежных средств, маскировки финансовых потоков и обхода контрольных процедур.

---

<sup>142</sup> Федеральная служба по финансовому мониторингу. Отчет о работе Росфинмониторинга за 2024 год. М., 2025.  
URL: [https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%B0nnual%20report\\_2024.pdf](https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%B0nnual%20report_2024.pdf) (дата обращения: 22.06.2026).

В этих условиях применение технологий искусственного интеллекта может рассматриваться как одно из направлений адаптации системы финансового мониторинга к новым формам противоправной деятельности. В сфере анализа операций с цифровыми активами интеллектуальные системы способны использоваться для сопоставления транзакционных данных, выявления устойчивых связей между участниками операций и построения моделей движения денежных средств или иного имущества. При выявлении схем с участием подставных лиц искусственный интеллект может обеспечивать анализ повторяющихся поведенческих признаков, источников поступления денежных средств, характера операций и иных данных, имеющих значение для формирования риск-ориентированной оценки. В отношении интернет-сервисов, мессенджеров и цифровых коммуникационных каналов искусственный интеллект может применяться для обработки больших массивов данных, выявления типичных признаков мошеннических схем, финансовых пирамид, псевдоброкерской деятельности.

Особое значение искусственный интеллект может иметь и при выявлении рисков финансирования терроризма, поскольку такие риски нередко проявляются не в одной изолированной операции, а в совокупности взаимосвязанных действий, маршрутов денежных средств, повторяющихся платежей, назначения переводов и связей между участниками финансового оборота. В этой части интеллектуальные системы способны формировать риск-индикаторы и аналитические сигналы, указывающие на необходимость дополнительной проверки соответствующих операций или лиц.

При этом применение искусственного интеллекта не должно рассматриваться как замена деятельности Росфинмониторинга, правоохранительных органов или субъектов финансового мониторинга. Результаты алгоритмической обработки данных могут иметь значение только как информационно-аналитическая основа для последующей проверки, верификации и правовой оценки уполномоченным субъектом. Такой подход позволяет сохранить баланс между повышением эффективности выявления

рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма, с одной стороны, и обеспечением законности, правовой определенности и защиты прав участников финансового оборота — с другой.

Искусственный интеллект может быть использован для автоматической классификации и ранжирования сообщений о подозрительных операциях по степени риска, что позволит перераспределять ресурсы надзорного органа в пользу наиболее значимых угроз. Анализ больших массивов данных, поступающих от кредитных и финансовых организаций, с применением интеллектуальных технологий предоставляет возможность выявлять скрытые связи между субъектами и транзакциями, формируя динамические профили участников финансового оборота.

Применение искусственного интеллекта для моделирования новых типологий нарушений может быть наиболее эффективным фактором работы финансовых разведок. Традиционно типологии выявляются экспертным путем в процессе анализа накопленной практики, тогда как искусственный интеллект способен автоматически обнаруживать аномальные поведенческие и транзакционные паттерны, не вписывающиеся в существующие схемы. Такой подход обеспечивает более гибкую и адаптивную реакцию на трансформацию криминальных практик.

Развитие дистанционного взаимодействия Росфинмониторинга с поднадзорными субъектами в условиях внедрения искусственного интеллекта придает надзорной деятельности новое содержание. Интеллектуальные системы могут использоваться не только для первичного выявления признаков нарушений, но и для подготовки аналитических рекомендаций, направленных на корректировку процедур внутреннего контроля, уточнение риск-профилей и повышение качества сообщений о подозрительных операциях и подозрительной деятельности. В этом смысле цифровизация надзорной деятельности способствует переходу от преимущественно последующего реагирования на выявленные нарушения к более раннему обнаружению рисков и предупреждению их дальнейшего развития.

Особое значение такой подход приобретает применительно к отраслям экономики, характеризующимся повышенным уровнем коррупционных и криминальных рисков. В материалах Росфинмониторинга к числу таких направлений относятся, в частности, лесопромышленный комплекс, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера обращения твердых коммунальных отходов, а также топливно-энергетический комплекс<sup>143</sup>. В указанных сферах фиксируются значительные объемы проверочных мероприятий, финансовых расследований и уголовных дел, связанных с хищением бюджетных средств, незаконным завышением тарифов, выводом денежных средств, использованием подконтрольных организаций и легализацией преступных доходов.

Применение искусственного интеллекта способно повысить эффективность выявления подобных схем за счет сопоставления разнородных массивов данных, анализа финансовых потоков, установления взаимосвязей между организациями и физическими лицами, выявления повторяющихся поведенческих признаков и нетипичных хозяйственных операций. В отличие от традиционных методов анализа, основанных преимущественно на последующей проверке уже выявленных фактов, интеллектуальные системы позволяют формировать риск-индикаторы на более ранней стадии, когда противоправная схема еще находится в процессе развития либо только начинает проявляться в финансовом обороте.

Вместе с тем использование искусственного интеллекта в отраслевых финансовых расследованиях не означает автоматической замены деятельности Росфинмониторинга, правоохранительных органов или субъектов финансового мониторинга. Результаты алгоритмической обработки данных должны рассматриваться как информационно-аналитическая основа

---

<sup>143</sup> Федеральная служба по финансовому мониторингу. Отчет о работе Росфинмониторинга за 2021 год. М., 2022. С. 27.  
URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2022/%D0%B0nnualreport21.pdf> (дата обращения: 22.06.2026).

для последующей проверки, верификации и правовой оценки. Решения о направлении материалов в правоохранительные органы, применении мер реагирования, приостановлении операций, замораживании денежных средств или иного имущества либо иных юридически значимых действиях должны приниматься уполномоченными субъектами в порядке, установленном законодательством.

Дополнительное значение искусственный интеллект приобретает в случаях, когда противоправные финансовые схемы имеют трансграничный характер. В таких ситуациях интеллектуальные системы могут использоваться для сопоставления данных, поступающих по каналам международного информационного обмена между подразделениями финансовой разведки, выявления совпадений в трансграничных транзакциях, установления связей между участниками операций и подготовки аналитических материалов для последующего реагирования. Однако и в данном случае искусственный интеллект не должен рассматриваться как самостоятельный участник международного взаимодействия: он выполняет вспомогательную информационно-аналитическую функцию, тогда как юридически значимые решения принимаются компетентными органами соответствующих государств.

С учетом изложенного внедрение искусственного интеллекта в деятельность Росфинмониторинга следует рассматривать не как факультативное технологическое дополнение, а как одно из направлений модернизации национальной системы финансового мониторинга. Оно предполагает разработку и использование специализированных алгоритмических решений, адаптированных к задачам анализа сообщений о подозрительных операциях и подозрительной деятельности, риск-ориентированного надзора за поднадзорными субъектами, обработки больших массивов финансовой информации, международного обмена данными, а также подготовки и повышения квалификации специалистов, осуществляющих финансовые расследования.

По мере институционализации указанных практик формируется основа для изменения характера режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Его развитие связано не с отказом от традиционных форм контроля, а с усилением аналитической, прогностической и профилактической составляющих. В этих условиях финансовый мониторинг приобретает способность не только реагировать на уже выявленные угрозы, но и выявлять признаки формирования новых противоправных схем, что имеет особое значение для обеспечения финансовой безопасности государства.

Данный вывод согласуется с позицией Г. Зубарева, который, анализируя современные тенденции развития финансового рынка, указывает на необходимость формирования новых правовых механизмов защиты от кибермошенничества в условиях цифровизации<sup>144</sup>.

При этом в российском правовом порядке до настоящего времени отсутствуют специальные нормы, непосредственно определяющие порядок, пределы и правовые последствия применения искусственного интеллекта в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В связи с этим фактическое внедрение интеллектуальных технологий в финансовый мониторинг должно сопровождаться не только технической стандартизацией, но и специальным административно-правовым регулированием, закрепляющим требования к проверяемости алгоритмических выводов, документированию результатов автоматизированного анализа, разграничению автоматизированной и экспертной оценки, а также сохранению человеческого участия при принятии юридически значимых решений.

---

<sup>144</sup> Зубарев Г. Регулирование финансового рынка для защиты от кибермошенничества: новые меры и инициативы // Финансовая безопасность. 2025. № 46 (июнь). С. 35. URL: [https://fedsfm.ru/content/files/журнал/2025/fb\\_46.pdf](https://fedsfm.ru/content/files/журнал/2025/fb_46.pdf) (дата обращения: 23.06.2026).

В условиях отсутствия специальных правовых норм, регулирующих применение искусственного интеллекта в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, особое значение приобретает обращение к опыту нормативно-технической стандартизации интеллектуальных систем в иных сферах, где результаты их функционирования также могут затрагивать права и законные интересы граждан. Такой опыт не подлежит механическому переносу в рассматриваемую сферу, поскольку она характеризуется собственной публично-правовой целью, специальным кругом субъектов, особым режимом информационного взаимодействия и повышенными требованиями к защите финансовой системы. Вместе с тем он позволяет определить возможные направления правового закрепления требований к жизненному циклу систем искусственного интеллекта, управлению их изменениями, оценке качества функционирования, контролю эксплуатационных параметров и проверяемости получаемых результатов.

Так, Приказом Росстандарта от 26 ноября 2021 г. № 1617-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации»<sup>145</sup> были утверждены национальные стандарты серии «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине», в том числе ГОСТ Р 59921.2–2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Программа и методика технических испытаний»<sup>146</sup>, ГОСТ Р 59921.3–2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным

---

<sup>145</sup> Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26.11.2021 № 1617-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации»  
// КонсультантПлюс.  
URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_403005/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403005/) (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>146</sup> ГОСТ Р 59921.2-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 2. Программа и методика технических испытаний»: утв. приказом Росстандарта от 02.12.2021 № 1670-ст, введен в действие с 01.03.2022 // Официальный портал Росстандарта.  
URL: <https://files.stroyinf.ru/Data/768/76853.pdf> (дата обращения: 22.06.2026).

обучением»<sup>147</sup>, ГОСТ Р 59921.4–2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Оценка и контроль эксплуатационных параметров»<sup>148</sup>, а также ГОСТ Р 59921.6–2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Общие требования к эксплуатации»<sup>149</sup>.

В последующий период стандартизация искусственного интеллекта получила дальнейшее развитие. В частности, был принят ГОСТ Р 71476–2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта», введенный в действие с 1 января 2025 г. и закрепляющий основные понятия, терминологические подходы, представления о жизненном цикле системы искусственного интеллекта, ее экосистеме и предметных областях применения<sup>150</sup>. Наряду с ним был принят ГОСТ Р 71539–2024 «Искусственный интеллект. Процессы жизненного цикла системы искусственного интеллекта», раскрывающий содержание процессов, характерных для жизненного цикла соответствующих систем<sup>151</sup>. Кроме того,

---

<sup>147</sup> ГОСТ Р 59921.3-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 3. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным обучением»: утв. приказом Росстандарта от 02.12.2021 № 1671-ст, введен в действие с 01.03.2022 // Официальный портал Росстандарта. URL: [https://rosghosts.ru/file/gost/11/040/gost\\_r\\_59921.3-2021.pdf](https://rosghosts.ru/file/gost/11/040/gost_r_59921.3-2021.pdf) (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>148</sup> ГОСТ Р 59921.4-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 4. Оценка и контроль эксплуатационных параметров»: утв. приказом Росстандарта от 02.12.2021 № 1672-ст, введен в действие с 01.03.2022 // Официальный портал Росстандарта. URL: [https://rosghosts.ru/file/gost/11/040/gost\\_r\\_59921.4-2021.pdf](https://rosghosts.ru/file/gost/11/040/gost_r_59921.4-2021.pdf) (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>149</sup> ГОСТ Р 59921.6-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 6. Общие требования к эксплуатации»: утв. приказом Росстандарта от 02.12.2021 № 1673-ст, введен в действие с 01.03.2022 // Официальный портал Росстандарта. URL: [https://rosghosts.ru/file/gost/11/040/gost\\_r\\_59921.6-2021.pdf?ysclid=mrc5w7tra9369278031](https://rosghosts.ru/file/gost/11/040/gost_r_59921.6-2021.pdf?ysclid=mrc5w7tra9369278031) (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>150</sup> ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта»: утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28.10.2024 № 1550-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2024. Дата введения: 01.01.2025. URL: <https://protect.gost.ru/default.aspx/document1.aspx?baseC=6&control=31&id=263925> (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>151</sup> ГОСТ Р 71539-2024 (ИСО/МЭК 5338:2023) «Искусственный интеллект. Процессы жизненного цикла системы искусственного интеллекта»: утв. приказом Росстандарта от 28.10.2024 № 1539-ст, введен в действие с 01.01.2025 // Официальный портал Росстандарта.

ГОСТ Р ИСО/МЭК 42001–2024 «Искусственный интеллект. Система менеджмента» устанавливает требования к системе менеджмента искусственного интеллекта, ориентированной на управление разработкой, эксплуатацией, оценкой и совершенствованием таких систем<sup>152</sup>.

Указанные стандарты имеют преимущественно технический и организационно-методический характер. Они не решают вопрос о юридической природе искусственного интеллекта, не определяют пределы использования результатов алгоритмической обработки данных при принятии юридически значимых решений и не устанавливают специальных гарантий защиты прав граждан и организаций в рамках финансового мониторинга. Вместе с тем их принятие имеет важное значение, поскольку формирует основу для последующей правовой конкретизации требований к искусственному интеллекту в сферах, связанных с обеспечением финансовой и национальной безопасности.

Следовательно, для режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма недостаточно ограничиться общей технической стандартизацией искусственного интеллекта. В данной сфере требуется специальное административно-правовое регулирование, учитывающее публично-правовой характер финансового мониторинга, риск-ориентированную природу соответствующих процедур, значение результатов автоматизированного анализа для прав и законных интересов граждан и организаций, а также необходимость сохранения человеческого контроля и ответственности уполномоченных субъектов за принятие юридически значимых решений.

Наряду с развитием нормативно-технической стандартизации

---

URL: <https://protect.gost.ru/gost/details/31be4384-1429-42e4-8f94-8fe339d2276f> (дата обращения: 22.06.2026).

<sup>152</sup> ГОСТ Р ИСО/МЭК 42001–2024 «Искусственный интеллект. Система менеджмента»: утв. приказом Росстандарта от 25.11.2024 № 1745-ст, введен в действие с 01.01.2025 // Официальный портал Росстандарта. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310068313> (дата обращения: 22.06.2026).

искусственного интеллекта особое значение имеет его фактическое внедрение в деятельность органов публичного управления. В сфере финансового мониторинга данная тенденция проявляется прежде всего в деятельности Росфинмониторинга, поскольку именно данный орган выступает центральным элементом национальной системы выявления и предупреждения рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Росфинмониторинг совместно с Российской академией наук и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации осуществляет работу по созданию системы поддержки принятия решений в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, основанной на использовании отдельных элементов искусственного интеллекта. Значимость данного направления была обозначена еще в 2019 году в ходе встречи директора Росфинмониторинга с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Характеризуя развитие аналитических инструментов службы, директор Росфинмониторинга отметил, что «в ходе дальнейшей работы по уголовным делам, финансовым расследованиям машина сама отбирает и уже дополняет информацию по своим признакам. Она уже сама работает, и сама постоянно дополняет»<sup>153</sup>.

Указанное высказывание имеет значение для понимания цифровой трансформации российской системы финансового мониторинга. Оно свидетельствует о том, что в практической деятельности Росфинмониторинга используются не только традиционные средства автоматизации, направленные на ускорение обработки информации, но и алгоритмические инструменты, способные осуществлять самостоятельный отбор, сопоставление и дополнение данных по заранее определенным признакам.

---

<sup>153</sup> Ботороева Е. Росфинмониторинг создает искусственный интеллект для борьбы с отмыванием денег // Парламентская газета. 11 марта 2019 г. URL: <https://www.pnp.ru/economics/rosfinmonitoring-sozdayot-iskusstvennyy-intellekt-dlya-borby-s-otmyvaniem-deneg.html> (дата обращения: 23.06.2026).

При этом речь идет не о передаче искусственному интеллекту полномочий по принятию юридически значимых решений, а о развитии информационно-аналитической составляющей финансового мониторинга, обеспечивающей подготовку материалов для последующей оценки уполномоченным субъектом.

Применение таких систем требует не только технической надежности и эффективности, но и правовой определенности: должны быть установлены пределы использования алгоритмических выводов, порядок их проверки, требования к документированию результатов автоматизированного анализа и гарантии сохранения человеческого контроля при принятии решений, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций.

Указанная тенденция свидетельствует о трансформации характера государственного контроля в сфере финансового мониторинга. Акцент постепенно смещается от преимущественно последующего выявления уже совершенных нарушений к более раннему обнаружению признаков подозрительной активности, оценке потенциальных рисков и подготовке аналитических материалов с применением искусственного интеллекта для последующего правового реагирования уполномоченных субъектов.

В результате возникает несоответствие между фактическим развитием цифровых и интеллектуальных инструментов финансового мониторинга и уровнем их административно-правовой регламентации.

Искусственный интеллект в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма должен рассматриваться не как самостоятельный носитель прав, обязанностей или публично-властных полномочий, а как функциональный элемент цифровой инфраструктуры финансового мониторинга.

Его применение трансформирует способы реализации обязанностей организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и полномочий уполномоченных органов, усиливая риск-

ориентированный, прогностический и информационно-аналитический характер рассматриваемого режима. При этом принятие решений, способных повлечь юридически значимые последствия для граждан и организаций, а также ответственность за такие решения должны сохраняться за субъектами, на которых Федеральным законом № 115-ФЗ возложены соответствующие обязанности и полномочия.

Таким образом, развитие административно-правового регулирования применения искусственного интеллекта в системе финансового мониторинга должно быть направлено не на правовую персонализацию искусственного интеллекта, а на установление специальных гарантий его ответственного использования в рамках действующего режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Такой подход позволяет обеспечить баланс между технологической эффективностью финансового контроля, защитой прав участников финансовых отношений, публичными интересами финансовой безопасности и принципом ответственности уполномоченного субъекта за юридически значимые решения.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило уточнить административно-правовое значение искусственного интеллекта в системе финансового мониторинга и определить его роль в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

В диссертации обосновано, что искусственный интеллект в рассматриваемой сфере не может быть сведен к обычному техническому средству обработки информации. Его применение затрагивает порядок реализации публично значимых обязанностей, влияет на способы выявления подозрительных операций, оценку финансовых рисков, подготовку аналитических материалов и последующее принятие мер правового реагирования. Однако это не означает, что искусственный интеллект приобретает самостоятельное правовое положение в системе финансового мониторинга. Напротив, проведенный анализ подтверждает, что в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма искусственный интеллект должен рассматриваться как объект публично-правового регулирования и как функциональный элемент цифровой инфраструктуры, используемый уполномоченными субъектами для повышения эффективности аналитической деятельности.

Одним из значимых результатов исследования стало обоснование необходимости функционального подхода к определению искусственного интеллекта. Для административно-правового регулирования принципиальное значение имеют не все технологические свойства интеллектуальных систем, а прежде всего те характеристики, которые способны повлиять на реализацию публичных функций, обработку юридически значимой информации, оценку рисков и положение граждан и организаций. Поэтому чрезмерно широкое и универсальное определение искусственного интеллекта не в полной мере

отвечает задачам правового регулирования финансового мониторинга. В указанной сфере определение искусственного интеллекта должно быть связано с его использованием при идентификации клиентов, анализе финансовых операций, выявлении подозрительных транзакций, формировании риск-профилей и подготовке материалов для последующей оценки уполномоченным субъектом.

В работе показано, что применение искусственного интеллекта изменяет содержание административно-правовых процедур финансового мониторинга. Такая трансформация проявляется в автоматизации обработки значительных массивов данных, развитии риск-ориентированного подхода, изменении способов выявления нетипичных операций и усложнении процедур внутреннего контроля. Интеллектуальные системы способны сопоставлять сведения из различных информационных массивов, выявлять повторяющиеся поведенческие признаки, устанавливать нетипичные финансовые связи, формировать риск-индикаторы и готовить аналитические выводы. Вместе с тем результаты такой обработки не могут рассматриваться как самостоятельное основание для принятия юридически значимых решений. Они требуют проверки, верификации и правовой оценки со стороны субъекта, на которого законом возложены соответствующие обязанности и ответственность.

Отдельное внимание в диссертации уделено вопросу о правовой природе искусственного интеллекта. Проведенный анализ позволил сделать вывод о невозможности признания искусственного интеллекта субъектом права в рамках режима противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Искусственный интеллект не обладает самостоятельной волей, правосознанием, способностью нести юридическую ответственность и не может самостоятельно осуществлять публично-властные полномочия. В связи с этим концепция «электронного лица», а также иные модели правовой персонализации искусственного интеллекта не могут быть положены в основу

административно-правового регулирования его применения в финансовом мониторинге. Более обоснованным является подход, при котором искусственный интеллект рассматривается как элемент цифровой инфраструктуры, а юридическая ответственность распределяется между субъектами, участвующими в разработке, внедрении, эксплуатации и использовании соответствующих систем.

В ходе исследования установлено, что Федеральный закон № 115-ФЗ закрепляет широкий круг публично значимых обязанностей организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, однако не содержит специальных норм, определяющих порядок применения искусственного интеллекта при реализации указанных обязанностей. Это свидетельствует о наличии разрыва между фактической цифровизацией финансового мониторинга и уровнем ее правового оформления. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость нормативного закрепления требований к прозрачности, проверяемости и контролируемости алгоритмических процедур, документированию результатов автоматизированного анализа, разграничению автоматизированной и экспертной оценки, а также сохранению человеческого участия при принятии решений, способных повлечь юридически значимые последствия.

Сравнительно-правовой анализ подтвердил, что использование искусственного интеллекта и иных цифровых технологий в сфере финансового мониторинга является устойчивой тенденцией зарубежного регулирования и правоприменительной практики. Зарубежная практика, в том числе опыт Великобритании, США, Италии, Туниса, Сингапура и ряда других государств, свидетельствует о расширении сферы применения интеллектуальных технологий в финансовом мониторинге. Такие инструменты используются при организации риск-ориентированного надзора, обработке сообщений о подозрительных операциях, анализе трансграничного движения денежных средств, мониторинге открытых источников, выявлении нестандартных транзакционных связей и подготовке аналитических

материалов. Вместе с тем данный опыт подтверждает один из ключевых выводов настоящего исследования: искусственный интеллект не заменяет уполномоченный орган или субъекта финансового мониторинга, а выполняет вспомогательную информационно-аналитическую функцию. Его назначение состоит в выявлении признаков риска и подготовке данных, которые в дальнейшем должны получить правовую оценку со стороны компетентного субъекта.

В диссертационном исследовании обосновывается необходимость установления специальных требований к использованию искусственного интеллекта субъектами финансового мониторинга. Такие требования должны быть направлены на обеспечение проверяемости и верификации результатов автоматизированной обработки данных, фиксацию оснований формирования риск-сигналов, разграничение алгоритмического анализа и экспертной правовой оценки, а также на закрепление процедур пересмотра решений, принятых с учетом выводов интеллектуальных систем. Кроме того, требуется определить пределы допустимого использования алгоритмических результатов, чтобы исключить их восприятие в качестве самостоятельного юридически значимого решения без участия уполномоченного лица.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о формировании гибридной модели финансового мониторинга, основанной на взаимодействии человека и искусственного интеллекта. В рамках такой модели интеллектуальная система выполняет информационно-аналитическую функцию: обрабатывает данные, выявляет нетипичные признаки, формирует риск-индикаторы и подготавливает аналитические выводы. При этом юридически значимая оценка выявленных обстоятельств, принятие решений и ответственность за их последствия сохраняются за уполномоченными субъектами. Именно такая модель позволяет использовать технологический потенциал искусственного интеллекта без подмены публично-правовой ответственности алгоритмическими решениями.

Применение искусственного интеллекта в российской системе финансового мониторинга имеет и международное значение. Это связано с трансграничным характером финансовых потоков, развитием международных стандартов в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, а также необходимостью обеспечения доверия к национальной системе финансового мониторинга. В связи с этим правовая определенность, проверяемость и контролируемость использования интеллектуальных систем должны рассматриваться как условия эффективности российского механизма выявления и предупреждения рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Таким образом, в диссертации подтверждены основные положения, выносимые на защиту. Во-первых, доказано, что искусственный интеллект выступает фактором трансформации административно-правовых процедур финансового мониторинга, поскольку изменяет способы анализа финансовых операций, выявления рисков и реализации риск-ориентированного подхода. Во-вторых, установлено, что искусственный интеллект не является субъектом права в рамках рассматриваемого режима, а должен рассматриваться как элемент цифровой инфраструктуры финансового мониторинга. В-третьих, обоснована необходимость функционально ориентированного определения искусственного интеллекта применительно к режиму противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В-четвертых, подтверждена необходимость закрепления специальных требований к прозрачности, проверяемости, верификации результатов автоматизированной обработки данных, документированию алгоритмических выводов и процедурам пересмотра решений. В-пятых, доказано, что цифровизация финансового мониторинга обуславливает формирование гибридной модели взаимодействия человека и искусственного интеллекта, при которой интеллектуальные системы усиливают аналитический потенциал режима, но не заменяют юридически значимую оценку и ответственность уполномоченных субъектов.

В целом проведенное исследование позволило обосновать, что дальнейшее развитие административно-правового регулирования применения искусственного интеллекта в финансовом мониторинге должно осуществляться не через признание искусственного интеллекта самостоятельным носителем прав и обязанностей, а через нормативное закрепление условий его безопасного, прозрачного и контролируемого использования.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

### I. Официальные документы и нормативные акты

#### [1]. Российское законодательство

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации.

2. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 45. Ст. 7061.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I. Ст. 1.

8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I. Ст. 3.

9. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

10. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33, ч. I. Ст. 3418.

11. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 48. Ст. 4746.

12. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3448.

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3451.

15. Федеральный закон от 28.06.2014 № 173-ФЗ «Об особенностях осуществления финансовых операций с иностранными гражданами и юридическими лицами, о внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26, ч. I. Ст. 3379.

16. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе

федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2701.

17. Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных” и Федеральный закон “О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных””» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33, ч. I. Ст. 4929.

18. Указ Президента Российской Федерации от 01.11.2001 № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 45. Ст. 4251.

19. Указ Президента Российской Федерации от 13.06.2012 № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 25. Ст. 3314.

20. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации.

21. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

22. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утверждена Указом Президента Российской

Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

23. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.

24. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: утверждена Президентом Российской Федерации 30.05.2018 // Официальный сайт Президента Российской Федерации.

25. Указ Президента Российской Федерации от 26.02.2026 № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации.

26. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.02.2025 № 131 «Об утверждении Правил передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу адвокатами, доверительными собственниками (управляющими) иностранной структуры без образования юридического лица, исполнительными органами личного фонда (кроме наследственного фонда), в том числе международного личного фонда (кроме международного наследственного фонда), лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, лицами, осуществляющими майнинг цифровой валюты (в том числе участниками майнинг-пула), лицами, организующими деятельность майнинг-пула, нотариусами, аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами и направления Федеральной службой по финансовому мониторингу запросов указанным лицам».

27. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2025 № 1157 «Об утверждении требований к правилам внутреннего

контроля, разрабатываемым организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальными предпринимателями» // Официальный интернет-портал правовой информации.

28. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.01.2014 № 58 «Об утверждении Положения о постановке на учет в Федеральной службе по финансовому мониторингу организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей, в сфере деятельности которых отсутствуют надзорные органы».

29. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.08.2015 № 804 «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей».

30. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.03.2018 № 315 «О порядке уведомления Федеральной службы по финансовому мониторингу отдельными юридическими лицами о каждом открытии, закрытии, изменении реквизитов счетов, покрытых (депонированных) аккредитивов в иностранных банках, заключении, расторжении договоров банковского счета, договоров банковского вклада (депозита) с иностранными банками и внесении в них изменений, о приобретении и об отчуждении ценных бумаг иностранных банков, о заключении, расторжении договора на ведение реестра владельцев ценных бумаг с лицом, имеющим лицензию на осуществление деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг».

31. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.09.2018 № 1066 «О порядке и условиях отчуждения федеральными

унитарными предприятиями и хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности Российской Федерации, а также хозяйственными обществами, находящимися под их прямым или косвенным контролем, принадлежащих им ценных бумаг кредитных организаций, которые перестали соответствовать установленным требованиям».

32. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р.

33. Приказ Минфина России от 13.11.2007 № 108н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)».

34. Приказ Росфинмониторинга от 20.05.2022 № 100 «Об утверждении требований к идентификации клиентов, представителей клиентов, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев, в том числе с учетом степени (уровня) риска совершения подозрительных операций».

35. Приказ Росфинмониторинга от 11.02.2019 № 33 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по финансовому мониторингу государственной услуги по ведению учета организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей, в сфере деятельности которых отсутствуют надзорные органы».

36. Приказ Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных».

37. Положение Банка России от 15.10.2015 № 499-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиентов, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях

противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

38. Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности».

39. Письмо Банка России от 06.04.2005 № 56-Т «О методических рекомендациях по проведению проверок соблюдения кредитными организациями требований законодательства Российской Федерации и нормативных актов Банка России в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

## **[2]. Международные акты и документы международных организаций**

40. Конвенция Совета Европы о защите лиц в связи с автоматизированной обработкой персональных данных ETS № 108 от 28.01.1981 // Совет Европы: официальный сайт. URL: <https://rm.coe.int/1680078b37> (дата обращения: 31.05.2026).

41. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2013 № 68/167 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» // Цифровая библиотека ООН: официальный сайт. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/764407> (дата обращения: 31.05.2026).

42. Резолюция Совета ООН по правам человека от 13.07.2021 № A/HRC/RES/47/23 «Новые и формирующиеся цифровые технологии и

права человека» // Цифровая библиотека ООН: официальный сайт.  
URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3936036> (дата обращения: 31.05.2026).

43. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта]: adopted by the General Conference of UNESCO at its 41st session on 23.11.2021 // UNESCO Digital Library: официальный сайт.  
URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (дата обращения: 31.05.2026).

44. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence OECD/LEGAL/0449 [Рекомендация Совета ОЭСР по искусственному интеллекту OECD/LEGAL/0449]: adopted on 22.05.2019, amended on 03.05.2024 // OECD Legal Instruments: официальный сайт.  
URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 31.05.2026).

45. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Резолюция Европейского парламента от 16.02.2017 с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым правилам о робототехнике (2015/2103(INL))] // EUR-Lex: официальный сайт.  
URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=oj:JOC\\_2018\\_252\\_R\\_0026](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=oj:JOC_2018_252_R_0026) (дата обращения: 31.05.2026).

46. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law CETS № 225 [Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права CETS № 225]: opened for signature on 05.09.2024 // Council of Europe: официальный сайт.  
URL: <https://www.coe.int/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=225> (дата обращения: 31.05.2026).

47. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24.10.1995 On the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data [Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета от 24.10.1995 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных] // EUR-Lex: официальный сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31995L0046> (дата обращения: 31.05.2026).

48. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27.04.2016 On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC [Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27.04.2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, отменяющий Директиву 95/46/ЕС] // EUR-Lex: официальный сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (дата обращения: 31.05.2026).

49. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13.06.2024 Laying down harmonised rules on artificial intelligence [Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13.06.2024, устанавливающий гармонизированные правила об искусственном интеллекте] // EUR-Lex: официальный сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 31.05.2026).

50. Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1996 № 51/191.

51. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 № 54/109.

52. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15.11.2000 № 55/25.

53. Конвенция ООН против коррупции: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 31.10.2003 № 58/4.

54. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1267 (1999).

55. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1269 (1999).

56. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1333 (2000).

57. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1363 (2001).

58. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1373 (2001).

59. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1390 (2002).

60. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1452 (2002).

61. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1455 (2003).

62. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1456 (2003).

63. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1526 (2004).

64. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1617 (2005).

65. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1699 (2006).

66. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1735 (2006).

67. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1822 (2008).

68. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2199 (2015).

69. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2253 (2015).

70. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2354 (2017).

71. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2396 (2017).

72. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2462 (2019).

73. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21.03.2024 № A/RES/78/265 «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития» // Цифровая библиотека ООН: официальный сайт. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4043244> (дата обращения: 31.05.2026).

74. FATF. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation: The FATF Recommendations [Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: Рекомендации ФАТФ]. Paris: FATF, 2012.

75. FATF. Specific Risk Factors in the Laundering of Proceeds of Corruption [Конкретные факторы риска, связанные с легализацией (отмыванием) доходов от коррупции]. Paris: FATF, 2012.

76. FATF. Operational Issues: Financial Investigations Guidance [Руководство по проведению финансовых расследований]. Paris: FATF, 2012.

77. FATF. The Role of Hawala and Other Similar Service Providers in Money Laundering and Terrorist Financing [Роль систем типа «Хавала» и других провайдеров аналогичных услуг в отмывании денег и финансировании терроризма]. Paris: FATF, 2013.

78. FATF. Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks [Виртуальные валюты: ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ]. Paris: FATF, 2014.

79. FATF. Best Practices: Combating the Abuse of Non-Profit Organisations (Recommendation 8) [Передовой опыт противодействия использованию некоммерческих организаций в целях финансирования терроризма (Рекомендация 8)]. Paris: FATF, 2015.

80. FATF. Money Laundering and Terrorist Financing Vulnerabilities of Legal Professionals [Уязвимости специалистов по правовым вопросам с точки зрения отмывания денег и финансирования терроризма]. Paris: FATF, 2013.

81. FATF. Guidance for a Risk-Based Approach to Prepaid Cards, Mobile Payments and Internet-Based Payment Services [Руководство по применению

риск-ориентированного подхода для prepaid карт, мобильных платежей и онлайн-платежей]. Paris: FATF, 2013.

82. FATF. International Best Practices: Targeted Financial Sanctions Related to Terrorism and Terrorist Financing (Recommendation 6) [Международный передовой опыт: целевые финансовые санкции, связанные с терроризмом и финансированием терроризма (Рекомендация 6)]. Paris: FATF, 2013.

83. FATF. Politically Exposed Persons (Recommendations 12 and 22) [Публичные должностные лица (Рекомендации 12 и 22)]. Paris: FATF, 2013.

84. FATF. National Money Laundering and Terrorist Financing Risk Assessment [Оценка рисков ОД/ФТ на национальном уровне]. Paris: FATF, 2013.

85. FATF. Methodology for Assessing Technical Compliance with the FATF Recommendations and the Effectiveness of AML/CFT Systems [Методология оценки технического соответствия рекомендациям ФАТФ и эффективности систем ПОД/ФТ]. Paris: FATF, 2013.

86. FATF. Risk of Terrorist Abuse in Non-Profit Organisations [Риск незаконного использования некоммерческих организаций в террористических целях]. Paris: FATF, 2014.

87. FATF. Guidance for a Risk-Based Approach: The Banking Sector [Руководство по риск-ориентированному подходу для банковского сектора]. Paris: FATF, 2014.

88. FATF. AML/CFT-Related Data and Statistics [Данные и статистика в сфере ПОД/ФТ]. Paris: FATF, 2015.

89. FATF. Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Currencies [Руководство по применению риск-ориентированного подхода к виртуальным валютам]. Paris: FATF, 2015.

90. FATF. Effective Supervision and Enforcement by AML/CFT Supervisors of the Financial Sector and Law Enforcement [Эффективная

надзорная и правоприменительная деятельность органов, осуществляющих надзор за финансовым сектором в целях ПОД/ФТ, и правоохранительных органов]. Paris: FATF, 2015.

91. FATF. Guidance for a Risk-Based Approach for Money or Value Transfer Services [Руководство по риск-ориентированному подходу для услуг по переводу денежных средств и ценностей]. Paris: FATF, 2016.

92. FATF. Criminalising Terrorist Financing (Recommendation 5) [Криминализация финансирования терроризма (Рекомендация 5)]. Paris: FATF, 2016.

93. FATF. Correspondent Banking Services [Корреспондентские банковские отношения]. Paris: FATF, 2016.

94. FATF. Amendments to the FATF Standards and Statement on Virtual Assets [Внесение изменений в стандарты ФАТФ и заявление ФАТФ по виртуальным активам]. Paris: FATF, 2018.

95. FATF. Opportunities and Challenges of New Technologies for AML/CFT [Возможности и проблемы новых технологий в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма]. Paris: FATF, 2021.

96. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS № 141: заключена в г. Страсбурге 08.11.1990.

97. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173: заключена в г. Страсбурге 27.01.1999.

98. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: заключена в г. Шанхае 15.06.2001.

99. Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией: заключено в г. Риме 06.11.2003.

100. Договор государств — участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма: заключен в г. Душанбе 05.10.2007.

## **II. Научная и учебная литература**

### **[1]. Учебники, учебные пособия и монографии**

101. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 404 с.
102. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. - М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.
103. Кельзен Г. Чистое учение о праве. - 2-е изд./пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. – СПб.: ООО «Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.
104. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
105. Понкин И.В. Теория публичного управления: учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / Предисловие А.Б. Зеленцова / Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. – М.: Буки Веди, 2017. – 728 с.
106. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / Джеймс Баррат; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 304 с.
107. Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1989. – 1632 с.
108. Уинстон П.Г. Искусственный интеллект под ред. Д.А. Поспелова. – М.: Мир, 1980. – 520 с.
109. Циолковский К.Э. Причина космоса. Грезы о земле и небе. - Тула: Приокское книжное издательство, 1986. – 448 с.
110. Шилейко А.В. Дискуссии об искусственном интеллекте. – М.: Знание, 1970. – 48 с.

111. Ястребов О.А. Публичные субъекты административного права: учебное пособие. - М.: РУДН, 2008. – 144 с.
112. Ястребов О.А. Государственное унитарное предприятие как субъект публичного права: монография. - М.: Наука, 2008. – 165 с.
113. Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: вопросы теории: монография. - М.: Наука, 2010. – 305 с.
114. Ястребов О.А. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в экономической сфере: учебно-методический комплекс: учебное пособие. - М.: РУДН, 2015. – 55 с.

## **[2]. Научные статьи**

115. Агапов И. Искусственный интеллект в законе // СТАНДАРТ. Цифровая трансформация, ИТ, коммуникации, контент. 2018. № 3 (182).
116. Алешкова И.А. Цифровой статус личности и правовой статус искусственного интеллекта: новое в юридических конструкциях // Политика, государство и право. 2021. № 12. DOI: 10.31249/pctii/2021.00.12.
117. Богдановская И.Ю., Васякина Е.В., Волос А.А., Данилов Н.А., Егорова Е.В., Калятин В.А., Карпенко О.И., Салихов Д.Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 4. С. 278–306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306.
118. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83. DOI: 10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83.
119. Васильева Ю.В. Квазиправосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 2. С. 45–56. URL: <https://lawbulletin.mgpu.ru/2022/06/27/kvazipravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-teoretiko-pravovye-aspekty> (дата обращения: 11.09.2025).

120. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233. DOI: 10.17223/15617793/435/28.
121. Галиндо Л., Персе К., Шика Ф. Обзор национальных стратегий и политик в области искусственного интеллекта // OECD Going Digital Toolkit Notes. 2021. № 14. DOI: 10.1787/c05140d9-en.
122. Головина А.А. Квazисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI веке // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 3 (75). С. 45–53. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.75.3.045-053.
123. Грищенко Г.А. Искусственный интеллект в государственном управлении // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 27–31.
124. Зайцев Д.И. Административное усмотрение в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11 (99). С. 199–208. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.99.11.199-208.
125. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире: размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая. № 115 (7578).
126. Иванов С.П. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма // Инновации в науке и образовании: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет, 2024. С. 352–357.
127. Иванский В.П. Методология исследования природы правовой реальности «Я» (часть первая) // Административное право и процесс. 2013. № 12. С. 60–67.
128. Иванский В.П. Методология исследования природы правовой реальности «Я» (часть вторая) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 65–71.

129. Косаренко Н.Н. Категория «интерес» в системе публичного и частного права // Государство и гражданское общество. 2007. № 3. С. 153–162.
130. Марченко Р.А. Понятие и особенности административно-правового режима обеспечения таможенного дела // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2006. № 5.
131. Маслова Е.А., Самойловская Н.А., Сорокова Е.Д., Чеков А.Д. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. № 4. С. 65–84. URL: [https://open.mgimo.ru/bitstream/123456789/4851/1/sravpol\\_13\\_4\\_65\\_84.pdf](https://open.mgimo.ru/bitstream/123456789/4851/1/sravpol_13_4_65_84.pdf) (дата обращения: 31.05.2026).
132. Минбалеев А.В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 4. С. 82–87. DOI: 10.14529/law180414.
133. Незнамов А.В. Правила беспилотного вождения: об изменениях Венской конвенции о дорожном движении // Закон. 2018. № 1. С. 172–182.
134. Нестеров А.В. Возможны ли правоотношения и юридические взаимодействия между людьми и роботами? М.: Препринт, 2016. 14 с.
135. Полякова Т.А. Актуальные проблемы развития системы правового обеспечения информационной безопасности в цифровую эпоху и юридическое образование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 37–44.
136. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
137. Попова А.В. Мягкое право как структурная часть комплексной отрасли российского законодательства в сфере правовой регламентации искусственного интеллекта // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4 (44). С. 86–93. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.09.

138. Розанов И.С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Государство и право. 1996. № 9. С. 84–91.

139. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 75–85. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085.

140. Тютчева Е.В. Искусственный интеллект как субъект права: современные дискуссии // Theoretical and Applied Law. 2022. № 2. С. 80–92. DOI: 10.24158/tal.2022.2.9.

141. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.

142. Черкасов В.Н. Новый субъект права? // Базис. 2017. № 1. С. 41–44.

143. Щукина Т.В. Административное усмотрение и его проявление в административных процедурах: новые трансформации в условиях цифрового государства и информационного общества // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 137–144.

144. Якушев В.А. Правовые режимы в сфере управления государством // Оценка правовых режимов: подходы и методы: сборник научных трудов / отв. за вып. Н.А. Фролова, В.Ю. Панченко. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. С. 166.

145. Ястребов О.А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2017. № 1 (39). С. 189–202.

146. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти С.Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 271–283.

147. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

148. Ястребов О.А. Понятие и сущность публично-правовой ответственности государственных предприятий // Право: теория и практика. 2007. № 5. С. 29–35.

### **[3]. Диссертации и авторефераты диссертаций**

149. Абдиева Д.А. Систематизация законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва, 2024. 200 с.

150. Атабеков А.Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.2 / Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Москва, 2024. 382 с.

151. Балалаева Ю.С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. Нижний Новгород, 2024. 263 с.

152. Барчуков В.К. Организационно-правовые основы информационного обеспечения и применения искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. Москва, 2025. 263 с.

153. Головизнина Ю.И. Противодействие коррупции в деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Национальный исследовательский Нижегородский

государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2025. 232 с.

154. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 228 с.

155. Прошунин М.М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма: российский и зарубежный опыт: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.2 / Российский университет дружбы народов. Москва, 2010. 416 с.

156. Саркисян Л.Р. Юридические фикции: логико-доктринальный анализ: дис. ... канд. юрид. наук / Российский университет дружбы народов. Москва, 2018. 226 с.

157. Соловкин С.В. Публично-правовое регулирование процессов автоматизированного сбора данных о человеке в условиях цифровой трансформации: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Москва, 2024. 278 с.

158. Федорук Е.О. Институт юридической ответственности в контексте развития технологий искусственного интеллекта: критический анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2024. 244 с.

159. Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 48 с. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/23-10-2024-2r.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).

160. Ястребов О.А. Государственное унитарное предприятие как субъект административного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2007. 187 с.

**[4]. Книги, статьи и электронные ресурсы на иностранных языках**

161. Allain J.S. From Jeopardy! to Jaundice: The Medical Liability Implications of Dr. Watson and Other Artificial Intelligence Systems // Louisiana Law Review. 2013. Vol. 73. No. 4. P. 1049–1079. URL: <https://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol73/iss4/7> (дата обращения: 31.05.2026).
162. Almeida Lenardon P.G.R. de. The Regulation of Artificial Intelligence. Tilburg University, 2017. 71 p. URL: <http://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=142832> (дата обращения: 31.05.2026).
163. Bucher A. Navigating the Power of Artificial Intelligence in the Legal Field // Houston Law Review. 2025. Vol. 62. P. 819–856. URL: <https://houstonlawreview.org/article/137782-navigating-the-power-of-artificial-intelligence-in-the-legal-field> (дата обращения: 31.05.2026).
164. Calo R. The Case for a Federal Robotics Commission // Brookings Institution. 2014. URL: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=2529151](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2529151) (дата обращения: 31.05.2026).
165. Chopra S., White L.F. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. 256 p.
166. Dasgupta R., Mekala S.H., Jaigirdar F.T., Anwar A., Chang L.Y.-C. Unlocking Australia's AI Usage in Law Enforcement from Human Involvement Perspective: A Systematic Literature Review // AI & Society. 2025. Vol. 40. P. 6543–6570. DOI: 10.1007/s00146-025-02350-6.
167. Delvaux M. Robotics Will Bring About a Revolution // European Parliament: Официальный сайт. 22.04.2015. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/economy/20150422STO43701/mady-delvaux-robotics-will-bring-about-a-revolution> (дата обращения: 31.05.2026).
168. Eggers W.D., Schatsky D., Viechnicki P. AI-Augmented Government: Using Cognitive Technologies to Redesign Public Sector Work // Deloitte Insights. 2017. URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/cognitive->

technologies/artificial-intelligence-government.html (дата обращения: 31.05.2026).

169. Luger G.F. Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving. 6th ed. Boston: Pearson, 2009. 784 p.

170. McCarthy J. What Is Artificial Intelligence? // Stanford University: Официальный сайт. 2007. URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 31.05.2026).

171. Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics. Brussels: European Parliament, Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs, 2016.

URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL\\_STU\(2016\)571379\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf) (дата обращения: 31.05.2026).

172. Nilsson N.J. The Quest for Artificial Intelligence: A History of Ideas and Achievements. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 562 p. URL: <https://ai.stanford.edu/~nilsson/QAI/qai.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

173. Petit N. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots: Conceptual Framework and Normative Implications. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2931339> (дата обращения: 31.05.2026).

174. Thierer A.D., Castillo A., Russell R. Artificial Intelligence and Public Policy. Mercatus Center, George Mason University, 2017. URL: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=3021135](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3021135) (дата обращения: 31.05.2026).

175. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. Brussels: European Commission, 2019. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 31.05.2026).

176. National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020 // United States Code. Title 15. § 9401. Definitions. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (дата обращения: 23.05.2026).

177. 15 U.S.C. § 9401 “Definitions” // Office of the Law Revision Counsel, U.S. House of Representatives: Официальный сайт. URL: [https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=\(title:15%20section:9401%20edition:prelim\)](https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=(title:15%20section:9401%20edition:prelim)) (дата обращения: 23.05.2026).

178. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). NIST AI 100-1. Gaithersburg, 2023. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).

179. National Telecommunications and Information Administration. Artificial Intelligence Accountability Policy Report. Washington, D.C., 2024. URL: <https://www.ntia.gov/sites/default/files/publications/ntia-ai-report-final.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

180. National Telecommunications and Information Administration. Glossary of Terms // NTIA: Официальный сайт. 2024. URL: <https://www.ntia.gov/issues/artificial-intelligence/ai-accountability-policy-report/glossary-of-terms> (дата обращения: 31.05.2026).

181. Office of Management and Budget. Memorandum M-24-10 “Advancing Governance, Innovation, and Risk Management for Agency Use of Artificial Intelligence”. Washington, D.C., 28.03.2024. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/03/M-24-10-Advancing-Governance-Innovation-and-Risk-Management-for-Agency-Use-of-Artificial-Intelligence.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).

182. Office of Management and Budget. Memorandum M-25-21 “Accelerating Federal Use of AI through Innovation, Governance, and Public Trust”. Washington, D.C., 03.04.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/02/M-25-21-Accelerating-Federal-Use-of-AI-through-Innovation-Governance-and-Public-Trust.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).

183. Office of Management and Budget. Memorandum M-25-22 “Driving Efficient Acquisition of Artificial Intelligence in Government”. Washington, D.C., 03.04.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp->

content/uploads/2025/02/M-25-22-Driving-Efficient-Acquisition-of-Artificial-Intelligence-in-Government.pdf (дата обращения: 23.05.2026).

184. Department for Science, Innovation and Technology. A Pro-Innovation Approach to AI Regulation: White Paper. London, 2023 // GOV.UK: Официальный сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper> (дата обращения: 23.05.2026).

185. Department for Science, Innovation and Technology. A Pro-Innovation Approach to AI Regulation: Government Response. London, 2024 // GOV.UK: Официальный сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/ai-regulation-a-pro-innovation-approach-policy-proposals/outcome/a-pro-innovation-approach-to-ai-regulation-government-response> (дата обращения: 23.05.2026).

186. A New Generation of Artificial Intelligence Development Plan [План развития искусственного интеллекта нового поколения]: Notice of the State Council Issuing the New Generation of Artificial Intelligence Development Plan, State Council Document [2017] No. 35, 08.07.2017 / translated by F. Sapio, W. Chen, A. Lo // The Foundation for Law and International Affairs: Официальный сайт. 2017. URL: <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

187. Ethical Norms for New Generation Artificial Intelligence [Этические нормы для искусственного интеллекта нового поколения] / Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China; translated by Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University // Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University: Официальный сайт. 12.10.2021. URL: [https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0400\\_AI\\_ethical\\_norms\\_EN.pdf](https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0400_AI_ethical_norms_EN.pdf) (дата обращения: 23.05.2026).

188. Internet Information Service Algorithmic Recommendation Management Provisions [Положения об управлении алгоритмическими рекомендациями в интернет-информационных сервисах]: adopted on 31.12.2021, effective on 01.03.2022 / translated by R. Creemers, G. Webster, H. Toner // DigiChina, Stanford University: Официальный сайт. 10.01.2022. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-provisions-effective-march-1-2022/> (дата обращения: 23.05.2026).

189. Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services [Положения об администрировании интернет-информационных сервисов глубинного синтеза]: issued on 25.11.2022, effective on 10.01.2023 // China Law Translate: Официальный сайт. 11.12.2022. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/deep-synthesis/> (дата обращения: 23.05.2026).

190. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services [Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта]: issued on 13.07.2023, effective on 15.08.2023 // China Law Translate: Официальный сайт. 13.07.2023. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/> (дата обращения: 23.05.2026).

191. Artificial Intelligence Law of the People's Republic of China (Draft for Suggestions from Scholars) [Закон Китайской Народной Республики об искусственном интеллекте: проект для предложений научного сообщества] / Zhang Linghan, Yang Jianjun, Cheng Ying, Zhao Jingwu, Han Xuzhi, Zheng Zhifeng, Xu Xiaoben; translated by Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University // Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University: Официальный сайт. 02.05.2024. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-ai-law-draft/> (дата обращения: 23.05.2026).

192. Guía para entidades públicas y privadas en materia de Transparencia y Protección de Datos Personales para una Inteligencia Artificial responsable [Руководство для публичных и частных организаций по вопросам прозрачности и защиты персональных данных для ответственного искусственного интеллекта] // Agencia de Acceso a la Información Pública (AAIP): Официальный сайт. Buenos Aires, junio de 2024. URL: [https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/aaip-argentina-guia\\_para\\_usar\\_la\\_ia\\_de\\_manera\\_responsable.pdf](https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/aaip-argentina-guia_para_usar_la_ia_de_manera_responsable.pdf) (дата обращения: 12.10.2025).

193. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016) [Дело «Штат Висконсин против Лумиса»] // Supreme Court of Wisconsin: Официальный сайт. 13.07.2016. URL: <https://www.wicourts.gov/sc/opinion/DisplayDocument.pdf?content=pdf&seqNo=171690> (дата обращения: 30.05.2026).

194. Rechtbank Den Haag. Judgment of 05.02.2020, ECLI:NL:RBDHA:2020:1878 [Дело SyRI] // De Rechtspraak: Официальный сайт. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:RBDHA:2020:1878> (дата обращения: 31.05.2026).

195. Foxglove. Home Office Says It Will Abandon Its Racist Visa Algorithm — After We Sued Them // Foxglove: Официальный сайт. 04.08.2020. URL: <https://www.foxglove.org.uk/2020/08/04/home-office-says-it-will-abandon-its-racist-visa-algorithm-after-we-sued-them/> (дата обращения: 31.05.2026).

196. Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique [Закон Французской Республики от 07.10.2016 № 2016-1321 «О цифровой республике»] // Journal officiel de la République française. 08.10.2016. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746/> (дата обращения: 22.06.2026).

197. Cuthbertson A. Tokyo: Artificial Intelligence ‘Boy’ Shibuya Mirai Becomes World’s First AI Bot to Be Granted Residency // Newsweek: Официальный сайт. 06.11.2017. URL: <https://www.newsweek.com/tokyo-residency-artificial-intelligence-boy-shibuya-mirai-702382> (дата обращения: 15.04.2022).

198. Weller C. Sophia Robot Citizenship in Saudi Arabia Is the First of Its Kind // Business Insider: Официальный сайт. 26.10.2017. URL: <https://www.businessinsider.com/sophia-robot-citizenship-in-saudi-arabia-the-first-of-its-kind-2017-10> (дата обращения: 31.05.2026).

199. Senator T.E., Goldberg H.G., Wooton J., Cottini M.A., Khan A.F.U., Klinger C.D., Llamas W.M., Marrone M.P., Wong R.W.H. The FinCEN Artificial Intelligence System: Identifying Potential Money Laundering from Reports of Large Cash Transactions // Innovative Applications of Artificial Intelligence. 1995. URL: <https://www.aaai.org/Papers/IAAI/1995/IAAI95-015.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

200. Galindo L., Perset K., Sheeka F. An Overview of National AI Strategies and Policies // OECD Going Digital Toolkit Notes. 2021. No. 14. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/c05140d9-en. URL: [https://www.oecd.org/en/publications/an-overview-of-national-ai-strategies-and-policies\\_c05140d9-en.html](https://www.oecd.org/en/publications/an-overview-of-national-ai-strategies-and-policies_c05140d9-en.html) (дата обращения: 10.10.2025).

### **III. Электронные ресурсы**

201. Филипенко А. Беспилотный автомобиль Uber впервые насмерть сбил пешехода в США // РБК: официальный сайт. 19 марта 2018 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ab012be9a7947bcf784aaeb> (дата обращения: 03.03.2023).

202. Вашкевич А. Юридические электронные лица // Ведомости: официальный сайт. 22 мая 2016 г.

URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/23/641943-yuridicheskie-elektronnie-litsa> (дата обращения: 22.05.2022).

203. Паспорт законопроекта № 922869-7 // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922869-7> (дата обращения: 20.04.2023).

204. Инициативы Франции в сфере робототехники (France Robots Initiatives), 2013 // Робоправо: исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: [http://robopravo.ru/initsiativy\\_frantsii\\_v\\_sfierie\\_robototiekhniki\\_2013](http://robopravo.ru/initsiativy_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013) (дата обращения: 04.02.2022).

205. Дробышев П. Инновации в юриспруденции: обзор достижений и тенденций в области IT-технологизации юридического бизнеса в англоязычных юрисдикциях // Закон.ру: официальный сайт. 16 декабря 2017 г. URL: [https://zakon.ru/blog/2017/12/16/innovacii\\_v\\_yurisprudencii\\_obzor\\_dostizhenij\\_i\\_tendencij\\_v\\_oblastiit-tehnologizacii\\_yuridicheskogo\\_b\\_71828](https://zakon.ru/blog/2017/12/16/innovacii_v_yurisprudencii_obzor_dostizhenij_i_tendencij_v_oblastiit-tehnologizacii_yuridicheskogo_b_71828) (дата обращения: 04.02.2022).

206. Исследовательский центр искусственного интеллекта // Исследовательский центр искусственного интеллекта: официальный сайт. URL: <http://aicenter.botik.ru/Airec/index.php/ru/news/entry/2017-01-19-10-28-26> (дата обращения: 12.05.2023).

207. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте // Робоправо: исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: [http://robopravo.ru/modielnaia\\_konvientsiia](http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia) (дата обращения: 02.04.2022).

208. Нужен ли роботам юридический статус // TechFusion: сайт. URL: <https://techfusion.ru/nuzhen-li-robotam-yuridicheskij-status/> (дата обращения: 24.04.2022).

209. Осипов Г.С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее // Российская ассоциация искусственного интеллекта: официальный сайт.

URL: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> (дата обращения: 16.04.2022).

210. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. // Президент России: официальный сайт. 1 декабря 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 02.02.2022).

211. Пихорович В. К истории кибернетики в СССР: очерк первый // Propaganda Journal: сайт. URL: <http://propaganda-journal.net/1034.html> (дата обращения: 15.04.2022).

212. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://static.government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).

213. Рамочная программа ЕС по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020»: практическое руководство // Оренбургский государственный университет: официальный сайт. URL: [http://www.osu.ru/docs/official/nauka/nts/gorizont-2020\\_Practical\\_guide\\_RU.pdf](http://www.osu.ru/docs/official/nauka/nts/gorizont-2020_Practical_guide_RU.pdf) (дата обращения: 20.05.2022).

214. Совещание по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта // Президент России: официальный сайт. 30 мая 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60031> (дата обращения: 25.02.2023).

215. President Trump's FY 2021 Budget Commits to Double Investments in Key Industries of the Future // The White House: Официальный сайт. 11 February 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings->

statements/president-trumps-fy-2021-budget-commits-double-investments-key-industries-future/ (дата обращения: 25.02.2023).

216. Department of Energy FY 2020 Budget Request Fact Sheet // U.S. Department of Energy: Официальный сайт. 11 March 2019. URL: <https://www.energy.gov/articles/departments-energy-fy-2020-budget-request-fact-sheet> (дата обращения: 23.02.2022).

217. Agriculture and Food Research Initiative (AFRI) // National Institute of Food and Agriculture, U.S. Department of Agriculture: Официальный сайт. URL: <https://www.nifa.usda.gov/grants/programs/agriculture-food-research-initiative> (дата обращения: 23.02.2023).

218. Contracts for April 18, 2019 // U.S. Department of Defense: Официальный сайт. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Contracts/Contract/Article/1811209/> (дата обращения: 24.03.2023).

219. Сооснователь Mail.ru Group Дмитрий Гришин разработал концепцию закона о правовом статусе роботов // Geektimes: сайт. URL: <https://geektimes.ru/post/283726/> (дата обращения: 02.02.2023).

220. Цветкова И. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров — как начинается LegalTech-революция // RB.ru: официальный сайт. 27 февраля 2017 г. URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech/> (дата обращения: 15.02.2022).